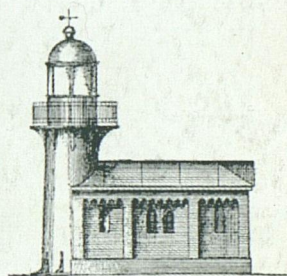
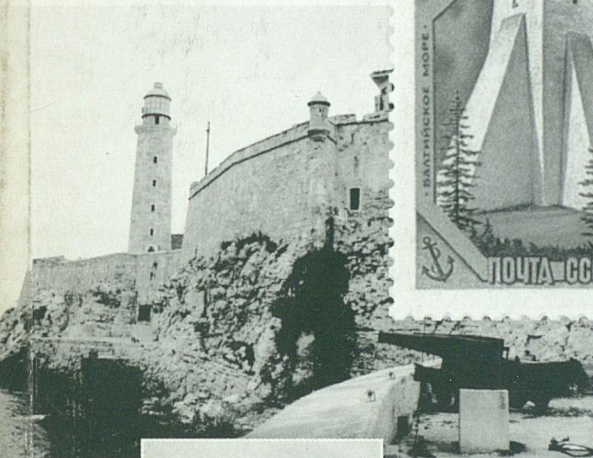
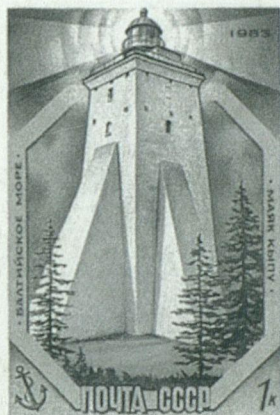
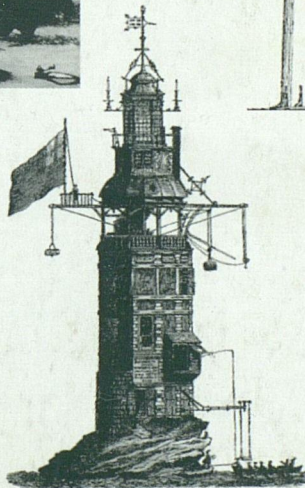
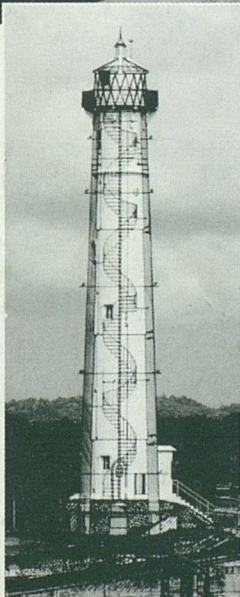


79,0 А87

# АРХИВ ИСТИТУТ НАСЛЕДИЯ 2007 НАСЛЕДИЯ



4. Маяк Магнусовский, в устье



3. Толбухин маяк, у входа на Б. Кронштадтский рейд.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК  
СРОКОВ ВОЗВРАТА

---

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ  
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ  
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

---

Колич. пред. выдач.

3 ГМС №. 8600000 3. 2895—87

A 87

Федеральное агентство по культуре  
и кинематографии

Российский научно-исследовательский институт  
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва

А Р Х И В   Н А С Л Е Д И Я   -  
2 0 0 7

И 00035-444

О/И.

Российский Институт культурного  
и природного наследия  
Библиотека

Москва  
2008

ББК 79 00

Составитель В.И. Плужников

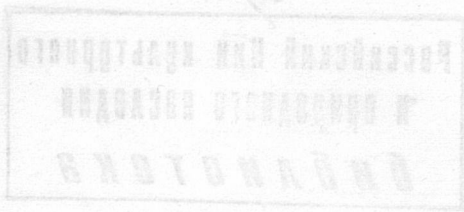
**Архив наследия — 2007.** Научный сборник.

М.: Институт Наследия, 2008. 304 с.: с илл.

**ISBN 978-5-86443-144-3**

*Сборник подготовлен Центром документации наследия (отдел в составе Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва). Содержит статьи нынешних исследователей архитектурного и исторического наследия, а также мемуарный материал.*

*Ouvrage scientifique de la série "Archives: patrimoine" réalisé par le Centre de documentation de l'Institut de recherches scientifiques sur le patrimoine culturel et naturel D. Likhatchev inclut des articles sur l'héritage architectural et historique aussi bien que des mémoires.*



© Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, 2008

**ISBN 978-5-86443-144-3**

## К ЧИТАТЕЛЮ

Вы раскрыли девятый ежегодный сборник «Архив наследия». На этот раз значительное место в нём занимают материалы по этнологии, истории конфессий и фольклору. К этно-конфессиональным группам, приблизившимся к грани исчезновения, относятся караимы — небольшой древний народ, в течение веков сохраняющий традиционные обычаи и верования, язык и культуру, основанную на дохристианской, ветхозаветной части Библии. Сегодня караимы демонстрируют упорную волю к выживанию, стремясь не только обозначить своё особое место в глобальном мировом сообществе, но и донести до будущих поколений устойчивое религиозное своеобразие. Истории и нынешнему положению караимов (прежде всего крымских и литовских) в данном выпуске «Архива наследия» посвящены три статьи, написанные Ю.А. Гавриловым и А.Г. Шевченко, Г.С. Кобецкайте, а также В.З. Тиряки — газзаном (фактически главой) единственного караимского храма, действующего сегодня в пределах СНГ.

К.Г. Головкин, издавший книгу о многочисленных деревянных часовнях Русского Севера, сопоставил зоны повышенной предпочтительности конкретных архитектурных форм и участки распространения былин в том же регионе. Историческая картография подтвердила предположение о том, что в облике часовен и в эпосе древние традиции были наиболее устойчивы и живучи в старообрядческой среде. Используя долгий опыт противостояния представителям официальной церкви, старообрядцы вплоть до 20 в. сберегали архаичные нормы в устном языковом творчестве, строительных конструкциях и архитектурных вкусах. И наоборот: там, где репрессии государства и официальной церкви вызвали массовый уход староверов с обжитых мест, эти традиции отмирали. Показательна разная степень устойчивости традиционных видов народного искусства в Олонецкой и Архангельской губерниях, с одной стороны, и Вологодской губернии, с другой. Аналогичные наблюдения относятся к Южному Уралу, Алтаю и Якутии, где на формирование старообрядческого социума существенно повлияло казачество.

Беспристрастное выявление старинных часовен разной сохранности и разного качества вступило в новую фазу после 1960-х гг. На

многих российских территориях удалось разглядеть реальное распространение художественной культуры в стороне от общепризнанных шедевров. Упорную борьбу за объективизацию и расширение кругозора историко-архитектурной науки ведёт Отдел Свода памятников художественной культуры, организованный около сорока лет назад в составе Всесоюзного института искусствоведения (сейчас Государственный институт искусствоведения). Несмотря на серьёзные трудности в многолетней кропотливой работе, Отдел регулярно выпускает энциклопедические тома с уникальной систематизированной информацией об архитектурно-художественном наследии в разных российских регионах. О работе этого отдела до выхода в свет его солидных научных изданий можно узнать из статьи В.И. Плужникова.

М.В. Иванов сообщает об уникальном собрании личных вещей знаменитого композитора М.И. Глинки, уцелевших к началу советской власти в его усадьбе «Новоспасское». Их старался сберечь племянник композитора, оперный и камерный певец А.Н. Глинка-Измайлов. Уже в 1918 г. он был готов добровольно расстаться с бесценными семейными реликвиями ради их достойного компактного хранения в солидном государственном учреждении, например, в Театральном музее имени А.А. Бахрушина или Московской консерватории. Глинка-Измайлов искал поддержки у популярного певца Л.В. Собинова, надеясь на содействие авторитетного А.В. Луначарского. Однако коллекцией ценнейших мемориальных предметов из усадьбы «Новоспасское» завладел Западный областной государственный музей в Смоленске, где они вошли в экспозицию, представившую великого композитора лишь *«как помещика Смоленской губернии с его эксплуататорской ролью по отношению к трудящемуся крестьянству»*.

В.П. Столяров публикует документы сталинской эпохи о её жестокой нетерпимости к тем, в ком соединились интеллигентность и вера в Бога. По одному и тому же делу проходили и были расстреляны родственник автора статьи и широко известный священник, философ и учёный-физик П.А. Флоренский. Наряду с документами, собранными В.П. Столяровым о своей родне, пострадавшей от советской власти, «Архив наследия» воспроизводит анкетные данные и портрет ленинградско-московского чекиста Л.М. Заковского (Г.Э. Штубиса), который был инициатором значительного перевыполнения плана по расстрелам соловецких узников. Эта инициатива привела к смертной казни К.Т. Стоярова и П.А. Флоренского в декабре 1937 г. Вскоре был расстрелян и сам Заковский, причём реабилитировать его не сочли возможным даже в конце 20 в., когда из-за давности кровавых событий

либеральная российская интеллигенция не раз проявляла снисхождение к палачам, работавшим на коммунистическое государство.

Старинные навигационные маяки (особенно морские) надо относить и к архитектурному наследию, и к памятникам науки и техники. Кубинским маякам посвящена небольшая статья Б.Е. Успенского, работавшего в 1970-е гг. на «острове Свободы» по приглашению Фиделя Кастро. Тогда советские гидрографы обнаружили укоренившуюся ошибку в изображении Кубы на прежних картах. Статья сообщает о некоторых особенностях маячного строительства как в Карибском море, так и на Балтике. Историю одного из балтийских маяков — Дагерортского (он же Кыпу) — обстоятельно излагает А.В. Харьков. Помимо строительной биографии этого сооружения он повествует о несохранившемся аналогичном маяке Церель и сообщает целый ряд малоизвестных сведений о том, как функционировали маяки в ту пору, когда находились на водных западных рубежах Российской империи.

Традиционно возвращаясь к отдельным темам, затронутым в своих прежних выпусках, «Архив наследия» продолжает знакомить читателей с фрагментами биографии и настроениями яркого и высоконравственного человека — архитектора-реставратора Е.М. Караваевой. Сотрудник Центра документации наследия С.В. Илевич цитирует и анализирует фрагменты из писем, написанных в военные годы совсем юной Елизаветой Михайловной и сохранённых в личном архиве историком Г.Б. Ашкинадзе (она также работала в сфере архитектурной реставрации). Ценное дополнение к своей статье о художнике А.П. Булычёве, опубликованной в сборнике «Архив наследия — 2004», сделал для рубрики «Шаг назад» М.В. Иванов.

\* \* \*

Как и раньше, мы приглашаем к сотрудничеству с нами прежних и новых авторов сборника «Архив наследия». Нас продолжает интересовать культурное и природное наследие в самом широком смысле этого выражения — включая, в частности, историю всех отраслей науки и техники. Предложения о будущих публикациях и замечания по материалам, выпущенным нами в свет, просим присылать в Центр документации наследия. Он входит в состав Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

Адрес Института: 129366, Москва, ул. Космонавтов, 2;

e-mail: [heritage@mtu-net.ru](mailto:heritage@mtu-net.ru).

*В. Плужников*

## AVIS AU LECTEUR

Dans le neuvième volume de la série «Archives: patrimoine» une place importante est réservée aux problèmes de l'ethnologie, de l'histoire des religions et du folklore. Des caraïtes, un peuple peu nombreux, gardèrent jusqu'à maintenant leurs traditions, leur langue et leur art qui datent de l'époque d'avant J.C. et prennent leurs racines dans l'Ancien Testament. De nos jours les caraïtes survivent la renaissance de leur religion et font tout leur possible pour trouver leur place dans la communauté internationale. Trois articles ont pour objet l'histoire de la religion et la vie actuelle des caraïtes de la Lituanie et de la Crimée. Les articles écrits par Y. Gavrilov en collaboration avec A. Chevtchenko, par G. Kobetskaïté et par V. Tiriaki, chef religieux (gazzan) d'une communauté caraïte à laquelle aujourd'hui appartient un seul temple (kénassa) dans le territoire de la CEI.

K. Golovkine, auteur d'une œuvre sur les chapelles en bois dans le Nord de la Russie, fait l'étude comparative et historique de leurs types et des chants épiques répandus dans cette région. L'auteur en vient à la conclusion que les traditions populaires se manifestent le plus fort dans l'architecture religieuse et dans le folklore des vieux-croyants qui s'opposèrent obstinément à l'Eglise officielle jusqu'au 20-ème siècle et de ce fait gardèrent archaïques leur folklore, leur métier de construction et leurs goûts esthétiques. Par contre, dans le territoire que les vieux-croyants quittèrent à cause des repressions d'Etat et d'une Eglise officielle ces traditions populaires plus ou moins vite (les régions d'Olonets et d'Arkhangelsk et la région de Vologda) disparaissaient. Les mêmes tendances se manifestent au sud des Monts Oural, à l'Altaï et à l'Iakoutie où la communauté des vieux-croyants fut grandement influencée par les cosaques.

Après 1960 on procéda à l'inventaire des chapelles anciens de tous types se trouvant en bon état ou mi-détériorées. Alors dans un large territoire de la Russie, à l'écart des monuments d'architecture et d'art bien connus, on en



découvert un grand nombre. Les chercheurs d'une section créée au sein de l'Institut national de critique d'art il y a quarante ans dressent l'inventaire des monuments d'histoire et d'architecture de différentes régions de la Russie et tendent à objectiver la science du patrimoine. Surmontant de plusieurs difficultés ceux-ci publient des ouvrages encyclopédiques. L'article de V. Ploujnikov se porte sur l'étape premier de ce travail minutieux.

M. Ivanov parle d'une collection unique des objets qui appartenaient à un célèbre compositeur M. Glinka et qui avant la révolution se trouvaient dans sa propriété à Novospasskoïé. Le neveu du compositeur A. Glinka-Izmaïlov, chanteur d'opéra et de chambre, gardait ces reliques de famille. En 1918 celui prit la décision de les transmettre à un foyer de culture, tel que, par exemple, le musée théâtral A. Bakhrouchine ou le conservatoire de Moscou. Glinka-Izmaïlov sollicitait l'aide d'un célèbre chanteur L. Sobinov et contait sur l'autorité de A. Lounatcharski. Tous les objets de la collection tombèrent finalement dans les mains des conservateurs du musée de Smolensk où ils entrèrent dans l'exposition qui présentait un grand compositeur uniquement comme un exploitateur des paysans.

V. Stolarov présente des documents datant de l'époque de Staline qui se caractérisait par l'intolérance politique et religieuse. K. Stolarov, parent de l'auteur, et P. Florenski, serviteur du culte, philosophe et physicien bien connu, furent condamnés et fusillés en vertu du même article de la loi. Les documents présentes éclaircissent la vie des autres représentants de la famille de Stolarov, qui devinrent également victimes du régime soviétique. Les éditeurs y ajoutent une notice biographique et le portrait d'un agent de NKVD L. Zakovski (G. Chtoubis) sur l'initiative duquel le plan de fusillage des détenus du camp de travail forcé dans une île Solovetski fut surpassé. Par suite de cette initiative au mois de décembre 1937 K. Stolarov et P. Florenski furent exécutés. Bientôt le même sort tomba sur Zakovski qui ne fut pas réhabilité même à la fin du 20-ième siècle, alors que les intelligentsia libérales se montraient indulgentes envers les bourreaux qui travaillaient pour le régime communiste.

Des phares anciens doivent être classés non seulement parmi les monuments d'architecture, mais aussi parmi ceux d'ingénierie. L'article de B. Ouspenski est consacré aux phares de Cuba («l'île de la Liberté») où celui à l'invitation de Fidel Castro travaillait en 1970. Alors des hydrographes soviétiques décelèrent que leurs cartes de Cuba étaient faussement tracées. L'auteur parle des particularités constructives des phares

guidant la navigation non seulement dans la mer des Caraïbes mais Baltique aussi. A. Kharkov décrit en détailles la construction du phare Daguérortski (autrement dit Kypou) et du phare type Tsérel. Celui fournit également des informations peu connues sur le fonctionnement des phares qui se trouvaient à l'époque aux frontières maritimes de la Russie occidentale.

En revenant aux sujets traités dans les volumes précédants de la série «Archives: patrimoine», les éditeurs proposent les fragments de la biographie de l'architecte-restaurateur E. Karavaéva. La collaboratrice du Centre de documentation S. Ilévitch cite et analyse les lettres écrites par toute jeune Élisavéta pendant la Deuxième guerre mondiale et gardées par une historienne G. Achkinadzé qui travaillait aussi dans le domaine de la restauration des monuments d'architecture. M. Ivanov donne un supplément précieux de son article où celui parla des œuvres du peintre A. Boulytchev et qui fut publié dans les «Archives: patrimoine — 2004».

\* \* \*

Les éditeurs invitent les auteurs à collaborer. Le domaine de notre intérêt reste le même: l'héritage culturel et naturel y compris l'histoire de toutes les branches de la science et des techniques.

Des vœux et matériaux à publier ainsi que des critiques fondées sur les matériaux publiés doivent toujours être adressés à:

Centre de documentation

Institut de recherches scientifiques sur le patrimoine culturel et naturel  
D. Likhatchev

2, rue Kosmonavtov

Moscou, 129366

Russie

e-mail: heritage@mtu-net.ru

*V. Ploujnikov*

К.Г. ГОЛОВКИН

СТАРООБРЯДЧЕСТВО И ТРАДИЦИОННАЯ  
НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА РУССКОГО СЕВЕРА

*«Русский Север — вот та обетованная страна, где до сих пор суждено было сохраниться драгоценным песням старого времени. Но почему же этот отдалённый край явился хранителем этой художественной старины? Как раз по тому самому, что это далёкий от тревожений жизни край; край, где жизнь шла, да и до сих пор идёт старинным укладом. Туда не проникают так быстро нарушающие этот древний строй жизни культурные влияния. Там ничего не мешало, по крайней мере, до последних десятилетий, доживать свой век глубокой старине: и в нарядах, и в обычаях, и в преданиях, и в словесности»<sup>1</sup>. Действительно, исключительная устойчивость традиций — одна из характернейших особенностей народного художественного творчества Русского Севера. Благодаря этому до наших дней дошли произведения народного искусства, истоки которого восходят к Древней Руси. Если в большинстве регионов России образцы его полностью утрачены или остались лишь в крайне незначительном количестве, то на Севере древнее народное искусство сохранялось столетиями, вплоть до 20 в.*

Эта особенность Русского Севера особенно наглядно проявляется в географии распространения былин — одного из наиболее древних видов устного народного творчества. Изучение былинного эпоса показало его крайне неравномерное распределение на территории России. *«На всём огромном пространстве европейской России эпическая традиция сохранялась лишь в Архангельской и Олонецкой губерниях; во всех остальных эпос либо найден в скудных остатках, либо его нет вовсе. Если в Архангельской и Олонецкой губерниях число записей былин достигает 676, то во всех остальных оно не превыша-*

ет 105 номеров <...>. Сравнение станет ещё более разительным, если вспомнить, что плотность населения в Архангельской и Вологодской губерниях значительно меньше, чем во многих других»<sup>2</sup>.

Вывод о неравномерном распространении эпической традиции в различных регионах России можно применить и к другим видам народного искусства, которые сохранились в такой полноте лишь на Русском Севере. «В общенациональном масштабе Русский Север со 2-й половины XIX в. приобрёл значение “заповедника” древнерусского и средневекового наследия, сохранившего и развившего в уникальные явления культуры — народную словесность и музыку, фольклор (эпос, причет), церковные и бытовые искусства (зодчество, скульптуру, иконопись, резьбу и роспись, ткачество и вышивку, др.)»<sup>3</sup>.

Проблему северного традиционализма в целом следует, видимо, рассматривать с учётом особенностей бытования здесь и других видов народного искусства. В данном случае сделана попытка сопоставить ареалы распространения былинной традиции и территории, где преобладают памятники традиционной народной деревянной архитектуры.

«Во многих отдалённых районах Севера, в силу ряда исторических причин, традиции древнерусского деревянного зодчества удерживались значительно дольше, чем в других зонах России. <...> Поэтому отдельные здания северной деревни, построенные в последней четверти 19 столетия и даже в первой четверти нашего века, сохранили характер и многие черты архитектуры более раннего времени»<sup>4</sup>.

Для оценки степени традиционности в народной архитектуре необходимо представить себе те приёмы, которые применялись древними зодчими. Каковы же были первые культовые христианские сооружения в древности? «Благодаря тем сведениям, которые мы можем почерпнуть в различных памятниках нашей древней письменности, является возможным установить факт, что в XIV и XV столетиях церкви строились “по подобию” и “как водится”, то есть наши плотники, следуя за желанием народа, строго придерживались в своих постройках существовавших тогда образцов — древних храмов и строили “по старине”. Первые наши христианские церкви должны были быть очень похожи по внешности на простые избы и отличались от них главным образом тем, что над конька-

ми их крыши возвышались кресты или маковки. Простым формам срубов клетских храмов отвечают, в большинстве случаев, простые же двухскатные крыши, преследующие исключительно утилитарную цель»<sup>5</sup>. Именно таковы наиболее древние часовни Заонежья в деревнях Пёлкула Медвежьегорского района и Ахнойла Пряжинского района, относящиеся к 16 в. и представляющие собой клетские двухкамерные постройки, завершённые раздельной кровлей на два ската.

Двускатные кровли — наиболее распространённая и характерная особенность часовен Заонежья и Кенозерья, а также некоторых территорий Архангельской губернии. Со временем усложнялась объёмно-пространственная композиция часовен, многие из них реконструировались, подводились под единую кровлю, они могли быть однокамерными, двух- или трёхкамерными, разновысокими и разноширокими, иметь единое или раздельное покрытие, но крылись неизменно на два ската.

Строительство «по подобию» в наибольшей степени, по-видимому, проявилось в деревянных часовнях, наличие разветвлённой сети которых является спецификой северорусского края<sup>6</sup>. Часовни возводились зачастую самовольно, без разрешения церковных властей<sup>7</sup>, пытавшихся канонизировать церковное строительство.

До настоящего времени на Севере сохранилось значительное число часовен различного времени постройки — от 16 до начала 20 в., причём хронология сохранившихся до нашего времени часовен в разных территориях Севера существенно отличается. Неодинаковая степень сохранности древнейших из них в отдельных районах Севера сама по себе говорит о многом. Известно, что на протяжении 17—19 вв. в России велась жёсткая борьба со старообрядчеством. В контексте этой борьбы было издано немало правительственных и синодальных распоряжений, предписывающих снос всех существующих часовен и запрещающих строительство новых<sup>8</sup>. Но результативность указов и предписаний государственных и конфессиональных властей оказалась далеко не одинаковой в разных районах Севера, что и подтверждается датировкой дошедших до наших дней часовен<sup>9</sup>. Наиболее древние из них сохранились на территории Олонецкой губернии. В Заонежье были зафиксированы две часовни 16 в., а основная масса сохранившихся сооружений относится к 17 — первой половине 19 в. Гораздо реже здесь встречаются часовни второй половины 19 в. и совсем отсутствуют по-

строенные в начале 20 в. К несколько более позднему времени относятся часовни Кенозерья — они датируются второй половиной 18 — началом 20 в.

Старейшие часовни Архангельской губернии, датируемые началом 18 в., находятся в Кеврольском уезде (современный Пинежский район). К сожалению, имеющийся материал по часовням Мезени и Пинеги не позволяет сделать выводы о характере и хронологии часовенного зодчества в этих местах. Единственная часовня, зафиксированная на территории Мезенского уезда, относится к середине 18 в.

Часовни Вологодской губернии, за исключением отдельных сооружений 18 в. на территориях Республики Коми, входивших в эту губернию, в подавляющем большинстве относятся ко второй половине 19 — началу 20 в.

Картографический метод, применённый С.И. Дмитриевой в книге «Географическое распространение русских былин по материалам конца XIX — начала XX в.», позволил весьма наглядно выявить территории распространения былин на Севере. Использование подобного историко-географического метода для выявления территорий, где вплоть до начала 20 в. сохранялись традиции древнерусского деревянного зодчества, позволяет установить совпадение ареалов распространения былинной и архитектурной традиций. Область распространения былин «вытянута с юго-запада на северо-восток, от Свири до Печоры»<sup>10</sup>. Примерно такова же и область распространения часовен, в которых в наибольшей степени проявились стародавние приёмы и методы народного зодчества. Таким образом, выявляются некие очаги, где традиции обладали особой устойчивостью.

Проблема северного традиционализма ещё с середины 19 в. привлекала внимание крупнейших русских учёных-фольклористов, занимавшихся изучением русского героического эпоса. «*Былина и историческая песня — произведения старого времени, имевшего свои культурные запросы, всё менее и менее находящие себе соответствия по мере приближения к нашей современности*»<sup>11</sup>. Тем не менее этот архаичный жанр в его устной традиции на Русском Севере окончательно изжил себя лишь к середине 20 в.<sup>12</sup> Какие же факторы обусловили возможность его столь длительного бытования? «*Этот вопрос ставился многими видными собирателями и исследователями былинного эпоса, отвечавшими на него различно. Главными причинами, обус-*

ловившими распространение былин на Русском Севере, А.Ф. Пильфердинг<sup>13</sup> считал “свободу и глушь”, а также верность “старине и вере в чудесное”<sup>14</sup>. Его современник, П.Н. Рыбников<sup>15</sup>, ставил их в зависимость от отсутствия просвещения и обособленности северного края. О.Ф. Миллер<sup>16</sup> придавал очень большое значение поэтической восприимчивости северных крестьян, а также скomorхам, нашедшим там своё последнее убежище»<sup>17</sup>.

Н.Е. Ончуков<sup>18</sup>, по результатам поездки на Север в 1903–04 гг., пришёл к выводу о губительности городской цивилизации для сохранности эпической традиции: «Былины могли храниться, любиться и петься до тех пор, пока к ним могло существовать так сказать религиозное отношение, пока мораль, в них проповедуемая, была моралью для тех, кто былины пел, пока идеалы героев былины почти совпадали с идеалами лиц, былины певших, и взгляд на жизнь былинных героев был тождественен со взглядами певцов былин. Разрушается старая патриархальная, основанная на обработке земли и промыслах, домашняя жизнь, а с ней вместе и всё то, что эту жизнь до некоторой степени красило и удовлетворяло. Забываются старые песни, былины, сказки, потому что уже не могут они удовлетворить нарушенную девственность мысли и веры современного крестьянина. Не удовлетворяясь старыми идеалами, крестьянство жадно ищет новых»<sup>19</sup>.

«В.Я. Пропп<sup>20</sup> придавал большое значение “специфическим северным условиям труда крестьянства в связи с природными особенностями русского Севера”, однако ставил во главу угла причины “общеевропейского характера”: наличие или отсутствие крепостного гнёта. А.М. Астахова видела основную причину отсутствия былин в средней и южной России в тяжёлых условиях труда и жизни крепостных крестьян. Кабальный труд, по её мнению, не давал крестьянину нужного досуга, возможности культивировать столь трудный и сложный вид народного искусства»<sup>21</sup>.

С.И. Дмитриева связывает наличие былинной традиции в Олонецкой и Архангельской губерниях и её слабость или отсутствие в других северных территориях исключительно с различными потоками колонизации. Согласно теории С.И. Дмитриевой, былина на Север была принесена новгородцами и распространена только на землях новгородской колонизации. Слабость былинной традиции в Вологодской губернии

объясняется тем, что на момент её колонизации былины в их устной традиции полностью отсутствовали во Владимиро-Суздальских землях и низовская колонизация не могла принести их на колонизируемые земли<sup>22</sup>.

По гипотезе М.И. Васильева, живучесть эпической традиции почти исключительно связана с артельными промыслами Севера, создававшими благоприятные условия<sup>23</sup> для исполнителей и слушателей былин.

Как справедливо отмечала А.М. Астахова, *«целый комплекс условий, благоприятных для творческой жизни эпоса в устной традиции, оказался именно на Севере. Отсутствие таких условий в центральных районах определило её раннее ослабление там, а затем и быстрое угасание»*<sup>24</sup>.

Очевидно, что многие обстоятельства, выделявшиеся фольклористами, обусловившие консервацию древних обычаев и предпочтений, являются общими и для других сторон жизни и народного творчества на Русском Севере. Конечно, глушь и труднодоступность в значительной степени ограничивали приток информации извне.

Однако из поля зрения специалистов выпало такое существенное историческое явление, как старообрядчество.

По этому поводу высказывались самые различные, а порой прямо противоположные мнения. Так, М. Сперанский полагает, что *«не играет существенной роли в истории сохранения и в передаче “старини” и религиозно-бытовая обстановка исполнителя: к былине одинаково относятся и обычные православные, и старообрядствующие там, где среди населения встречаются и те и другие»*<sup>25</sup>.

П.Н. Рыбников приходит к выводу об отрицательном отношении старообрядцев к былинной поэзии: *«Где сильно разовьётся старообрядчество, там народ интересуется памятниками поэзии и вообще искусства лишь настолько, насколько они причастны религиозной области и насколько они поддерживаются обычаем, возымевшим силу с XVII века»*.

К мирским песням ревностные староверы большей частью относятся с тем же настроением, которое вызвало в аскетах древней Руси такого рода запрещение: *«песней сатанинских не пети и мирских людей не соблажнять»*<sup>26</sup>.

Напротив, Б.М. Соколов<sup>27</sup> утверждает: *«Важно отметить, что былины поются строгими и разборчивыми в отношении песен ста-*



рообрядцами. Пение былин, в противоположность другим песням, разрешается даже и в великий пост»<sup>28</sup>. К сожалению, это утверждение не получило развития и соответствующей аргументации.

Советскими специалистами в области эпической поэзии конфессиональный фактор в этой связи вообще не рассматривался, и это в общем-то вполне понятно. *«На протяжении длительного периода тема религиозных традиционных явлений не получала в нашей научной литературе адекватного освещения. Всякое непредвзятое обращение к ней, попытки объективно разобраться в их сущности, удивительной, несмотря на всевозможные идеологические барьеры и ограничения, живучести, просто-напросто рассматривались как неприоритетные. Изучение конфессиональных процессов, вопросов воспроизводства и распространения религиозных верований и традиций велось с явно идеологизированных позиций, по давно сложившимся стереотипам и меркам, подгонялось под заранее установленные априорные схемы. Всё это подводило к тому, что религиозная традиция, как правило, недооценивалась либо интерпретировалась в искажённо-одностороннем плане, негативном варианте»<sup>29</sup>.*

Пытаясь найти причины необыкновенной живучести традиций на Русском Севере, нельзя не учитывать такого исторического явления, как старообрядчество, на протяжении нескольких веков игравшего значительную роль в жизни региона. А между тем связь идеологии староверия и столь характерного для Русского Севера традиционализма, как мы видели выше, почти не рассматривалась исследователями культуры этого региона, в том числе специалистами в области эпической традиции.

Религиозная оппозиция церкви и государству, не принявшая церковной реформы 17 в., была тесно связана с Русским Севером, где возникли первые крупные очаги сопротивления реформе патриарха Никона<sup>30</sup>. Можно ли считать случайностью тот факт, что Европейский Север России, ставший оплотом старообрядческого движения, оказался также и заповедником древнерусского и средневекового наследия общенационального масштаба, сохранившего и развившего уникальные явления культуры?

Максимально полное идеологическое отчуждение от внешнего мира в сочетании с чисто географическим положением, обусловившим физи-

ческую изоляцию, образовали уникальные условия для сохранения традиций, их необыкновенной устойчивости в старообрядческой среде.

Здесь возникает естественный вопрос: в какой степени традиционно-повседневная культура столь замкнутой конфессиональной общности могла воздействовать на мировоззренческие каноны нестарообрядческого населения, на весь уклад его жизни, на его художественную культуру? Ведь очевидно, что ревнители древнего благочестия и хранители древних дониконовских традиций оставались в меньшинстве по сравнению с общей массой населения, исповедовавшего официальную религию.

Ещё в 1801 г. неизвестный автор «Краткой записки о состоянии раскола в Лодейнопольском уезде» считал невозможным определение истинного числа раскольников, поскольку многие прихожане не вполне утвердились в православии и передали молодому поколению свои заблуждения по расколу, а местное духовенство считает прихожан православными на основании наружно выраженного православия<sup>31</sup>.

*«В обзоре Олонецкой губернии за 1900 г. общее число раскольников определялось цифрой 5733 человека. Но при этом здесь впервые за многие годы признавалось, что кроме известных старообрядцев в губернии есть очень много “близких к расколу лиц”. Их примерное количество — 11 тыс.»*<sup>32</sup>.

Это обстоятельство было отмечено в «Миссионерском отчёте о состоянии и движении раскола и сектанства Олонецкой губернии и о деятельности епархиальной миссии против раскола и сектанства за 1913 год»<sup>33</sup>. В отчёте к числу благоприятствующих расколу условий относилось *«давнее существование его в Олонецкой епархии»*, ставшее традиционной в духовно-культурной жизни населения, которое *«привыкло видеть среди себя староверчество»*, отчего, видимо, *«многие православные молятся двуперстно»*, чему способствуют также *«родственные связи старообрядцев с православными и их неуклонное следование благословиению родителей держаться раскола»*<sup>34</sup>.

По свидетельству известного собирателя русского фольклора Н.Е. Опчукова, *«крестьяне Архангельской губернии, по крайней мере прибрежной её полосы, целиком почти все старообрядцы; если же не старообрядцы, то уже непременно с сильной приверженностью к старообрядчеству. Так и везде: или старообрядцы, или с сильной приверженностью к старообрядчеству»*<sup>35</sup>.

Несмотря даже на отмечаемое исследователями постепенное снижение интеллектуального уровня руководителей старообрядческих «обществ» и «обмирщение», старообрядчество на Севере не потеряло своего авторитета и влияния вплоть до начала 20 в. «Утрата творческого потенциала старообрядческими наставниками не сопровождалась ослаблением их влияния на паству. Напротив, именно в 19 в. «расколучители» становятся вездесущими и влиятельными «властителями дум» значительной, не поддающейся точному учёту части крестьян Карелии»<sup>36</sup>. Отчёты комиссий, в разные годы 18 в. и начала 19 в. посещавших Карелию, единодушно свидетельствуют об исключительно высоком влиянии старообрядцев<sup>37</sup>.

Значение старообрядчества в истории Русского Севера отмечают все исследователи, занимавшиеся этой проблемой: «Суровые природные условия, удалённость от урбанизированных центров культуры, понимание окружающей среды — всё это выработало особый тип поведения, нормы, правила и обычаи, способствующие сохранению традиций, их жизнестойкости. И хотя влияние нового, естественно, было неизбежным, традиционное всё-таки сохранялось более длительное время, а это вело к сохранению влияния старообрядчества на нестарообрядческое население»<sup>38</sup>.

В этой связи трудно полностью согласиться с мнением И.А. Крывелёва, который пишет: «Отношение к миру, лежащему вне старообрядчества, как нечестивому и поганому было связано у приверженцев этого движения с тем, что сами они оказались замкнутыми в своём кругу, причём эта замкнутость касалась отношений не только религиозных, но и общественных, экономических, бытовых»<sup>39</sup>. Видимо всё же, «замкнутость» староверов была в значительной степени односторонней. Тщательно оберегая своё мировоззрение и быт от внешних влияний, идеологи старообрядчества стремились расширить ряды своих сторонников. «В последней четверти 17 века <...> на окраинах страны увеличивается число людей, выбитых из прежних сословных структур и не вошедших в новые. Толпы таких маргиналов в Карелии и Обонежье представляли благодатную аудиторию для соловецких беглецов, к ним стали присоединяться и расколучившие крестьяне северных деревень»<sup>40</sup>.

Об уважении, которым пользовались старообрядцы, говорит и С.Е. Писарев: старообрядцы безусловно пользовались уважением

у нестарообрядческого населения <...>. Для окружающего населения старообрядцы были как образцом нравственных и религиозных устоев, так и носителями христианского знания — прежде всего книжного, <...> и к тому же были сознательными приверженцами традиционной культуры в самых разных её проявлениях»<sup>41</sup>. Это обстоятельство отмечается и в изданной Петрозаводской и Карельской епархией книге «Олонецкая епархия. Страницы истории»: «К староверам относились с большим почтением в том числе и за строгую, благочестивую жизнь»<sup>42</sup>.

Важнейшую роль в распространении старообрядческого мировоззрения играли старообрядческие центры — монастыри, общежительства, скиты, пустыни, располагавшиеся на территории Олонецкой и Архангельской губерний — от Выгозера до Печоры.

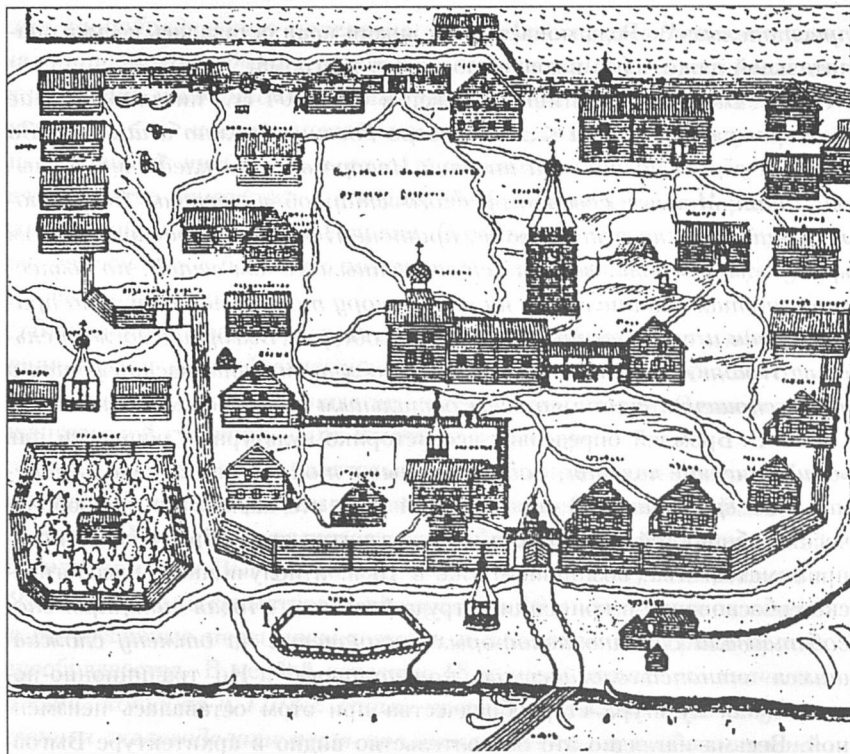
Наиболее крупным и влиятельным старообрядческим центром был Даниловский монастырь (Выго-Лексинское общежительство, Выгорецкий скит). Монастырь располагался в Повенецком уезде Олонецкой губернии на реках Выг (мужской) и Лекса (женский). Он основан в 1694 г. и легально существовал до середины 19 в., несмотря на жестокие репрессивные меры правительства и официальной церкви против старообрядчества. В первой четверти 18 в. «возрастающее значение Карелии, которая к 1703 г. стала краем, где развивалась государственная железодельная промышленность, а следовательно, возникала острая потребность в рабочей силе, привело к тому, что местные и центральные власти не предприняли сколько-нибудь серьёзных попыток ликвидации возникшего «раскольнического» населения»<sup>43</sup>. Постепенно в политике Выговского монастыря намечается тенденция к компромиссу и смягчению позиций, выразившаяся в восстановлении почитания царя, готовности исполнять законы и налагаемые на старообрядцев повинности. Выговское общежительство эволюционировало в торгово-предпринимательскую артель с привлечением капиталов со стороны и широкими общероссийскими связями со старообрядческими кунцами и предпринимателями<sup>44</sup>. «Монастырь в течение времени приобрёл множество соревнователей и жертвователей, на деньги которых приобретены библиотека древних рукописей и старопечатных книг, множество дорогих старинных икон, крестов, утвари. Заведены школы для обучения детей обоего пола, учреждены больницы для пользования больных и призрения

престарелых»<sup>45</sup>. Роль монастыря в жизни края оставалась весьма значительной даже через полвека после его разгрома.

Н.Е. Ончуков, посетивший Север в 1903–04 гг., писал: *«Влияние монастыря или скита <...>на севере России огромно и широко. За тысячи вёрст на далёкой низовой Печоре видел я следы монастыря, этой Москвы северо-русского старообрядчества. Великопожский скит на реке Нижме, притоке Печоры, сыгравший в этом крае большую роль, возник естественным ходом вещей, но вознёсся он и стал влиятельным на всю Печору только потому, что пришёл туда и стал во главе скита выходец из Выгорецкого жительства Иоани Акиндинович, который ввёл там Даниловский устав и завёл сношения скита со всем остальным старообрядчеством»*<sup>46</sup>.

Ю.В. Бромлей определяет все историко-культурные общности как *«динамические явления, подверженные в той или иной мере изменениям во времени»*<sup>47</sup>. В определённой мере это касалось и старообрядческих общностей, особенно в части развития старообрядческого предпринимательства, возникшего уже в 18 в. и получившего идеологическое обоснование в концепции «труда благого». *«Новая ситуация способствовала снятию некоторых ограничений на отмену сложившихся этнопсихологических нормативов»*<sup>48</sup>. Но традиционно-повседневная культура старообрядчества при этом оставалась неизменной. Весьма наглядно это обстоятельство видно в архитектуре Выговского монастыря, о которой мы можем судить по сохранившимся описаниям и рисункам.

Изображение монастыря в 19 в. показывает полное отсутствие в его архитектуре каких-либо примет нового времени. Учитывая, что Выговская обитель была крупнейшим старообрядческим экономическим центром, этот факт нельзя отнести на счёт её бедности, он является скорее подтверждением того, что *«старообрядчество есть приверженность к старым обрядам, сохранение устоявшихся традиций»*<sup>49</sup>. В этой связи можно вспомнить, что после повешенья в 1670 г. стрелецким полуголовой Иваном Елагиным в Пустозерске сподвижников протопопа Аввакума Фёдора и Луки, их тела были закопаны в землю на пустом месте. Мезенские старообрядцы стали почитать казнённых как святых мучеников. На месте их захоронения они поставили *«срубец мал покровен, крытый тёсом на два ската. В срубе том восьмиконечный деревянный крест, мерою в аршин»*<sup>50</sup>. Из описания



*Поморский Выгорецкий мужской монастырь, 19 в.*

Из журнала: «Старообрядчество: история, культура, современность».

№ 5. М., 1996

ясно, что надгробное сооружение на могиле Фёдора и Луки представляло собой часовню типа «крест», каких немало сохранилось от 17–19 вв. на Севере.

*«Часовни на Выге и в скитах были клетские, древние по формам, покрытые тёсом на два ската, как и избы. Поначалу они состояли из одной молельни, позже к ним стали пристраивать трапезную и паперть. Маленькие одночастные часовни ставили на кладбищах и при дорогах. В зодчестве, конструкциях, строительной терминологии мастеров Выговского и Лексинского общежительств заметна тесная связь с северным деревянным зодчеством и древнерусскими традициями»<sup>51</sup>.*

Строительство в скитах велось «по образцу и подобию» построек общежительства<sup>52</sup>. Н.Е. Ончуков писал: *«Могут засвидетельствовать положительно благоговейное отношение наших старообрядцев к старым иконам, книгам, рукописям. Тщательно хранятся не только целые книги, рукописи или разбитые экземпляры, внимательно подбираются обрывки таковых, отдельные листы, не имеющие значения части листов. И такое благоговейное отношение старообрядца к старине, какого бы он толка ни был безразлично, проглядывает и в отношении иконы, и в отношении древней вещи церковного обихода, и в отношении стиля церкви, внутреннего её убранства, покрытия глав и крыши, самих стен даже, потому что “святая древность” кладёт свою неизгладимую печать прелести и на простые брёвна, из которых построена церковь»*<sup>53</sup>.

Неудивительно, что сооружения Выго-Лексинской обители служили, видимо, образцом не только для строительства в скитах, но и в сельском строительстве, а поскольку «скиты общежительства были разбросаны на обширной территории от Заонежья до Поморья и Каргополья»<sup>54</sup>, становится понятным преобладание часовен, возведённых по древним образцам на тех территориях, где старообрядчество было особенно влиятельно.

На несомненное воздействие старообрядчества на крестьянскую культуру и, в частности, на народное зодчество обратил внимание И.Н. Шургин. *«Влияние старообрядчества на крестьянскую культуру <...> дало идеологическую опору для сохранения стародавних традиций, в том числе церковного самоуправления, что и выражалось в повседневном самовольном строительстве часовен. Исследователями старообрядческой художественной культуры установлен факт влияния произведений искусства, созданных в скитах Выгорецки (икон, книжной миниатюры, резьбы по дереву и др.), на крестьянское искусство Заонежья, в частности, на росписи бытовых предметов (мебели, прялок и др.) и резьбу намогильных деревянных столбиков, по формам очень близких <...> часовенкам. Данный факт, в свою очередь, даёт основание предположению в том, что и архитектура выговских скитов могла оказать влияние на крестьянское строительство широких окрестностей»*<sup>55</sup>.

Приверженность хранителей и носителей эпической поэзии к традиционной культуре определила устойчивость устной эпической тради-

ции, которую неизменно отмечали все исследователи былинного жанра. *«Некоторые варианты (былинных текстов. — К.Г.) так мало пострадали от времени, что пересказы, записанные в XVII и XVIII столетиях, в существенном не отличаются от тех, которые поются современными нам певцами»*<sup>56</sup>.

Стремление сохранить в неприкосновенности изначальный текст былин иной раз шло даже в ущерб пониманию их отдельных мест. По словам крупнейшего собирателя и исследователя былин А.Ф. Гильфердинга, *«сказители избегают, за редкими исключениями, сочинительства. Они бережно сохраняют раз воспринятую былину. “Так поётся” или “так певали старики, а что значит, мы не знаем” — вот обычный ответ по поводу непонятных слов и выражений в былинах. Сказительница былин с Белого моря Аграфена Крюкова прямо говорила, что проклят будет тот, кто позволит себе прибавить или убавить в содержании старины»*<sup>57</sup>.

*«Образчиком устойчивого носителя старой традиции»*<sup>58</sup> являлась династия сказителей Рябининых, представители трёх поколений которой были широко известны на Севере. *«Сравнение текстов былин, записанных от И.Г. Рябинина-Андреева с записями от Т.Г. Рябинина и И.Т. Рябинина, позволяет отметить значительную устойчивость переданной уже в третье поколение эпической традиции. Некоторые изменения ограничены перестановкой эпизодов, вариациями в словесном оформлении действия или образа, внесением отдельных деталей»*<sup>59</sup>. Рябинины были убеждёнными старообрядцами. По свидетельству А.Ф. Гильфердинга, встречавшегося с Иваном Трофимовичем Рябининым, тот *«по религиозным своим убеждениям ревностный старообрядец. Он тщательно оберегает догматы своего вероисповедания, даже, согласно старообрядческому обычаю, в чужой дом ходил со своим стаканом»*<sup>60</sup>.

По-видимому, была близка к старообрядчеству и выдающаяся сказительница Аграфена Матвеевна Крюкова, которая *«от матери унаследовала религиозность с влечением к старине (как, впрочем, и большинство северного крестьянства)»*<sup>61</sup>.

Старообрядцем был и Анисим Фёдорович Вокуев — слепой сказитель с Печоры. *«Когда-то, много лет назад, Анисим слышал в чтении старообрядческие книги, защищающие старую веру, впитал в них существенное — и вот он защитник старой веры»*<sup>62</sup>.



Исследователями героического эпоса было отмечено неравномерное распределение былинной традиции не только на территории России, но и на Русском Севере. *«Собирание фольклора в XIX и XX вв. показало, что былина в устном её бытовании к концу XIX в. сосредоточилась в отдельных районах, образовав своего рода былинные “очаги”, или “гнезда”»*<sup>63</sup>.

Причину этого факта, на который указывал ещё А.Ф. Гильфердинг, не объясняет ни одна теория стойкости эпической традиции на Севере. Почему при равных в общем природных, социальных и хозяйственных условиях былины пелись и сказывались лишь в отдельных локализованных территориях, образовавших былинные очаги, или гнезда? «Свобода и глушь» А.Ф. Гильфердинга — обстоятельства, характерные практически для всего Русского Севера. Повсеместны здесь и «специфические условия труда крестьянства в связи с природными особенностями русского Севера», о чём писал В.Я. Пропп. Крепостное право отсутствовало на всём Севере, на что как на фактор, способствовавший бытованию такого трудного жанра, как былина, указывали многие исследователи. «Поэтическая восприимчивость» крестьян Севера, которую О.Ф. Миллер считал одной из причин распространения и устойчивости былинного жанра, вряд ли была свойственна только жителям деревень, образовывавших былинные гнезда.

Можно соглашаться или не соглашаться с теорией С.И. Дмитриевой, согласно которой былина на Север была принесена исключительно новгородцами и распространена только на территории новгородской колонизации — здесь не стоит вопрос о происхождении былинной традиции на Севере. Однако естественно предположить, что в этом случае места записи былин располагались бы более или менее равномерно по всей колонизованной новгородцами территории. Но такие места располагаются компактными группами, образуя былинные очаги, и этого обстоятельства теория С.И. Дмитриевой не объясняет. Действительно, как объяснить тот факт, что на Кенозере, по словам А.Ф. Гильфердинга, крестьяне и крестьянки, певшие былины, насчитывались десятками; пели былины старший и малый<sup>64</sup>, а в недалеко отстоящей территории нижней Онеги отмечается слабость былинной традиции<sup>65</sup>.

В этом смысле весьма показательна ситуация в Шенкурском и Вельском районах современной Архангельской области, расположенных совсем рядом по берегам одной реки Ваги (по старому админист-

ративному делению Шенкурский уезд входил в состав Архангельской губернии, а Вельский относился к Вологодской). В первом из них на рубеже 19 и 20 вв. было записано 16 былин, а во втором не сохранилось даже воспоминаний о них<sup>66</sup>. С.И. Дмитриева объясняет это тем, что территория Шенкурского района заселялась древними новгородцами, а Вельского — низовскими переселенцами<sup>67</sup>. Трудно представить, какова должна быть степень изоляции двух этих территорий и отчужденности их однородного русского населения, чтобы такая ситуация стала возможной. А ведь хорошо известно, что былины воспринимались и исполнялись даже среди инородцев, живших по соседству с русскими: *«В XIX–XX вв. были найдены отголоски русского богатырского эпоса и у многих неславянских народов — карел, коми, эстонцев, финнов, латышей, удмуртов, чувашей, мари, якутов, эвенков, перенявших некоторые былинные сюжеты и мотивы от русских и использовавших их в своих сказках и легендах. У тех народов, у которых связь с русскими была особенно сильна и которые жили смежно с русскими поселениями, богатыми эпической традицией, как, например у карел и коми, встречались и отдельные случаи исполнения русских былин»*<sup>68</sup>.

Любопытно, что на этих граничащих территориях наблюдаются различия и по характеру часовенной архитектуры.

Эта неравномерность прослеживается даже в пределах одного уезда. Так, в шестнадцати сёлах и деревнях Великогубской волости Петрозаводского уезда было произведено 146 записей былин на 51 сюжет. В десять раз меньше оказалось число записей Кондопожской и Толвуйской областях того же уезда, и всего пять в Ладвинской волости.

Аналогична картина и в других уездах. Так, в Золотицкой волости Архангельского уезда всего в двух деревнях — Нижней Зимней Золотице и Верхней Зимней Золотице — было сделано 129 записей на 54 сюжета, в то время как весь остальной уезд дал всего 10 былин<sup>69</sup>. Таким образом, даже в отдельных населённых пунктах, образующих былинные гнёзда, степень сохранности былинной традиции весьма различна.

Чем же объясняется такое скопление сказителей на отдельных территориях? Какими их особенностями объясняется возникновение здесь былинных очагов, где с такой удивительной стойкостью сохранялись традиционные формы народного искусства?

В 1860-е гг. П.Н. Рыбников, изучавший героический эпос на территории Олонецкой губернии, констатировал довольно значительное распространение устной эпической традиции в большинстве обследованных им мест побережья Онежского озера, но счёл её тем не менее вымирающей<sup>70</sup>. «У большинства сказителей вряд ли найдутся наследники, и через двадцать-тридцать лет, по смерти лучших представителей нынешнего поколения певцов, былины и в Олонецкой губернии удержатся в памяти у очень немногих из сельского населения»<sup>71</sup>. В 1874 г. А.Ф. Гильфердинг, шире охвативший Прионежье, согласился с выводом Рыбникова: «Здесь, действительно, былевая поэзия близка к вымиранию»<sup>72</sup>. Однако при этом он выделил территории Олонецкой губернии, где «эпическая поэзия и теперь ключом бьёт»<sup>73</sup>, — Выгозеро, Водлозеро и Кенозеро<sup>74</sup>.

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Все былинные очаги, названные А.Ф. Гильфердингом, находятся на территориях, где издавна находили пристанище старообрядцы, влияние которых, несмотря на противодействие властей, сохранялось вплоть до 20 в.

О роли Выговской Даниловской пустыни было сказано выше. Можно лишь добавить, что «Даниловская (Выгорецкая) обитель стала центром всех беспоповских общин, а в её школе обучались дети старообрядцев со всей Руси. К началу XVIII в. обитель объединяла 30 скитов и посёлков (12448 чел. обоёго пола)»<sup>75</sup>.

На Кенозерье раскольники искали прибежище ещё с 17 в. «К концу века их стало так много, что <...> сюда был отправлен отряд стрельцов “для сыску воров и церковных раскольников”»<sup>76</sup>. Здесь они основали свои центры — Поремскую пустынь на реке Порме, Филаретовскую пустынь на Иван-озере и др. Здесь, в бассейне рек Чаженга и Порма, существовало крупное поселение старообрядцев — Доры, где в 1683—84 гг. произошли первые на севере России старообрядческие самосожжения — каргопольские, или дорские «гари»<sup>77</sup>. «На Каргополье в течение почти полутора столетия существовал Чаженгский скит Выговского общежительства и, наконец, здесь распространяется странническое вероучение»<sup>78</sup>.

«Здесь сохраняются многие ценные народные традиции и приёмы в области архитектуры, прикладного искусства, песенного и словесного народного творчества»<sup>79</sup>. Кенозеро было одним из наиболее крупных былинных очагов, где, по словам А.Ф. Гильфердинга, «воздух, так сказать, ещё пропитан духом эпической поэзии»<sup>80</sup>.

Пудожье также известно как край, где было сильно раскольничество. Ещё в 17 в. последовал специальный царский указ, повелевавший сохранить захудалый к тому времени православный Муромский монастырь на берегу Онежского озера как форпост борьбы с расколом на Пудожье<sup>81</sup>. Пудожские старообрядцы не раз выступали с оружием в руках против правительственных войск. Староверы дважды — в 1687 и 1689 гг. — захватывали Палеостровский монастырь. В Палеостровских «гарях» подверглись самосожжению свыше четырёх тысяч ревнителей старой веры. Захват церкви Пудожского погоста произошёл в 1693 г.<sup>82</sup> Пудожье долго оставалось регионом, где старообрядчество было сильно и влиятельно. Неслучайно возобновление Богоявленского Кожеозёрского монастыря в середине 19 в. связано с задачей борьбы с расколом, в частности, в Пудожском уезде<sup>83</sup>. Все эти территории Олонецкой губернии отличаются не только обилием записанных былин, но и преобладанием часовен с чертами традиционной архитектуры.

Так, при обследовании памятников деревянной архитектуры Заонежья было выявлено всего две часовни, имеющие другие типы покрытий, — квадратная в плане и крытая четырёхгранным шатром часовня в д. Уинково (1672 г.) и часовня в д. Батова с восьмискатным покрытием (конец 19 в.). Даже редкие в Карелии часовни, построенные или реконструированные во второй половине 19 в., неизменно крылись на два ската, как, например, в д. Бостилово. Любопытно, что на этой территории полностью отсутствуют купольные кровли, уже с конца 18 в. получившие широкое распространение в других областях для завершения как основных молитвенных помещений, так и колоколен. Большинство часовенных колоколен здесь имеют восьмериковый объём и шатровое завершение.

В Кенозерье (в основном это территория нынешнего Плесецкого района) часовни с двускатным покрытием составляют 97% всех выявленных часовен.

Показательно, что часовни этих районов в минимальной степени испытали воздействие стилевой архитектуры, хотя её влияние в условиях, когда расширялись контакты между деревней и городом, естественным образом должно было сказаться на народной архитектуре Севера.

Крупнейшие былинные очаги Архангельской губернии располагались по рекам Пинеге (Кеврольский уезд) и Мезени (Мезенский уезд),

то есть в местах, где старообрядцы спасались от преследований. Приёмы традиционной деревянной архитектуры отчётливо заметны и в облике многих часовен Кеврольского уезда. Древнейшие из них датируются началом 18 в. (деревни Березник, Вальтево, Ревполье, Чешегора).

Таким образом, фактами не подтверждается приведённое выше мнение П.Н. Рыбникова об отрицательном отношении старообрядцев к былинной поэзии и утрате интереса к ней в местах жительства старообрядцев. Наоборот, именно в этих местах располагались наиболее мощные былинные очаги, где было записано наибольшее количество былин.

Исследователями отмечалось угасание былинной традиции в ряде территорий Севера. В этом смысле характерна ситуация в низовьях Онеги и Северной Двины. Это обстоятельство М.И. Васильев относит к наиболее слабым местам гипотезы С.А. Дмитриевой, поскольку указанные места издавна были заселены новгородцами<sup>84</sup>. Определённое ослабление традиции отмечается здесь и в отношении народного деревянного зодчества. В этом районе уже нет преобладания часовен, построенных по древним образцам.

В низовьях Онеги (нынешний Онежский район) около 54% часовен имеют двускатные покрытия, а время создания большинства сохранившихся объектов — вторая половина 19 в.

По С.А. Дмитриевой, *«относительно малое число былин, записанных здесь (на нижней Двине.— К.Г.), можно объяснить тем, что Двинская земля издавна находилась на оживлённом торговом пути, связывавшем её не столько с новгородским рынком, сколько с рынками Ростово-Суздальской земли, а затем Московской Руси. Во времена опричнины она вошла в состав опричных земель и была оплотом власти московского государя в Поморье. Немаловажную роль в малочисленности былин на нижней Двине должно было сыграть отмечаемое писцовыми книгами и другими историческими источниками запустение сельских поселений в Двинском уезде со второй половины XVI в. Население уходило оттуда на побережье Белого моря, Пинегу, Кулой, Мезень, Печору, а также в сибирские города, в Вятскую и Пермскую земли. Вероятно, именно эти обстоятельства сыграли неблагоприятную роль в сохранении былин на нижней Двине, хотя, судя по антропологическим исследованиям, здесь в целом сохранился прежний состав населения»*<sup>85</sup>.

Такие объяснения не вполне убедительны. Прежде всего, неясно, каким образом могли повлиять торговые отношения с Ростово-Суздальскими землями и Московским государством на устойчивость эпической традиции. Опричнина и власть Московского государя также вряд ли могли оказать решающее воздействие на традиционные жизненные основы большей части населения, тем более что власть Москвы на Севере отнюдь не закончилась с опричниной, а наоборот, всё более утверждалась и тем не менее не могла, даже несмотря на репрессивные меры, покончить со старообрядчеством.

Упадок эпической традиции в низовьях Северной Двины поддается объяснению, если принять во внимание, что Холмогоры являлись центром Холмогорской епархии, которая вела активную борьбу со старообрядчеством. В юрисдикции епархии оказались Холмогоры, Кеврола, Мезень, Пустозерск. Первый архиерей Холмогорской епархии Афанасий (Любимов), возглавлявший её с 1682 по 1702 г., известен как непримиримый борец со старообрядчеством. *«Афанасий видел и специфику вверенной ему паствы — раскол. Он рассылал антираскольнические сочинения, организовывал поимку и доставку раскольников в Холмогоры, разработал систему допросов и увещаний, требовал от приходских попов письменного учёта раскольников»*<sup>86</sup>. Известно, что холмогорские стрельцы участвовали в карательных операциях против староверия в Олонецкой губернии. Так, в 1684 г. команда холмогорских стрельцов под командованием подполковника Ф.Ю. Козина была направлена в Доры, что вызвало попытку самосожжения<sup>87</sup>.

На судьбы старообрядчества в Устьянской волости<sup>88</sup> не могло не повлиять то обстоятельство, что здесь функционировал Крестово-Кийский монастырь, основанный патриархом Никоном в 1656 г. При его содействии монастырю была пожалована Устьянская волость, которая находилась в монастырском владении до 1764 г.<sup>89</sup>. Вполне очевидно, что на этих землях вряд ли могли существовать условия, благоприятные для староверов.

Онежский уезд, видимо, и в дальнейшем был одним из центров борьбы со старообрядчеством. Так, в середине 19 в. был возобновлён Богоявленский Кожеозёрский монастырь, основанный в 1550-е гг. *«Целью его возобновления была борьба с расколом в Онежском, Пудожском и Каргопольском уездах. Эта обитель является оплотом православия против царящего здесь раскола»*<sup>90</sup>.

Отмечаемое писцовыми книгами и другими историческими источниками запустение сельских поселений в Двинском уезде, начавшееся со второй половины 16 в. в результате ухода населения на побережье Белого моря, Пинегу, Кулой, Мезень, Печору, а также в сибирские города<sup>91</sup>, в 17 в. усугубилось, видимо, массовым исходом старообрядческого населения, спасавшегося от жестоких репрессий. Может быть именно поэтому *«районы, в которые уходило население с нижней Двины, относятся к числу наиболее богатых эпосом»*, в чём С.И. Дмитриева видит *«косвенное доказательство существования сильной былинной традиции в нижнедвинских районах до ухода оттуда населения»*<sup>92</sup>.

Весьма показательны, в смысле методов борьбы властей и официальной церкви со старообрядчеством, а также её результатов, судьбы печорских староверов.

После ссылки протопопа Аввакума в Пустозерск этот городок становится крупнейшим центром раскола. *«Авторитетные “приверженцы старины” организовали настоящую литературную школу, создавая публицистические сочинения и распространяя их среди местного населения»*<sup>93</sup>. Это заставило официальную церковь принять репрессивные меры. Понимая, что уничтожить старообрядчество без опоры на местное духовенство не удастся, власти осуществили епархиальный надзор за выборностью старост и причта. Результаты целенаправленной борьбы с расколом не замедлили сказаться уже к середине 18 в. Надёжные теперь прямыми полицейскими функциями пустозерские священники жестоко преследовали «ревнителей старины» и добились того, что явных раскольников в городке не осталось<sup>94</sup>.

По другому обстояло дело в Усть-Цилемском уезде, расположенном в среднем течении Печоры. *«Местные церковнослужители, в отличие от пустозерских, довольно вяло вели борьбу с расколом среди своей паствы, могущей в любое время прекратить выполнение обязательств, оговоренных в “излюбном договоре”, и лишиться таким образом своего притеснителя средств к существованию. Малочисленность причта, зависимость здешнего духовенства от мира обусловили его бездеятельность. Слабость же полицейского надзора, всецело возложенного законодательством на священника, делали невозможным не только сбор “раскольничьих денег” и применения к “уклоняющимся от православия” жёстких мер, но и ведение их элементарного учёта»*<sup>95</sup>.

Удалённость и слабость религиозно-правственного наблюдения, ограничившегося в 18 в. только снаряжением в тот «полуночный край» отдельных экспедиций для борьбы с «отступниками веры», делали Усть-Цилемскую волость прекрасным убежищем не только для пустозерских «ревнителей древнего благочестия», но и для беженцев с Пинеги, Кевролы<sup>96</sup>, Двинского и Сольвычегодского уездов, Новгорода, Москвы, Нижнего Новгорода. Усть-Цильма известна исследователям народной культуры как один из интереснейших уголков Русского Севера, богатый письменными и устными традициями, формирование которых началось в 16 в., когда на средней Печоре происходят миграционные процессы разного порядка: освоение и заселение края новгородцами и выходцами из других регионов России, появление здесь и на Пижме раскольников<sup>97</sup>. Старообрядческие скиты — Великопоженский, Омелинский, Тобынский — становились центрами духовной жизни на Печоре, оказывая сильнейшее влияние на весь уклад жизни жителей Усть-Цильмы и *«способствуя сохранению средневековых мировоззренческих канонов»*<sup>98</sup>. В восьми деревнях Усть-Цилемской волости было записано 79 былин на 43 сюжета. В Пустозерской волости в четырёх деревнях было сделано 57 записей на 36 сюжетов.

Направивается вывод: древние традиции были особо устойчивы и живучи в старообрядческой среде — там, где *«старообрядцы сумели, опираясь на длительный опыт явного и тайного противостояния “господствующей” церкви, выдержать напор светских и духовных властей»*<sup>99</sup>.

И наоборот: там, где влияние старообрядчества было невелико, где репрессии государства и официальной церкви приводили к массовому исходу староверов с обжитых мест, традиции с течением времени естественным образом затухали и в конечном счёте отмирали.

В этом отношении любопытно сравнить степень устойчивости традиционных видов народного искусства в Олонецкой и Архангельской губерниях, с одной стороны, и Вологодской губернии, с другой.

Былинная традиция на Вологодчине, как это утверждается всеми исследователями древнерусских былин, оказалась значительно слабее по сравнению с Олонецкой и Архангельской губерниями. Единственная былина была записана в д. Раменская Бережнослободской волости Тотемского уезда<sup>100</sup> (заметим, что Тотемская Кокшеньга стала прибежищем раскольников Вологодской губернии<sup>101</sup>). Довольно значительные



остатки былинной традиции были обнаружены в Кирилловском и Белозерском уездах, где эпическая традиция считалась утерянной<sup>102</sup>. «Относительно Белозерского края можно было говорить лишь об остатках эпического творчества, которые застали собиратели. Но по этим остаткам всё же можно судить о том, что данный край являлся районом, где также в прошлом жила и развивалась былина»<sup>103</sup>.

К предполагаемым местам бытования былины в Вологодской губернии относится Сольвычегодский уезд<sup>104</sup>, откуда старообрядцы бежали на Усть-Цильму.

По наблюдению А.С. Архангельского, «слово “былина” в обозначении эпического жанра (рассказы о старом времени, передающиеся “нараспев”) уже было в обиходе крестьян Вологодской губернии в 30–40-х годах XIX в., т.е. в то время, когда оно ещё не могло быть привито сверху»<sup>105</sup>.

Вполне очевидно, что наличие «довольно значительных остатков былинной традиции» и знакомство вологодских крестьян с самим понятием «былина» дают основание предположить, что ранее здесь существовала былинная традиция, но по каким-то причинам была утрачена.

При анализе сохранившихся часовен Вологодчины обращает на себя внимание хронология их постройки. В подавляющем большинстве они относятся ко второй половине 19 — началу 20 в. (исключение составляет лишь Вытегорский район, относившийся в дореволюционное время к Олонецкой губернии, где были зафиксированы часовни 18 в.). Можно ли предположить, что часовни здесь начали строить лишь во второй половине 19 в.? Очевидно, что часовни на территории Вологодской губернии возводились задолго до существующих. Об этом свидетельствуют и архивные материалы (разрешения консисторий на «возобновление» часовен), и следы более древних сооружений под фундаментами существующих. Объяснить позднее происхождение часовен Вологодчины можно, кажется, только тем, что здесь неукоснительно выполнялись распоряжения правительства и Святейшего Синода о ликвидации существовавших часовен и запрещения строительства новых.

Однако часовни Вологодской губернии отличаются от подобных сооружений Олонецкой и Архангельской губерний не только датировкой. Конечно, сейчас нельзя с определённой точностью сказать, какие часовни строили здесь до существующих ныне, но можно предположить, что по

типу они мало отличались от часовен Заонежья, Кенозерья, Пудожья и других территорий, сохранивших наиболее древние образцы часовен. По некоторым косвенным данным, в Вологодской губернии (во всяком случае в северной её части) в 18 в. строились часовни традиционного для Заонежья типа.

В этом смысле интересно сообщение протоиерея К. Никольского о Георгиевской часовне в деревне Першимский Починок Вельского уезда Вологодской губернии, которая «существовала с незапамятных времён»<sup>106</sup>, была разобрана по указу 1722 г., а в 1734 г. возобновлена по разрешению архиепископа Германа. Никольский приводит описание часовни: «*Часовня — деревянная <...> с тремя боковыми косящатыми окнами, двускатной крышей и четвероконечным деревянным на князьке крестом. Лицом обращена она на восток, вход имеет с запада, внутри состоит из двух частей, разделённых между собой капитальной стеной, или как бы из притвора и самой часовни*»<sup>107</sup>. Из описания ясно, что построенная в 1734 г. часовня представляла собой вполне типичное для Севера сооружение — двухкамерную клетскую часовню под двускатной единой кровлей.

На Вологодчине лишь незначительное число сохранившихся до нашего времени часовен крыты на два ската, а те из них, которые имеют двускатные кровли, так разительно отличаются от древних образцов, что говорить о традициях просто не приходится.

Ещё одна особенность сохранившихся часовен края — значительно более сильное влияние каменной ордерной архитектуры, которое весьма незначительно в облике часовен Олонецкой губернии.

Можно предположить, что строительные традиции на Вологодской земле во многом были забыты, и часовни сооружались после отмены запретов на их строительство в новых формах, нередко под влиянием городского зодчества.

Сравнивая историю раскола в Олонецкой и Архангельской губерниях и на Вологодчине, можно сделать вывод, что здесь реформы патриарха Никона были встречены более лояльно, чем в северных территориях региона. Во всяком случае здесь не было отмечено таких широкомасштабных актов сопротивления преобразованиям, какие имели место в Заонежье, — знаменитое «соловецкое сидение», когда монахи Соловецкого монастыря, не принявшие реформ, с 1669 по 1676 г. сопротивлялись правительственным войскам, вооружённое выступление пу-

дожеких крестьян, закончившиеся взятием Палостровского монастыря, многочисленные самосожжения и т.д. Не возникло на территории Вологодской губернии крупных старообрядческих центров, столь же влиятельных и имевших разветвлённую сеть скитов, как Выговский монастырь.

Чем объяснить подобный факт? Может быть тем, что на Вологодской земле влияние официальной церкви оказалось сильнее, чем в Заонежье и Архангельской губернии?

*«В Прионежье, так же как и на восток области, монастырская колонизация пришла более чем на три столетия позже, чем в Белозерье и на Вологду»<sup>108</sup>. Здесь образовалась чрезвычайно насыщенная монастырская сеть, оказавшая сильнейшее влияние на религиозные предпочтения и убеждения населения, которые не могли быть поколеблены старообрядчеством. По подсчётам Е.Н. Соколовой, на территории Вологодской области в её современных границах насчитывалось около 130 монастырей, пустыней и скитов<sup>109</sup>. Высшее чёрное духовенство «за единичными исключениями приняло новшества Никона без сопротивления и даже в ряде случаев оказало им энергичную поддержку»<sup>110</sup>. Следует иметь в виду, что «большинство монастырей этого времени являлись не только территориальными центрами православного комплекса культуры, они объединяли в своей деятельности функции административно-политической и социально-экономической организации территории»<sup>111</sup>. Естественно, что при таких условиях старообрядческое движение не могло получить здесь широкого распространения и влияния.*

Цель настоящей работы — лишь обратить внимание на влияние старообрядческой идеологии и устойчивость традиций в народном искусстве, в данном случае — древнейшем виде устного народного творчества и традиционной часовой архитектуре. Как уже было сказано, отсутствие достаточного материала по некоторым территориям Русского Севера, где старообрядчество было сильно и влиятельно, — рекам Мезени и Печоре — не позволяет делать какие-либо выводы об устойчивости традиций в часовой архитектуре в этих районах. Это относится и к некоторым другим регионам России. Тем не менее правомерность постановки вопроса о влиянии идеологии старообрядчества на живучесть по крайней мере былинного эпоса как будто подтверждается и в других регионах России, где связь былинных гнёзд с центрами старообрядчества прослеживается довольно отчётливо.

«По сравнению с Севером центральные и южные области оказались значительно менее богатыми эпической поэзией. Известное сосредоточение былин наблюдалось в середине и конце XIX — начале XX вв. в среднем Поволжье — в Нижегородском, Симбирском и Саратовском краях»<sup>112</sup>. Но в Поволжье всегда было сильно старообрядчество, а Нижегородское Поволжье с середины 18 в. становится его крупнейшим и активнейшим центром. Возможно, именно это обстоятельство послужило причиной сравнительно лучшей сохранности былинной традиции на общем фоне центральных территорий.

Среди донских, терских и уральских казаков было сделано около 40 записей былин. И вряд ли меняет дело то обстоятельство, что это были в основном песни на былинные сюжеты. По справедливому замечанию А.М. Астаховой, «русский богатырский эпос жил в устной традиции многие столетия и не оставался безразличным к новой исторической и бытовой действительности, элементы которой могли давать отдельные поэтические наслоения»<sup>113</sup>.

Для Южного Урала на ранних этапах формирования старообрядческого социума существенную роль сыграло казачество. Его изолированное положение на окраинах Российского государства способствовало консервации в казачьей среде древних православных канонов в целостном и неизменном виде. Староверие здесь не было явлением, занесенным извне, а существовало изначально как органическая форма религиозного мирозерцания казаков<sup>114</sup>. В «Отчёте Оренбургской губернии за 1832 г. по части Департамента полиции исполнительной» говорилось: «казаки Войска Уральского все вообще с жёнами и детьми суть старообрядцы»<sup>115</sup>.

Крупный очаг эпической традиции был зафиксирован на Алтае. Но «Алтайский край уже с 17 в. быстро превращается в один из региональных старообрядческих духовных центров <...> в результате массового бегства сторонников старой веры на окраины государства из-за развернувшегося преследования со стороны официальной церкви и правительства»<sup>116</sup>.

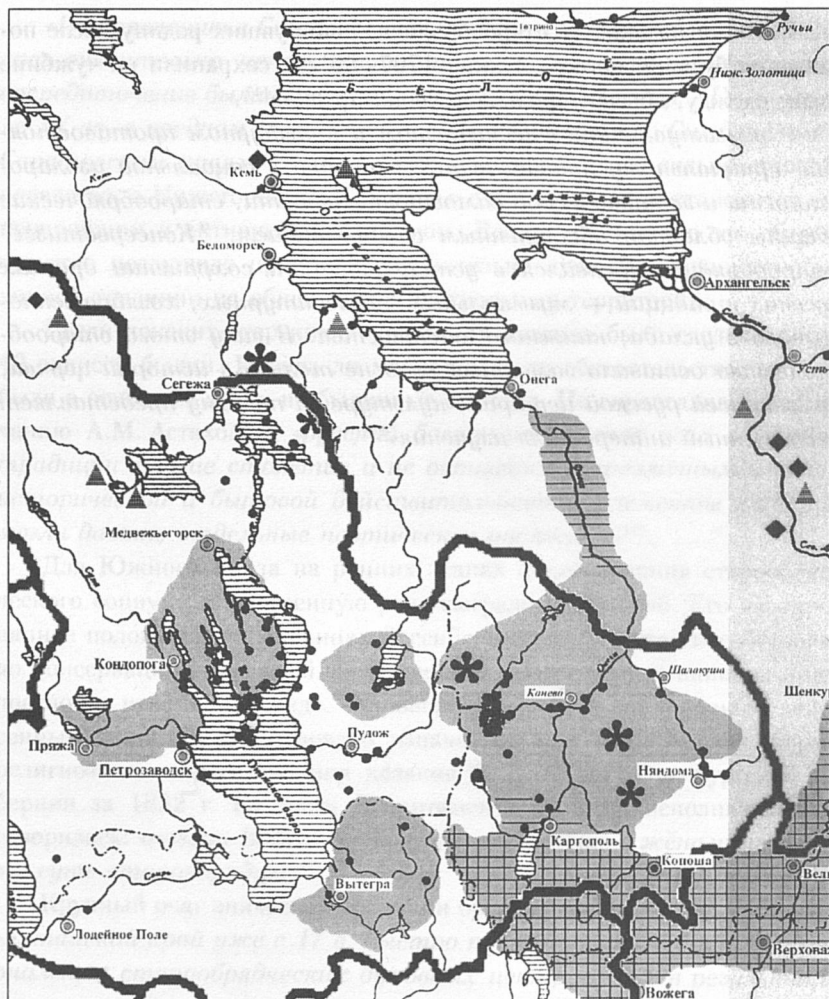
Записи былин были сделаны в селе Русское Устье Верхоянского округа Якутской области. Село было основано в 16–17 вв. пришельцами с Севера европейской части России. Жители Русского Устья, окружённые инородцами, долгое время находились в значительной изоляции от другого русского населения Сибири.

Потомки казаков — старообрядцев, покинувших родину после подавления булавинского восстания 1707–09 гг., сохранили на чужбине язык, одежду, обычаи, фольклор своих предков<sup>117</sup>.

«Привыкнув жить в религиозном и культурном противостоянии официальному православию, зачастую в социальной изолированности и экономической самостоятельности, старообрядческие общины обладали обострённым самосознанием. “Консерватизм” старообрядцев проявился в устойчивости и сохранении древних русских традиций — музыкальных, литературных, хозяйственно-бытового уклада, книжного мастерства. В силу этого старообрядчество оставило заметный след не только в истории церкви, но и во всей русской истории, культуре, а потому представляет несомненный интерес для изучения»<sup>118</sup>.

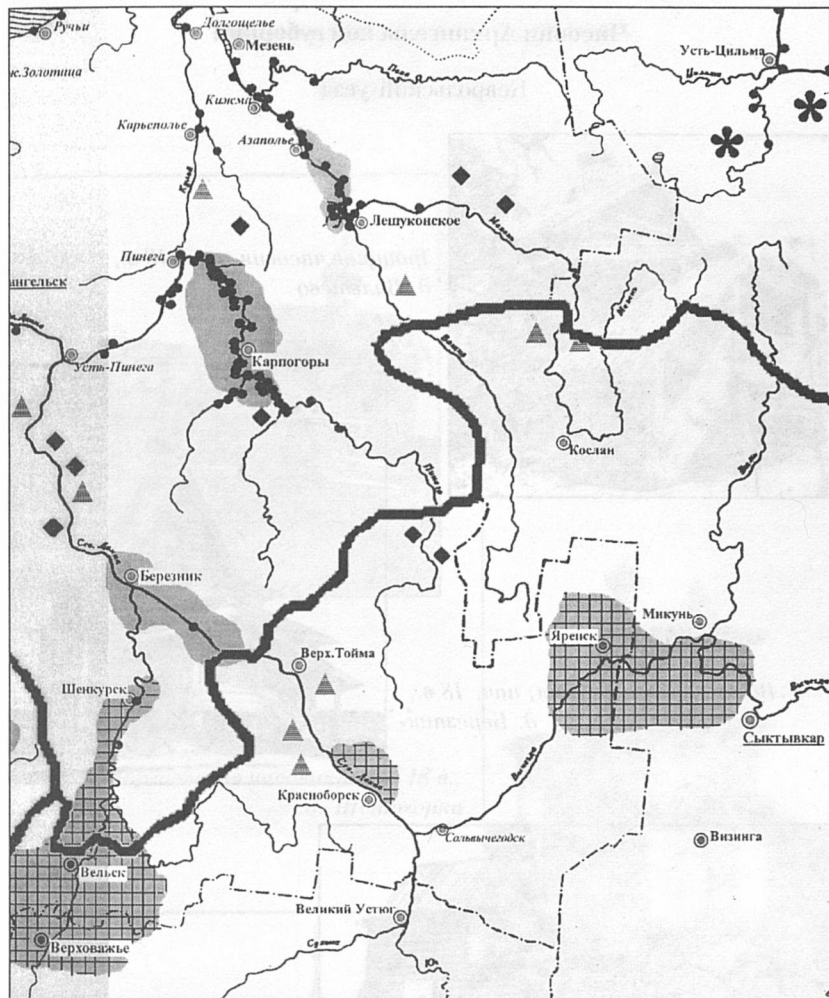


Информация о территории старообрядчества в Русском Севере, 1912 г. (по данным В. В. Румянцева). М.: Издательство «Славянская литература», 1982. 144 с.



*Схема распространения чашовен с различным типом покрытий по Русском Севере. (Вертикальные полосы, примыкающие к внутренним краям печатных полос, совпадают.)*

Схема составлена на основе карты, опубликованной в книге С.И. Дмитриевой «Географическое распространение русских былин по материалам конца XIX — начала XX в.», М., 1975



Условные обозначения

	территории с преобладанием двускатных покрытий		отдельные часовни с иными типами покрытий
	территории с преобладанием смешанных типов покрытий		места записи былин (по С.И. Дмитриевой)
	территории с иными типами покрытий		старообрядческие центры
	отдельные часовни с двускатным покрытием		границы губерний на 1912 год
			современные границы областей

## Часовни Архангельской губернии

Кеврольский уезд\*



*Троицкая часовня, нач. 18 в.,  
д. Вальтево*



*Вознесенская часовня, нач. 18 в.,  
д. Березник*



*Часовня  
Петра Митрополита,  
нач. 18 в., д. Чешегора*

\* В настоящее время — территория Пинежского района Архангельской области.



## Часовни Архангельской губернии

Кеврольский уезд

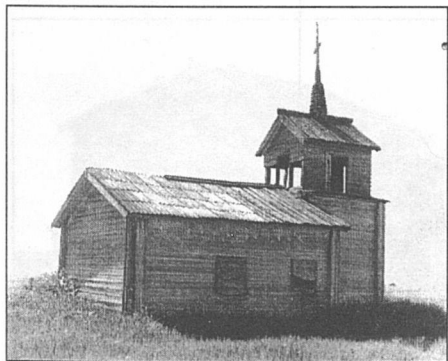


*Михайловская часовня, 18 в.,  
д. Печгора*

*Георгиевская часовня, нач. 18 в.,  
д. Штогорка*



*Никольская часовня, 18 в.,  
кон. 19 в., д. Почезерье*



## Часовни Архангельской губернии

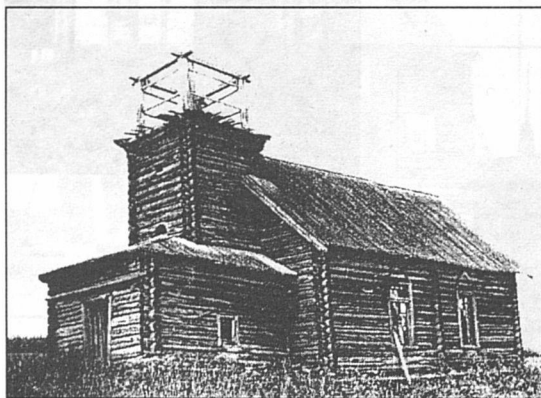
Кеврольский уезд



*Часовня, сер. 19 в., нач. 20 в.,  
д. Ревполье*



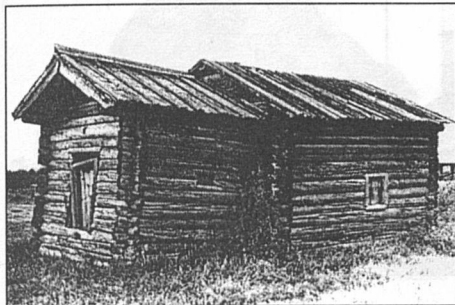
*Часовня-амбар, 19 в.,  
д. Михеево*



*Часовня, 2-я пол. 19 в.,  
д. Березник*

## Часовни Архангельской губернии

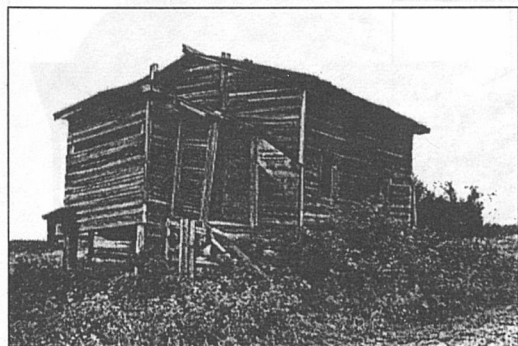
Кеврольский уезд



Часовня, 2-я пол. 19 в., нач. 20 в.,  
д. Кочмогора

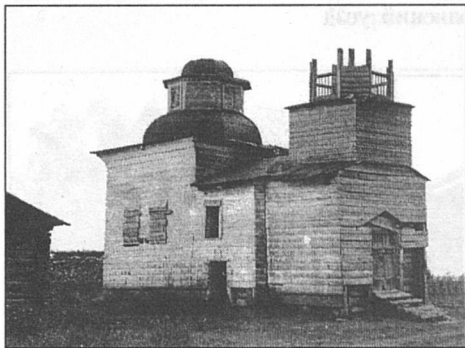


Боровая часовня,  
д. Еркино



Часовня, сер., кон. 19 в.,  
д. Шта

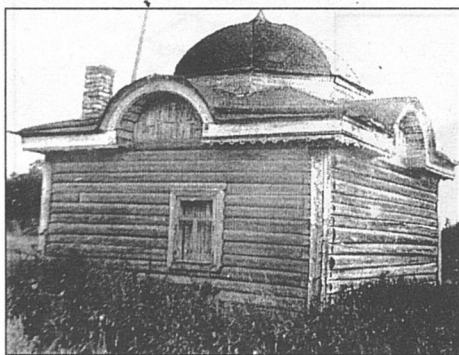
## Часовни Вологодской губернии



*Рождественская часовня,  
2-я пол. 18 в., д. Пустошь*



*Троицкая часовня,  
сер. 19 в., д. Дубровинская*

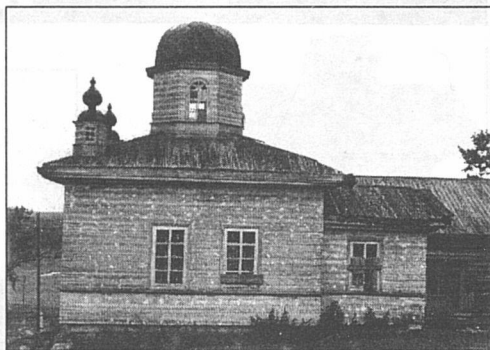


*Тихвинская часовня, сер. 19 в.,  
с. Покровское*

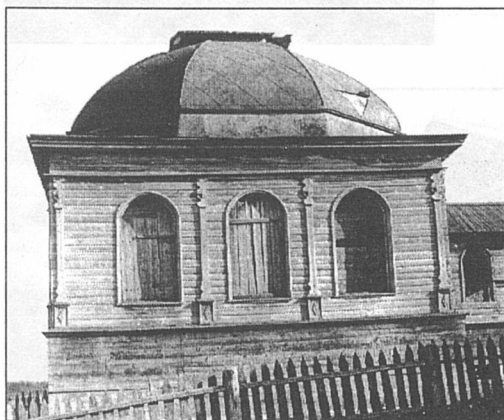
## Часовни Вологодской губернии



*Воздвиженская часовня,  
2-я пол. 19 в., д. Королёво*



*Успенская часовня,  
2-я пол. 19 в., д. Кривые*



*Никольская часовня,  
2-я пол. 19 в., д. Коиёвка*

## Часовни Вологодской губернии



*Спасская часовня,  
кон. 19 — нач. 20 в., д. Горка*

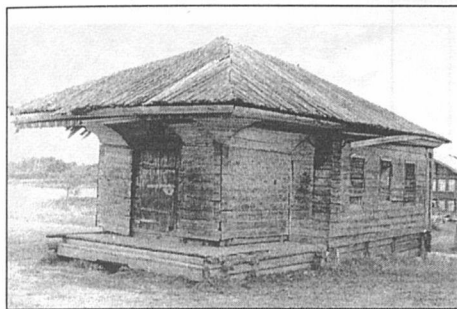


*Успенская часовня,  
2-я пол. 19 в., д. Кузнецовская*

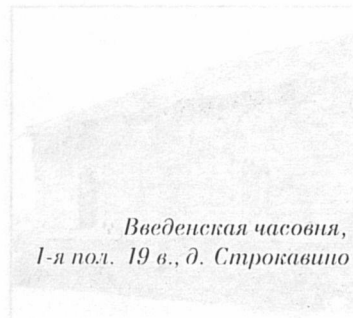


*Часовня, 1-я пол. 19 в.,  
д. Козлиха*

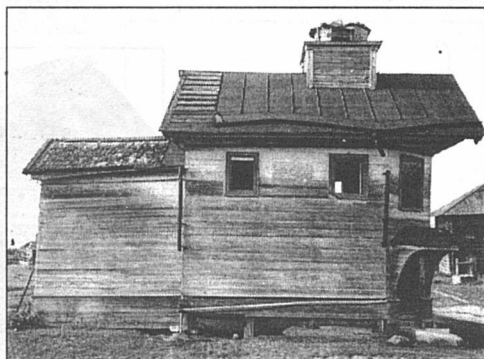
## Часовни Вологодской губернии



*Часовня Медосия Милостивого,  
кон. 19 в., д. Колбинская*



*Введенская часовня,  
1-я пол. 19 в., д. Строкавино*



*Воздвиженская часовня,  
2-я пол. 19 в.,  
д. Воздвиженская*

## Часовни Вологодской губернии



*Варлаамовская часовня,  
нач. 20 в., д. Митрофаниха*



*Часовня Флора и Лавра,  
2-я пол. 19 в., д. Арбузиха*



*Часовня, кон. 19 в.,  
д. Пуронга*



## Часовни Олонецкой губернии

Заонезжье\*



*Святодуховская часовня, 16 в.,  
д. Ахлойла*

*Литипиевская часовня, кон. 19 в.,  
д. Батова*



*Георгиевская часовня, 17 в.,  
д. Кефтенцы*

\* В настоящее время — территория Пряжинского, Кондопожского, Медвежьего и Пудожского районов Республики Карелия.

## Часовни Олонецкой губернии

### Заонежье



*Успенская часовня,  
кон. 17 — нач. 18 в.,  
с. Лема*

*Спасская часовня, 2-я пол. 17 в., 18 в.,  
д. Вигово*



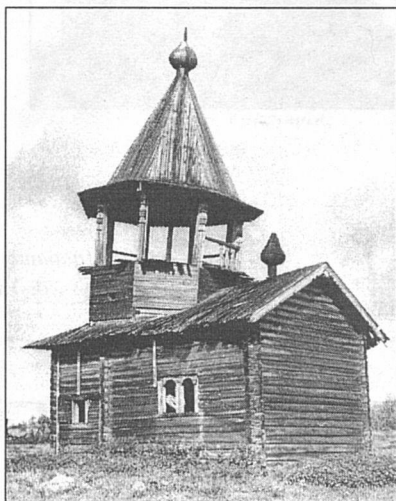
*Михайловская часовня, 17 в.,  
д. Палытцы*

## Часовни Олонецкой губернии

Заонежье



*Ильинская часовня, 2-я пол. 18 в.,  
д. Пяльма*



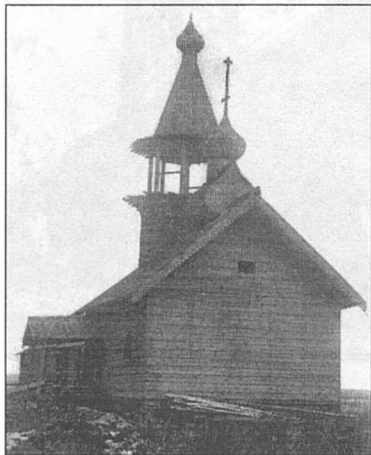
*Иоаннопредтеченская часовня,  
19 в., д. Вороший Остров*



*Никольская часовня,  
1-я пол. 18 в., 19 в., д. Тамбица*

## Часовни Олонецкой губернии

### Заонежье



*Введенская часовня, ок. 1800 г.,  
2-я пол. 19 в., д. Широкие Поля*

*Часовня, 18 в.,  
д. Улалега*

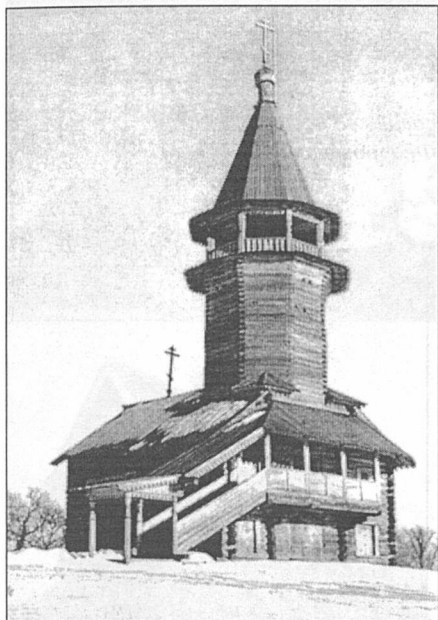


*Часовня Николая Чудотворца и  
Ильи Пророка, 2-я пол. 18 в.,  
2-я пол. 19 в.,  
д. Большое Лижмозеро*



## Часовни Олонецкой губернии

Заонежье



*Трёхсвятейшая часовня,  
17–18 вв., д. Кавгора*

*Часовня, кон. 19 в.,  
д. Бостилово*



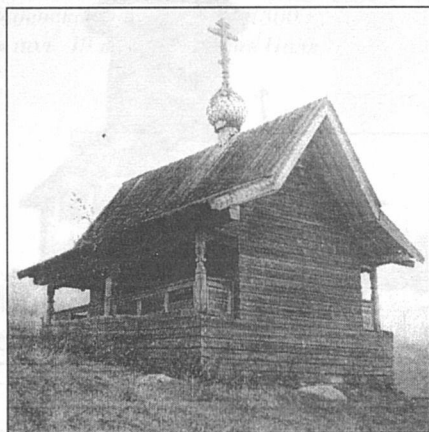
## Часовни Олонецкой губернии

Кенозерье\*



Часовня, 18 в.,  
д. Фёдоровская

Ильинская часовня, кон. 18 в.,  
с. Мамоново



Андреевская часовня, 18 в.,  
д. Видягино

\* В настоящее время — территория Плесецкого района Архангельской области.

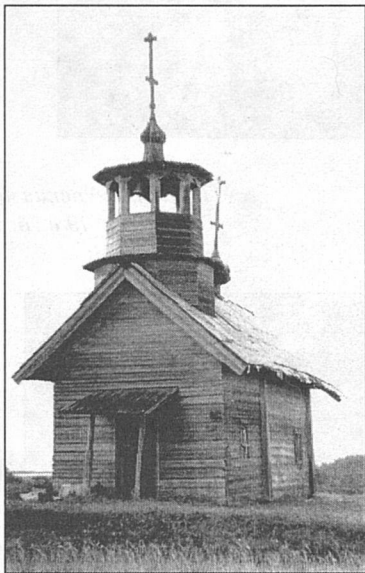
## Часовни Олонецкой губернии

### Кенозерье



*Часовня Иоанна Богослова,  
18–19 вв., д. Зихово*

*Никольская часовня, нач. 20 в.,  
д. Бухалово*

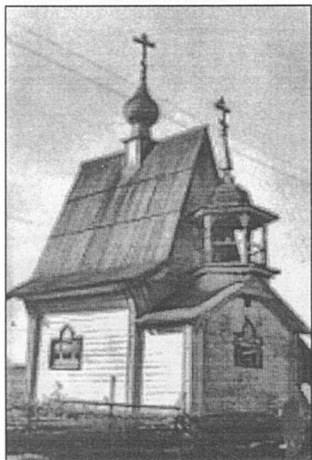


*Трёхсвятительская часовня,  
нач. 20 в., д. Немята*



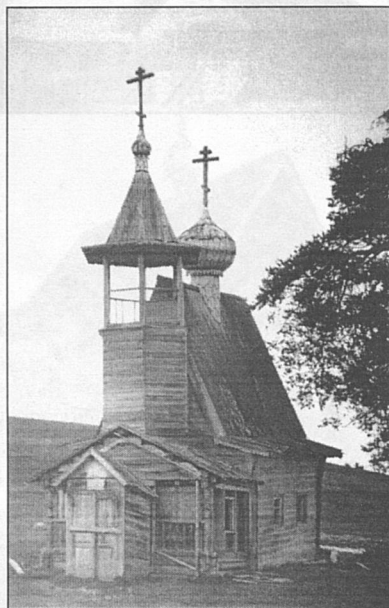
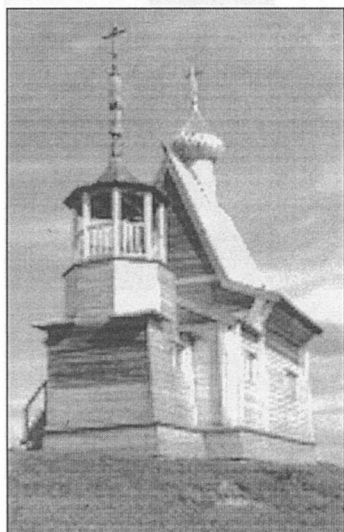
## Часовни Олонецкой губернии

### Бенозерье



*Покровская часовня, 18 в.,  
с. Конево*

*Преображенская часовня,  
нач. 19 в., д. Глазово*



*Никольская часовня,  
нач. 19 в., с. Вершино*



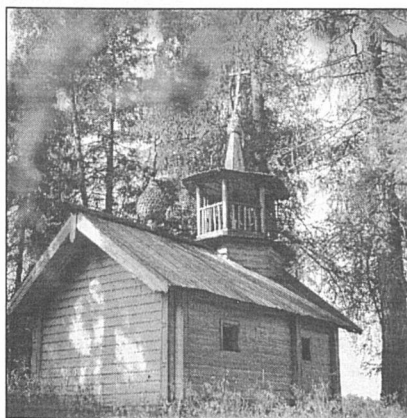
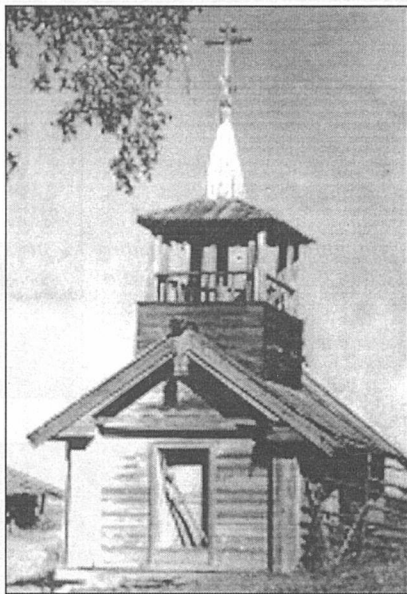
## Часовни Олонецкой губернии

### Кенозерье



*Казанская часовня, 1900-е гг.,  
д. Мишино*

*Анастасиевская часовня, сер. 19 в.,  
д. Тирасово*



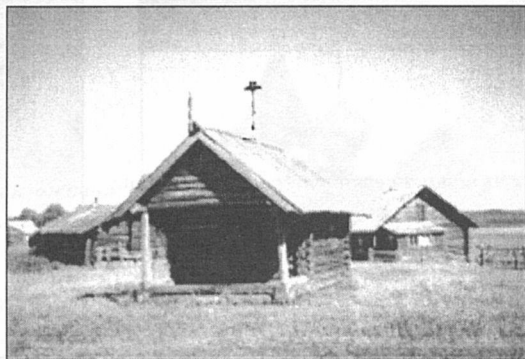
*Иоанновская часовня, 1803 г.,  
д. Горбачиха*

## Часовни Олонецкой губернии

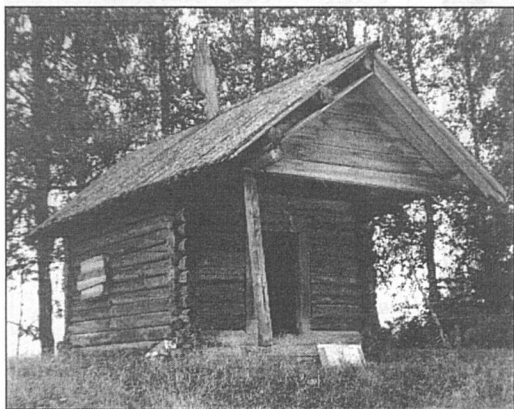
### Кенозерье



*Часовня Флора и Лавра, нач. 19 в.,  
д. Карельская*



*Анастасиевская часовня,  
19 в., д. Косицыно*



*Дмитровская часовня,  
нач. 19 в., д. Городское*

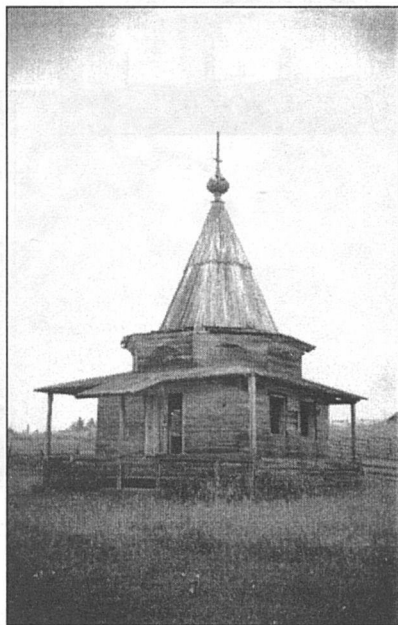
## Часовни Олонецкой губернии

Нижнее Поонежье\*



Святодуховская часовня, 1775 г.,  
д. Острожная

Часовня, нач. 19 в.,  
д. Матвеевка



Часовня, 2-я пол. 19 в.,  
д. Усолье

\* В настоящее время — территория Каргопольского района Архангельской области.

## Часовни Олонецкой губернии

### Нижнее Поонежье



*Георгиевская часовня, 1779 г.,  
д. Нёрмужи*



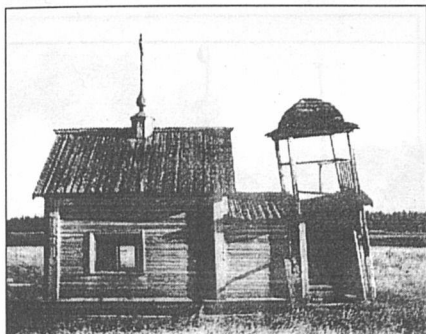
*Покровская часовня,  
1-я пол. 19 в., д. Чёково*



*Филипповская часовня,  
2-я пол. 19 в., д. Павловский Бор*

## Часовни Олонецкой губернии

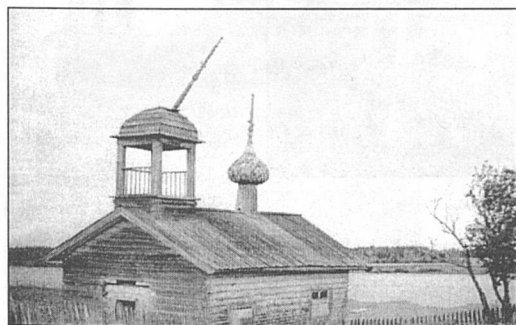
Нижнее Поонежье



*Кирилловская часовня, 19 в.,  
д. Сырья*



*Часовня, кон. 19 — нач. 20 в.,  
д. Чешюга*

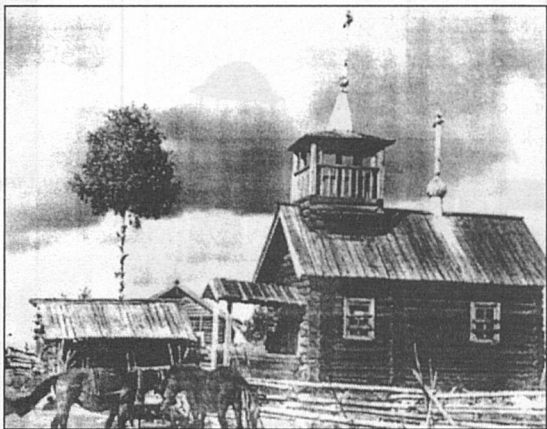


*Рождественская часовня,  
2-я пол. 19 в., д. Хачела*

## Часовни Олонецкой губернии

Нижнее Поонежье

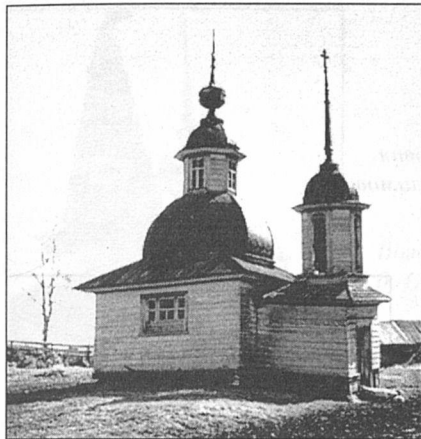
*Часовня, 2-я пол. 19 в.,  
д. Нижний Падун*



*Часовня, кон. 19 в.,  
д. Хаяла*

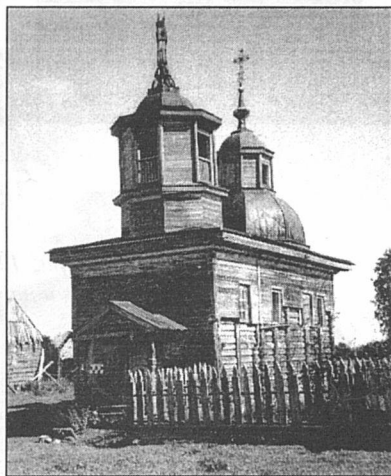
## Часовни Олонецкой губернии

Верхнее Поонежье\*



*Ильинская часовня, 19 в.,  
д. Большая Кондратовская*

*Часовня, 2-я пол. 19 в.,  
д. Коржа*

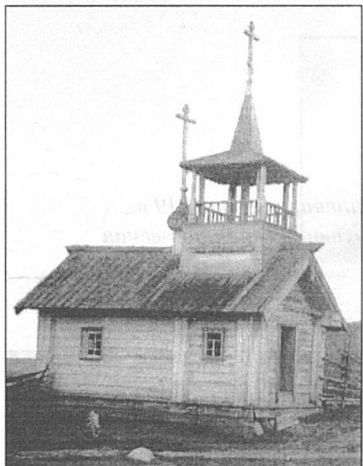


*Часовня Кирика и Улиты, нач. 19 в.,  
д. Кольцово*

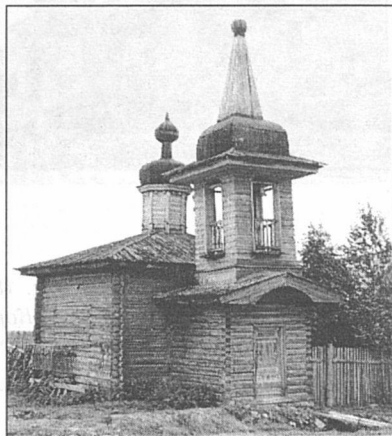
\* В настоящее время — территория Онежского района Архангельской области.

## Часовни Олонецкой губернии

Верхнее Поонежье



*Часовня,  
д. Климовская*



*Часовня Флора и Лавра, 19 в.,  
д. Калитинка*

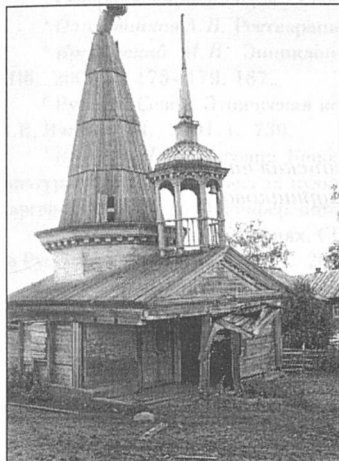


*Воздвиженская часовня,  
кон. 19 — нач. 20 в.,  
д. Лукино*



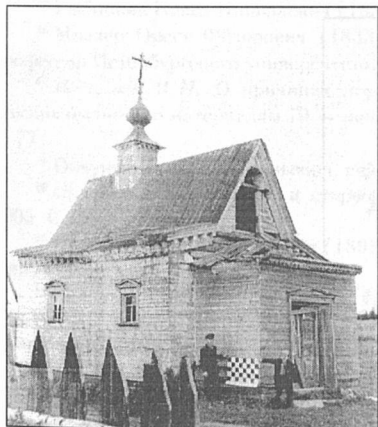
## Часовни Олонецкой губернии

Верхнее Поонежье



*Воздвиженская часовня, 18 в.,  
д. Саввинская-Акулово*

*Никольская часовня,  
кон. 19 — нач. 20 в.,  
д. Кудряйевская*



*Часовня, нач. 20 в.,  
д. Кириллово*

## Часовни Олонецкой губернии

### Верхнее Поонежье



*Казанская часовня, 19 в.,  
д. Куршаково*



*Часовня на Волоке, нач. 20 в.,  
д. Калитинка*



*Воздвиженская часовня,  
нач. 19 в., д. Лариоповская*

<sup>1</sup> Соколов В.М. Сказители. М., 1924. С. 16–17.

<sup>2</sup> Дмитриева С.И. Географическое распространение русских былин по материалам конца XIX — начала XX в. М., 1975. С. 21.

<sup>3</sup> Северная энциклопедия / Сост. Е.Р. Акбальян. М., 2004. С. 829.

<sup>4</sup> Ополовников А.В. Реставрация памятников народного зодчества. М., 1974. С. 30.

<sup>5</sup> Красовский М.В. Энциклопедия русской архитектуры. Деревянное зодчество. СПб., 2005. С. 175–179, 187.

<sup>6</sup> Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX века / Отв. ред. И.В. Власова. М., 2001. С. 739.

<sup>7</sup> Шургин И.И. Часовни Кенозерья как памятник крестьянской старообрядческой культуры // Старообрядческая культура Русского Севера. Тезисы докладов и сообщений Каргопольской научной конференции. Москва–Каргополь, 1998. С. 117.

<sup>8</sup> Никольский К. О часовнях. СПб., 1889. С. 9–18; Гюловкин К.Г. Деревянные часовни Русского Севера. М., 2006. С. 20–22.

<sup>9</sup> Основным источником при анализе часовен Русского Севера послужили материалы, полученные в ходе поисковой работы, проводившейся Министерством культуры РСФСР в 1960-е — 1990-е гг. в плане подготовки Свода памятников истории и культуры РСФСР, и опубликованные в 2006 г. (Гюловкин К.Г. Деревянные часовни Русского Севера. М., 2006).

<sup>10</sup> Дмитриева С.И. Указ. соч. С. 35.

<sup>11</sup> Русская устная словесность. Т.II. Былины, исторические песни / Под ред. М. Сперанского. М., 1919. С. XII.

<sup>12</sup> Северная энциклопедия... С. 1016.

<sup>13</sup> Гильфердинг Александр Фёдорович (1831–1872), русский славяновед, собиратель и исследователей былин, член-корреспондент Петербургской Академии наук.

<sup>14</sup> Мнение А.Ф. Гильфердинга, по-видимому, разделяют авторы выпущенной в 2004 г. Северной энциклопедии, где в статье «Фольклор Русского Севера» исчезновение былинной традиции прямо связывается с «верой в чудесное»: «По мере ослабления и исчезновения такой веры угасала живая эпическая традиция, окончательно изжившая себя к середине 20 века».

<sup>15</sup> Рыбников Павел Николаевич (1831–1885), русский фольклорист, этнограф.

<sup>16</sup> Миллер Орест Фёдорович (1833–1889), русский фольклорист, литературовед, профессор Петербургского университета.

<sup>17</sup> Васильев М.И. О причинах неравномерного географического распространения русских былин (по материалам 19 — начала 20 в.) // Советская этнография. 1990. № 3. С. 77.

<sup>18</sup> Ончуков Николай Евгеньевич, собиратель русского фольклора.

<sup>19</sup> Ончуков Н.Е. Старина и старообрядцы // Живая старина. Вып. III–IV. СПб., 1905. С. 277–278.

<sup>20</sup> Пропп Владимир Яковлевич (1895–1970), советский фольклорист, профессор Ленинградского университета.

<sup>21</sup> Васильев М.И. Указ. соч. С. 77.

<sup>22</sup> Дмитриева С.И. Указ. соч. С. 93–94.

<sup>23</sup> Васильев М.И. Указ. соч. С. 82.

<sup>24</sup> Астахова А.М. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966. С. 231.

<sup>25</sup> Русская устная словесность... С. XI.

<sup>26</sup> Песни, собранные П.П. Рыбниковым / Под ред. А.Е. Грузинского. Изд. 2-е. Т.1. М., 1909. С.1XVI.

<sup>27</sup> Соколов Борис Матвеевич (1889–1930), русский советский учёный, этнограф и фольклорист.

<sup>28</sup> Соколов Б.М. Указ. соч. С.42.

<sup>29</sup> Каилов В.М. Традиции и исторический процесс. М., 1994. С.80–81.

<sup>30</sup> Северная энциклопедия... С.916.

<sup>31</sup> Пулькин М.В., Захарова О.А., Жуков А.Ю. Православие в Карелии (XV — первая треть XX в.). М., 1999. С.134.

<sup>32</sup> Там же.

<sup>33</sup> Миссионерский отчёт о состоянии и движении раскола и сектантства Олонецкой губернии и о деятельности спархивальной миссии против раскола и сектантства за 1913 год. Петрозаводск, 1913.

<sup>34</sup> Водаляко В.Н. Старообрядчество Олонецкой губернии в начале 20 в. // Старообрядчество. История, культура, современность. Материалы. М., 2002. С. 149–150.

<sup>35</sup> Опичков Н.Е. Указ. соч. С. 288.

<sup>36</sup> Пулькин М.В., Захарова О.А., Жуков А.Ю. Указ. соч. С. 135–136.

<sup>37</sup> Там же. С. 112.

<sup>38</sup> Решетников Н.И. Старообрядчество как социальное явление // Старообрядческая культура Русского Севера. Тезисы докладов и сообщений Каргопольской научной конференции. Москва–Каргополь, 1998. С.9–10.

<sup>39</sup> Крыжевлев И.А. История религий. Т.1. М., 1988. С. 305.

<sup>40</sup> Северная энциклопедия... С. 917.

<sup>41</sup> Пикитина С.Е. Роль старообрядцев в нестарообрядческих селениях Севера // Старообрядческая культура Русского Севера. Тезисы докладов и сообщений Каргопольской научной конференции. Москва–Каргополь, 1998. С. 61.

<sup>42</sup> Олонецкая епархия. Страницы истории. Петрозаводск, 2001. С. 8.

<sup>43</sup> Пулькин М.В., Захарова О.А., Жуков А.Ю. Указ. соч. С. 76–77.

<sup>44</sup> Северная энциклопедия... С. 175.

<sup>45</sup> Опичков Н.Е. Указ. соч. С. 284.

<sup>46</sup> Там же. С. 278.

<sup>47</sup> Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981. С. 49.

<sup>48</sup> Керов В.В. Формирование старообрядческой концепции «труда благого» в конце XVII — начале XVIII в. (К вопросу о конфессионально-этических факторах старообрядческого предпринимательства) // Старообрядчество: история, культура, современность. № 5. М., 1996. С. 42.

<sup>49</sup> Решетников Н.И. Указ. соч. С. 8.

<sup>50</sup> Цит. по: Окладников Н.А. Верный ученик и сподвижник протопопа Аввакума // Старообрядчество. История, культура, современность. Материалы. М., 2002. С. 38.

<sup>51</sup> Мошина Т.А. «Прибежище всеслучайшего сиротского утешения...» (из истории построек Выговского старообрядческого общежития) // Старообрядчество: история, культура, современность. № 5. М., 1996. С. 49.

<sup>52</sup> Там же. С. 48.

<sup>53</sup> Опичков Н.Е. Указ. соч. С. 288.

<sup>54</sup> Мошина Т.А. О берёзе в материальной и духовной жизни Выговского общежития (по памятникам старообрядчества и этнографическим материалам) // Старообрядчество: история, культура, современность. № 6. М., 1998. С. 75.

<sup>55</sup> Шургин И.Н. Часовни Кенозерья как памятник крестьянской старообрядческой культуры // Старообрядческая культура Русского Севера. Тезисы докладов и сообщений Каргопольской научной конференции. Москва—Каргополь, 1998. С. 119—120.

<sup>56</sup> Песни, собранные П.Н. Рыбниковым... С. XCIX.

<sup>57</sup> Соколов Б.М. Указ. соч. С. 43.

<sup>58</sup> Русская устная словесность... С. XXXVI.

<sup>59</sup> Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР (памятники культуры). Карельская АССР / Ред.-сост. А.И. Фролов. М., 1977. С. 139.

<sup>60</sup> Соколов Б.М. Указ. соч. С. 88.

<sup>61</sup> Русская устная словесность... С. 4.

<sup>62</sup> Соколов Б.М. Указ. соч. С. 93.

<sup>63</sup> Астахова А.М. Указ. соч. С. 215.

<sup>64</sup> Там же. С. 236.

<sup>65</sup> Васильев М.И. Указ. соч. С. 78.

<sup>66</sup> Дмитриева С.И. Указ. соч. С. 50.

<sup>67</sup> Там же.

<sup>68</sup> Астахова А.М. Указ. соч. С. 219—220.

<sup>69</sup> Здесь и далее количество записей былин даётся по подсчётам С.И. Дмитриевой (Дмитриева С.И. Указ. соч. С. 95—115).

<sup>70</sup> Астахова А.М. Указ. соч. С. 235.

<sup>71</sup> Песни, собранные П.Н. Рыбниковым... С. СII.

<sup>72</sup> Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 4-е. Т.1. М.—Л., 1949. С. 44—45.

<sup>73</sup> Там же. С. 37.

<sup>74</sup> Там же. С. 44—45.

<sup>75</sup> Русский Север... С. 131.

<sup>76</sup> Забелло С.Я. Каргопольская экспедиция // Архитектурное наследие. № 5. М., 1955. С. 7—9.

<sup>77</sup> Юхименко Е.Ю. Выговская литературная интерпретация каргопольских событий 1683—1684 гг. // Старообрядческая культура Русского Севера. Тезисы докладов и сообщений Каргопольской научной конференции. Москва—Каргополь, 1998. С. 63.

<sup>78</sup> Ощущина И.В., Федоринова И.Л. Северное старообрядчество в очерках каргопольского краеведа К.А. Докучаева-Баскова // Старообрядческая культура Русского Севера. Тезисы докладов и сообщений Каргопольской научной конференции. Москва—Каргополь, 1998. С. 69.

<sup>79</sup> Забелло С.Я. Указ. соч. С. 9.

<sup>80</sup> Онежские былины... С. 44—45.

<sup>81</sup> Пименов В.В. Пудож. Очерк о городе и районе. Петрозаводск, 1957. С. 9.

<sup>82</sup> Там же.

<sup>83</sup> Православные русские обители. СПб., 1994. С. 44.

<sup>84</sup> Васильев М.И. Указ. соч. С. 78.

<sup>85</sup> Дмитриева С.И. Указ. соч. С. 53—54.

<sup>86</sup> Камкин А.В. Православные епархии Русского Севера XIV — начала XX века; иерархи, духовенство, учреждения // Глагол времени. Исследования и материалы. Статьи и сообщения межрегиональной научной конференции «Прокопьевские чтения». Вологда, 2005. С. 321.

<sup>87</sup> Юхименко Е.Ю. Указ. соч. С. 64.

<sup>88</sup> Территория современного Онежского района Архангельской области.

- <sup>89</sup> Города России. Энциклопедия. М., 1994. С. 329.
- <sup>90</sup> Православные русские обители... С. 44.
- <sup>91</sup> Дмитриева С.И. Ещё раз к вопросу о географическом распространении русских былин. (Ответ М.И. Васильеву) // Советская этнография. 1990. № 3. С. 87.
- <sup>92</sup> Там же.
- <sup>93</sup> Меньшакова Е.Г. Печорское старообрядчество // Старообрядческая культура Русского Севера. Тезисы докладов и сообщений Каргопольской научной конференции. Москва—Каргополь, 1998. С. 29.
- <sup>94</sup> Там же.
- <sup>95</sup> Там же.
- <sup>96</sup> Кеврольский уезд занимал земли по р. Пинеге. По современному административно-территориальному делению почти вся территория уезда входит в Пинежский район.
- <sup>97</sup> Рыжова Е.А. «Удорский дневник» крестьян-старообрядцев Рахмановых — Палевых — Матевых // Старообрядческая культура Русского Севера. Тезисы докладов и сообщений Каргопольской научной конференции. Москва—Каргополь, 1998. С. 74.
- <sup>98</sup> Каиева Т.С. Вечерочный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы // Старообрядчество Русского Севера. Тезисы докладов и сообщений Каргопольской научной конференции. Москва—Каргополь, 1998. С.74.
- <sup>99</sup> Пулькин М.В., Захарова О.А., Жуков А.Ю. Указ. соч. С. 133—134.
- <sup>100</sup> Дмитриева С.И. Географическое распространение русских былин по материалам конца XIX — начала XX в. М., 1975. С. 98.
- <sup>101</sup> Русский Север... С. 135.
- <sup>102</sup> Дмитриева С.И. Указ. соч. С. 8.
- <sup>103</sup> Астахова А.М. Указ. соч. С. 216.
- <sup>104</sup> Там же. С. 99.
- <sup>105</sup> Архангельский А.С. Два слова о слове «былина» // ИОРЯС. Т. III. Кн. 4. СПб., 1898. С. 1332.
- <sup>106</sup> Никольский К. О часовнях. СПб., 1889. С. 13.
- <sup>107</sup> Там же.
- <sup>108</sup> Соколова Е.Н. Историко-географический анализ формирования и развития монастырской сети на территории Вологодской области // Экология культуры: Альманах Института Наследия «Территория». М., 2000. С.92.
- <sup>109</sup> Там же. С. 88.
- <sup>110</sup> Гудзий Н.К. История древней русской литературы. М., 1966. С.180.
- <sup>111</sup> Соколова Е.Н. Указ. соч. С. 88.
- <sup>112</sup> Астахова А.М. Указ. соч. С. 216.
- <sup>113</sup> Там же. С. 224.
- <sup>114</sup> Данилко Е.С. «Казаки все вообще с жёнами и детьми суть старообрядцы...» // Старообрядчество. История, культура, современность. Материалы. М., 2002. С. 98.
- <sup>115</sup> Цит. по: Там же. С. 99.
- <sup>116</sup> Ильин В.Н. Взаимоотношения государственной власти и официальной церкви со староверами на Алтае в 17 — начале 20 вв. // Старообрядчество. История, культура, современность. Материалы. М., 2002. С.160.
- <sup>117</sup> БСЭ. Т.17. М., 1974. С. 1305.
- <sup>118</sup> Боченкова И.Д. К вопросу об истории взаимоотношений старообрядчества и государственной церковной организации в конце XVII в. Документы Ярославского областного архива о старообрядцах Угличского посада // Старообрядчество: история, культура, современность. № 5. М., 1996. С. 18.

Ю.А. ГАВРИЛОВ, А.Г. ШЕВЧЕНКО

## ИЗ ИСТОРИИ ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ КРЫМСКИХ КАРАИМОВ

Прошедший 20 век был отмечен исчезновением с этнической карты мира многих народов, ставших жертвами принудительной ассимиляции, этнических чисток, прямого геноцида. Причём процесс этот продолжается, обретая всё более глобальный характер. Современный русский философ Александр Панарин писал в связи с этим: *«Современный мир делится не только на богатых и бедных. Он делится на признанных, ведущих легальное существование, и тех, чья идентичность подвергнута запрету и методически преследуется во всех своих жизненных проявлениях. Трагическим выражением этой непризнанности являются нации, входящие в состав чуждого им государства и им запрещаемые. Национальность здесь выступает в роли гонимой общины, вынужденной прятать свои святыни, религию, обычаи, а нередко и сам язык от господствующей титульной нации, вопреки исторической реальности, формирующей “монопациональное” государство, либо дискриминационную федерацию, различающую легальные и нелегальные этносы... Первая волна этно- и экоцида, направленного не только против конкретных этносов, но и против всей биоприродной и социокультурной среды, где протекало их формирование, была связана с мировой колониальной экспансией Запада. Вторая волна связана с образованием новых постколониальных государств, в которых властолюбие титульных элит не оставило места этническому самодопределению “политически не предусмотренных” этносов»<sup>1</sup>*. Новый импульс этим процессам придал распад СССР: большинство постсоветских государств всё более позиционирует себя в качестве этнократий. Однако не

меньшее число народов прекратило своё реальное существование под мощным воздействием процессов глобализации, связанных с нивелированием этнических различий, агрессивной секуляризацией, распространением массовой культуры, внедрением жизненных стандартов и ценностей «общества потребления».

Но в современном мире можно наблюдать и процессы противоположного характера. *«Против экономической, геополитической и военной логики модерна восстаёт тайная логика экосистем и био-социоценозов»*<sup>2</sup>. Поэтому многие малочисленные народы, этнические группы, этнорелигиозные общности, которые, как казалось, уже находятся на грани исчезновения, тем не менее демонстрируют волю к выживанию, упорно сохраняют обычаи и верования, язык и культуру, стремясь не только обрести своё особое место в глобальном мировом сообществе, но и донести до будущих поколений свой незамутнённый образ. К числу таких народов безусловно следует отнести и крымских караимов.

К настоящему времени караимы представлены рядом этнорелигиозных общностей, сформировавшихся на базе караимизма — сектантского течения в иудаизме, возникшего в 8 в. в Вавилонии. Его основоположником считается еврейский законоучитель Анан бен Давид ха-Наси, который около 760 г. отверг авторитет Талмуда и призвал своих последователей обратиться непосредственно к Библии. Последователи Анана стали именоваться караимами (древнееврейское «чтецы», «люди Священного Писания»). Несмотря на противодействие вавилонского гаоната, караимизм как самостоятельное вероисповедание «людей Писания» (Адх аль Китаб) был официально признан аббасидскими халифами. В последующие века общины евреев-караимов появились во многих странах Востока.

От ортодоксального талмудического иудаизма караимское вероучение отличается признанием ветхозаветной части Библии в качестве единственного источника веры и решительным отрицанием раввинистическо-талмудической традиции. В генезисе караимизма как религиозного течения определённую роль сыграли доталмудические течения иудаизма, сохранившиеся в еврейской среде и после письменной фиксации Талмуда в 6 в. Одновременно в караимском вероучении присутствуют и элементы религиозного синкретизма: пророками единого Бога считаются Иисус Христос и Мухаммад. Примечательно, что, отвергая



авторитет Талмуда, караимы постепенно выработали собственную традицию «священного предания», дополняющую библейские установления, — «севел га-йеруша» (наследие предков). Существенные отличия от иудейского имеет празднично-календарный цикл, в частности, отсутствует праздник Ханука. Не признаются и многие правила кашрута, например, запрет на одновременное употребление молочной и мясной пицци. Караимские богослужения совершаются в специальных молитвенных помещениях, именуемых кенаса (еврейское слово «кнессет» — собрание, от которого возникло арабское слово «канаса» — немусульманский храм). Священнослужители — газзаны — избираются из числа прихожан, так же, как и высшее духовное лицо караимов — гахам (от древнееврейского слова «хахам» — мудрец).

С самого начала караимизм встретил резко враждебное отношение со стороны клерикальной элиты ортодоксального еврейства. Как писал известный талмудист ребе Гедалия в трактате «Шальшелет-Гакабалла», еврей *«не должен лечить караима ни от какой болезни; если тот упадёт в яму, не должен его вытаскивать, не должен избавлять его даже из рук убийцы. Тем менее ещё можно допускать караимов в свидетели по какому-либо делу, есть убитую ими скотину, совершать обрезание над младенцами или вступать с ними в брак. Последнее воспрещается даже и тогда, если они обратятся к иудейству»*<sup>3</sup>. В результате уже к 10 в. караимизм оказался вытеснен из еврейской среды и стал распространяться среди сопредельных народов. Следствием этого стало формирование на базе караимской религии ряда оригинальных этнорелигиозных общностей, до настоящего времени существующих в разных странах.

Примечательно, что враждебные отношения между ортодоксальными евреями и караимами сохранились до сих пор: живя бок о бок в разных странах в течение столетий, обе общины принципиально друг от друга самоизолировались. Так было в Египте, Турции, Крыму, Литве, Польше. Интересно в связи с этим, что уже в наше время среди приверженцев политического сионизма появилась тенденция считать караимов специфической частью еврейского народа, имеющей право возвращения на историческую родину. Последнее нашло отражение в соответствующем законодательстве государства Израиль. Соображения политической целесообразности таким образом взяли верх над старой национально-религиозной враждой. Результатом стало переселение в

1950-е — 60-е гг. значительной части караимов Ближнего Востока в Израиль, где они тем не менее составили отдельную этнорелигиозную общину. Из Крыма и Литвы в последние годы в Израиль выехало около ста лиц караимского происхождения, главным образом из числа тех, кто давно уже утратил связь с караимской традицией.

В настоящее время наиболее многочисленной является этнорелигиозная общность арабоязычных караимов Ближнего Востока, составляющая, по разным источникам, около 20–25 тыс. человек. До середины 20 в. их духовно-религиозным и культурным центром был Каир, сейчас большая их часть проживает в Израиле (преимущественно в г. Ашдод). Небольшая группа караимов — около ста человек — живёт в Стамбуле. Это остатки когда-то многочисленной общины Византийской и Османской империй. Отдельные представители стамбульских караимов ещё сохраняют свой традиционный язык «йавантики» — своеобразный диалект греческого языка византийского времени. Около 1 тыс. караимов преимущественно ближневосточного происхождения проживает в США. Их духовным центром с единственной в стране кенасой (именуемой здесь синагогой) является г. Дэли-сити в штате Калифорния.

Наиболее ярко выраженные особенности имеют крымские караимы, выступающие не только как религиозная, но и высококонсолидированная этническая общность, представители которой считают себя самостоятельным тюркским народом.

Караимский язык относится к кыпчакской подгруппе тюркской группы алтайской языковой семьи. Выделяются диалекты: крымский, тракайский, галицко-луцкий. По мнению ряда исследователей, благодаря своей ранней изоляции от других тюркских языков, караимский в наибольшей мере сохранил архаичные формы: по своей лексике, фонетике и грамматической структуре он гораздо ближе к языкам древних тюрков — в частности, к языку орхоно-енисейских надписей — нежели к современным тюркским языкам. В старых караимских переводах Библии присутствует весьма древний лексический пласт, не сохранившийся в других языках тюркской группы.

Первые упоминания караимской общины Крыма в источниках относятся к 13 в. О происхождении крымских караимов единого мнения нет. Наиболее распространённой является хазарская теория, согласно которой караимская версия иудаизма получила распространение среди части тюркских племён, входивших в состав Хазарского каганата в

8–10 вв. После его распада из исповедовавших караимизм хазар Крыма сформировалась самостоятельная этнорелигиозная общность, а затем и отдельный народ, чьим этнонимом и сделалось наименование «караимы». Это, однако, не единственная версия. Выдвигаются предположения о том, что крымские караимы являются потомками древних евреев, переселившихся в Северное Причерноморье ещё в библейские времена и благодаря столь ранней изоляции от остального еврейства оказавшихся чуждыми Талмуду. Такой точки зрения придерживался, в частности, караимский учёный Авраам Фиркович, проводивший раскопки в Крыму в 1840-е — 60-е гг. В последнее время получила распространение византийская теория, по которой основу крымских караимов составили переселенцы из Византийской империи, осевшие в Крыму в 13 в. Таким образом, этногенез крымских караимов требует дальнейшего исследования.

Историческим гнездом крымских караимов считается пещерный город-крепость Чуфут-Кале (Джужфут-Кале) («еврейская скала»), проживали они также в окрестностях Бахчисарая, в Евпатории, Феодосии, Солхате (Старый Крым). В Крымском ханстве (15–18 вв.) караимы обладали общинной автономией и занимали весьма почётное положение: караимским родам Ага и Челеби был доверен ханский монетный двор. Караимы славились и как хорошие воины, не раз принимавшие участие в походах крымских ханов в польские и западнорусские земли. Примечателен в связи с этим такой факт. Гетман Богдан Хмельницкий, готовясь к войне с Речью Посполитой, в начале 1648 г. заключил союз с крымским ханом Ислам-Гиреем, оставив ему в заложники сына Тимоша. Почётного заложника предполагалось поселить в Чуфут-Кале, чему караимы, однако, воспротивились, заявив, что не смогут обеспечить безопасность гетманского сына, поскольку караимы с казаками «канлы» — кровники. В результате Тимош был поселен в армянском квартале<sup>4</sup>.

Высокие боевые качества воинов-караимов привлекли к ним внимание литовского князя Витовта (Витаутаса), который после своего похода в Крым увёл в Литву 383 караимские семьи. Поселенные в г. Троки (Тракай, Литва), они составили личную гвардию князя. Есть сведения об участии караимов в знаменитой Грюнвальдской битве в 1410 г. Так было положено начало литовской ветви крымских караимов, представители которой в начале 15 в. поселились в городах Луцке,

Галиче, близ Львова (Красный Остров), а позднее — в других городах Литвы, Польши, Украины (Подоллия и Волинь).

После присоединения к России Крыма (1783) и Литвы (1795) значительная часть крымских караимов — около 2,4 тыс. — оказалась в составе Российской империи. Если законодательства других стран, как правило, не делали различий между ортодоксальными евреями и караимами, то в России с самого начала ситуация была иной. В 1795 г. указом императрицы Екатерины II караимское вероисповедание в России признано официально, причём в отличие от евреев, на караимов, «как не придерживающихся талмудических заблуждений» не распространялись ни «черта оседлости», ни другие ограничения в выборе места жительства, рода занятий, поступления на государственную службу. Позже российские власти неоднократно возвращались к проблеме вероисповедного и гражданско-правового статуса караимов и решения всегда принимались в их пользу. Так, в заключении комиссии, учреждённой в 1826 г. по Высочайшему повелению при Втором отделении Собственной канцелярии для рассмотрения вопросов о правах караимов, говорится: *«Все доселе принятые в нашем законодательстве меры ограничений касались только евреев-раввинистов, но не караимов, которые, не входя в состав еврейского населения и не разделяя мнений и заблуждений евреев-талмудистов, исповедуют учение Ветхого Завета, и которых правительство всегда отличало от евреев по известным их правилам и трудолюбию и, при всяком вопросе, распространяются ли на них общие постановления о евреях, — постановляло решения отрицательные»*<sup>5</sup>. Сравнивая религиозные верования караимов и ортодоксальных евреев, Комиссия констатировала существование между ними *«основных догматических различий, сопровождающихся весьма резкими отличиями и в обрядах, и в образе жизни, и во всём устройстве их (караимов) общества. <...> В Талмуде проповедуется ненависть ко всем чуждым раввинизма, всюду виден дух гордости и слепой вражды к другим народам. Ничего подобного мы не находим в учении караимов. Избегнув влияния заблуждений Талмуда и вообще раввинистов, караимы не причастны к дикому их фанатизму; им не достаёт только счастья быть озарёнными светом христианства»*<sup>6</sup>. Выводы Комиссии были сформулированы в Уставе духовных дел иностранных исповеданий, вошедшем в Свод законов Российской империи (т. XI, кн. IV,

ст. 1): «Караимы, находясь под покровительством общих законов империи, пользуются всеми правами, предоставленными русским подданным, смотря по состоянию, к которому кто из них принадлежит»<sup>7</sup>. В 1837 г. для ведения духовных дел российских караимов в Евпатории было учреждено Таврическое караимское духовное правление во главе с гахамом, который назначался императорским указом по представлению Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. В 1863 г. духовные дела караимов западных губерний переданы самостоятельному Трокскому караимскому духовному правлению (начало действовать с 1869 г.).

Положение караимов в Российской империи было весьма почётным. Их представители встречались в числе сенаторов, гвардейских офицеров, общественных деятелей, интеллигенции. К концу 19 в. жители оставили пещерный город Чуфут-Кале, и центром караимской жизни и культуры становится Евпатория, где располагались Духовное правление и резиденция гахама, караимское Александровское духовное училище, национальная караимская библиотека, типография (первая типография на территории Крыма была создана караимами в Чуфут-Кале ещё в 1731 г.). В начале 20 в. пост городского головы Евпатории занимал С. Дуван — потомок знатного караимского рода Узун, известного ещё со времен Крымского ханства. В доме С. Дувана неоднократно гостил император Николай II с наследником Алексеем. Во время пребывания в Крыму царь нередко посещал также Большую кенасу в Евпатории, был в дружеских отношениях с последним крымским гахамом С. Шапшалом.

Весьма заметной была роль караимов в экономической жизни. Они всегда были известны как умелые садоводы и огородники. В Крыму специализировались на выращивании яблок и винограда, положили начало крымскому табаководству, а в Литве занимались выращиванием знаменитых тракайских огурцов и их засолкой по специальной технологии. Уже в советское время на базе караимских хозяйств здесь был создан овощеводческий колхоз. Особая расположенность караимов к земледелию — ещё одно важное отличие их от евреев, чья экономическая активность в основном сосредоточивалась в коммерции. Даже городские караимы стремились иметь участок земли с садом или виноградником.

Всего согласно первой Всероссийской переписи населения 1897 г. в Российской империи проживало 14 тыс. лиц караимского вероиспове-

дания. На рубеже 19–20 вв. в стране существовало около 40 караимских общин, действовало более 20 кенас, многие из которых были возведены известными архитекторами. Так, изящное здание кенасы в мавританском стиле построено в 1900–02 гг. в Киеве видным архитектором В. Городецким. Её появление в центре города свидетельствовало о довольно сильном влиянии караимской общины.

События революции 1917 г. и последующей гражданской войны прервали поступательное развитие караимской общинной жизни и культуры. Большинство представителей караимской элиты в силу своего традиционного консерватизма и лояльности самодержавию оказалось на стороне противников советской власти, подверглось репрессиям, многие эмигрировали. Устоявшиеся традиции были подорваны. В 1920-е гг., правда, наблюдался кратковременный подъём общественной и культурной жизни караимов, связанный с деятельностью созданного в 1924 г. Крымского объединения караимских общин (КрымОКО), но и он прекратился к началу 1930-х гг., когда все караимские общественные объединения и культурные учреждения были ликвидированы. Определённый расцвет караимской культуры в межвоенный период можно было видеть в Польше и Литве, где осели многие караимы-эмигранты, однако он был прерван с началом Второй мировой войны. В период гитлеровской оккупации Крыма караимы в отличие от евреев-крымчаков избежали геноцида, поскольку нацистские «эксперты по еврейскому вопросу» не признали их евреями. Оккупационные власти в 1942 г. даже разрешили возобновить богослужения в Малой кенасе в Евпатории. Однако после освобождения Крыма многие караимы подверглись депортации вместе с крымскими татарами. Была практически полностью ликвидирована религиозная жизнь караимов. После закрытия в 1959 г. Малой кенасы в Евпатории во всём СССР оставалась лишь одна номинально действующая кенаса в Тракае (Литва).

Следствием упадка национально-культурной и духовной жизни стало резкое сокращение численности караимского народа. Так, если перепись населения 1926 г. учла на территории СССР 8,3 тыс. караимов, то по переписи 1959 г. их насчитывалось уже 5,8 тыс., 1979 г. — 3,4 тыс., 1989 г. — 2,4 тыс., из которых около 1,2 тыс. проживало в Крыму, до 300 чел. — в Литве. На территории Российской Федерации, согласно последней советской переписи 1989 г., жило 680 караимов, а в 2002 г. их было уже менее 400. Тем не менее малочисленный кара-

имский народ не склонен разделить участь этносов, навсегда исчезнувших с лица земли. У караимов Крыма, Украины, России, Литвы, включая и ассимилированных выходцев из караимских семей, всегда существовало стремление к национальной консолидации, сохранению культурных традиций, языка, возрождению религиозной жизни. Последнее особенно ярко проявилось на примере небольшой караимской общины Москвы, представители которой стояли у истоков многих начинаний, связанных с национальным возрождением караимов.

Первые караимы появились в Москве в 1850-е гг., когда прибывший в столицу харьковский фабрикант С. Габай основал здесь табачную фабрику. В 1880-е гг. в Москве была открыта кенаса, располагавшаяся по адресу: ул. Большая Никитская, 19. За Дорогомиловской заставой возникло караимское кладбище. В 1906 г. московский табачный фабрикант А. Катыка учредил «Общество вспомоществования бедным караимам». В 1911–12 гг. в Москве издавался на русском языке журнал «Караимская жизнь». В послереволюционный период все караимские организации столицы были закрыты. Их попытались возродить в 1923–25 гг., когда караимские активисты хотели зарегистрировать Московскую караимскую общину и Московское караимское культурно-просветительное общество, на что власти ответили отказом. Однако караимскую общинную жизнь в столице удалось сохранить благодаря родственным связям и старым семейным знакомствам. Центром московских караимов становится дом последнего московского караимского «эрби» (учителя) С. Ельяшевича, умершего в 1940 г. В 1948 г. здесь состоялась неофициальная встреча караимского актива столицы с посетившими Москву последним гахамом С. Шапшалом и газаном тракайской кенасы С. Фирковичем. Первая официальная встреча московских караимов, собравшая до 250 человек, прошла в 1956 г. в Институте языкознания Академии наук СССР. С 1970 г. на квартире дочери С. Ельяшевича Т.С. Бабаджан-Ельяшевич стала собираться инициативная группа из двадцати человек. Эти встречи, продолжавшиеся до 1989 г., и положили начало возрождению караимского национального и культурного самосознания. Одной из наиболее заметных акций этой группы стали обращения, направленные в ЦК КПСС в 1984 и 1986 гг., с просьбой принятия мер к прекращению публикаций в печати, причисляющих караимов к еврейскому народу. Члены этой группы — Т. Бабаджан-Ельяшевич, И. Бабаджан, С. Кушуль, Г. Капон, С. Ша-

ман, А. Фуки и др. — стояли у истоков создания Культурно-просветительской ассоциации караимов «ИЛК», которая и была учреждена на караимском собрании в Советском Фонде культуры 31 июля 1989 г. Следует отметить, что создание Ассоциации караимов было весьма своевременным: в начале 1990-х гг. её активисты предотвратили передачу караимской книжной коллекции из фонда Библиотеки им. В.И. Ленина хасидам. Последние заявили права на караимские книги в числе иудейских религиозных книг, якобы принадлежавших Любавическому ребе И. Шнеерсону<sup>8</sup>.

В настоящее время, несмотря на многочисленные трудности, вызванные уходом из жизни представителей старшего поколения и недостатком финансовых средств, развитие караимского национального движения продолжается. Так, 26 марта 2005 г. в конференц-зале гостиничного комплекса «Измайлово» в Москве прошла презентация Фонда содействия возрождению национальной культуры и общности караимов «ИЛК».

Носители возрождающейся живой караимской традиции в настоящее время предпринимая удачные попытки осмысления исторического пути караимского народа, его духовного и культурного наследия. Об этом свидетельствуют приведённые ниже тексты, авторами которых являются активные участники процесса караимского национального возрождения: Виктор Захарович Тирияки — руководитель Евпаторийской караимской религиозной общины, газзан евпаторийской кенасы; Галина Кобецкайте — общественный и политический деятель Литвы, доктор гуманитарных наук, доцент.



68

Циркуляръ П. А. Столыпина о караимахъ.

МИНИСТЕРСТВО  
ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

КОПИЯ

КВАРТАЛЕТЪ  
ДУХОВНЫХЪ ДѢЛЪ.5 Апреля 1910 г.  
№ 3027.Губернаторамъ, Градоначальникамъ,  
Начальникамъ Областей.

Циркулярно.

Вслѣдствіе заявленій Евпаторійскаго и Трокскаго Караимскихъ Гахамовъ о томъ, что мѣстными административными учреждениями примѣняются къ караимамъ ограниченія, установленныя въ законѣ для евреевъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ циркулярахъ отъ 5 Ноября 1881 г. и 8 Февраля 1893 г., за №№ 4965 и 700, предложило Губернаторамъ разъяснить подвѣдомственнымъ имъ учреждениямъ, что караимы, находясь подъ покровительствомъ общихъ законовъ Имперіи, пользуются всѣми правами, предоставленными русскимъ подданнымъ, смотря по состоянію, къ которому кто изъ нихъ принадлежитъ, и что ограничительныя постановленія относительно евреевъ не должны быть примѣняемы къ караимамъ.

Между тѣмъ изъ полученныхъ въ настоящее время въ Министерствѣ свѣдѣній видно, что, вопреки указаннымъ выше циркулярнымъ распоряженіямъ, продолжаютъ наблюдаться случаи стѣсненія караимовъ, къ которымъ примѣняются законоположенія о евреяхъ.

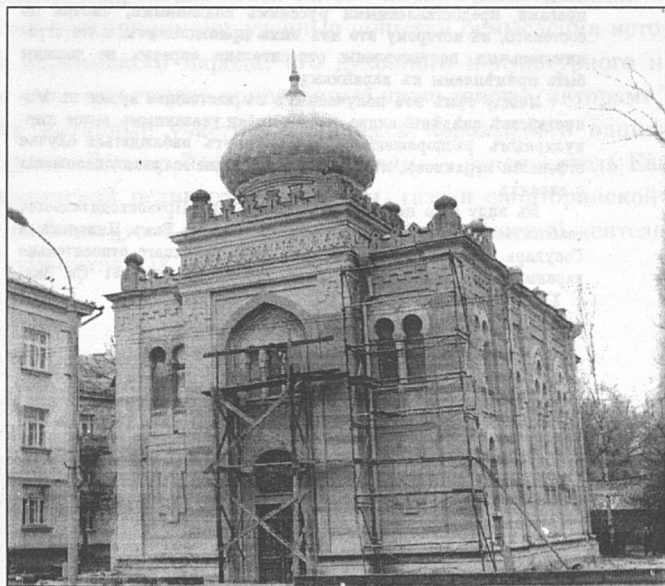
Въ виду сего покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство озаботиться разъясненіемъ подвѣдомственнымъ Вамъ, Милостивый Государь, Учрежденіямъ и лицамъ существующаго относительно караимовъ указація закона, изложеннаго въ ст. 1261 Св. Зак. т. XI, ч. I, изд. 1896 года.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ,

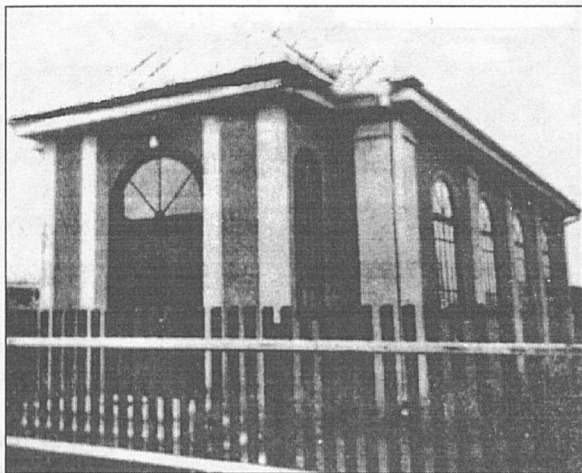
Статсъ-Секретарь (подписаль) *Столыпинъ.*Директоръ,  
въ должности Гофмейстера ВЫСОЧАЙШАГО Двора (скрѣпящій)  
*А. Харузинъ.*Вѣрно: Чиновникъ особыхъ порученій *Л. Потуловъ.*



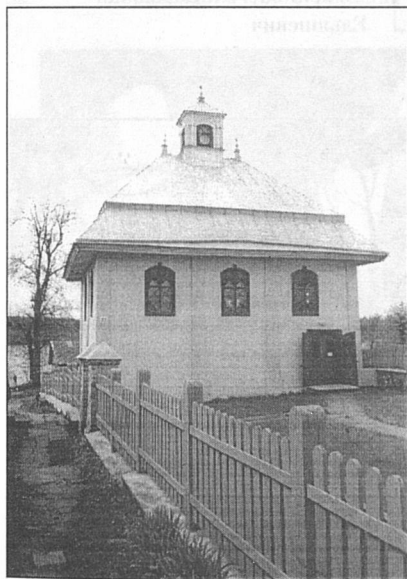
*Торжество закладки кенасы в г. Вильно 30 октября 1911 г.  
Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич*



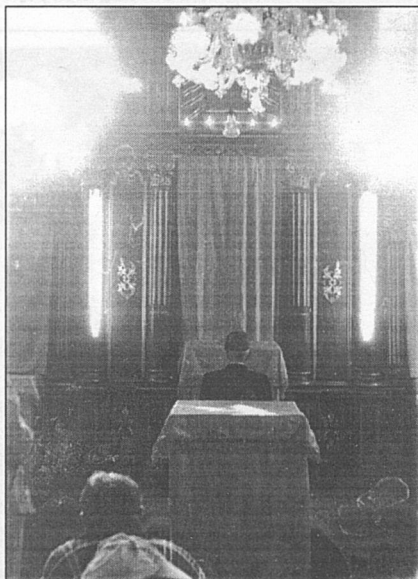
*Кенаса в г. Вильно. 1911–21 гг.  
Архитектор М. Прозоров.  
Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич*



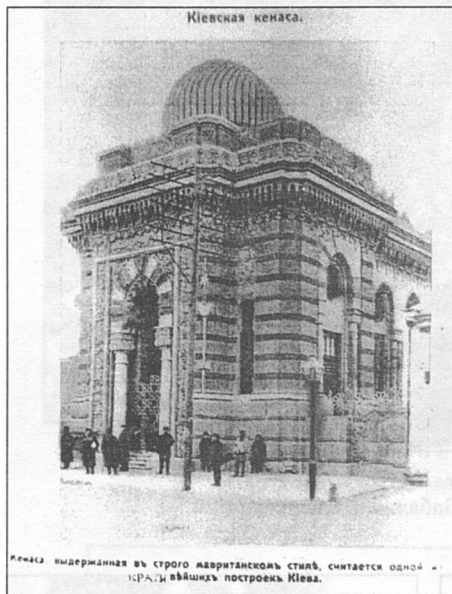
*Кенаса в г. Паневежис.*  
Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич



*Кенаса в г. Тракай.*  
*Общий вид. 2004 г.*  
Фотография А.Е. Грица



*Кенаса в г. Тракай.*  
*Гехал (алтарь). 1989 г.*  
Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич



*Кенаса в г. Киев, 1900 г.  
Арх. В. Городецкий.  
Текст под фотографией:  
«Кенаса, выдержанная  
в строго мавританском стиле,  
считается одной из красивейших  
построек Киева».*  
Из архива Т.С. Бабаджан-  
Ельяшевич



*Кенаса в г. Киев, 1900 г.  
Арх. В. Городецкий.  
Сегодня здесь размещается  
Дом актёра.*

Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич

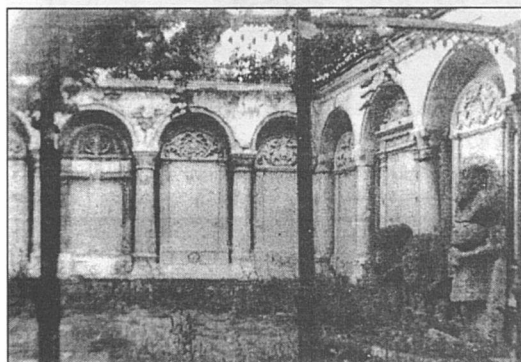
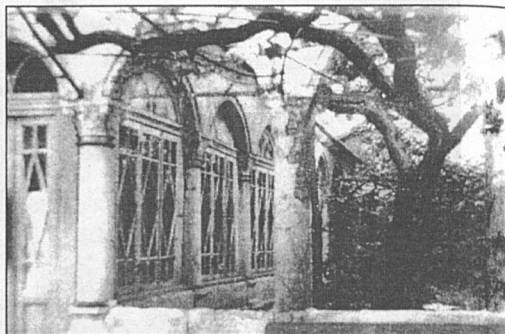


*Большая кенаса в г. Евпатория, 1806–07 гг.  
Главный вход. Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич*



*Малая кенаса в г. Евпатория. 2000 г.  
Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич*

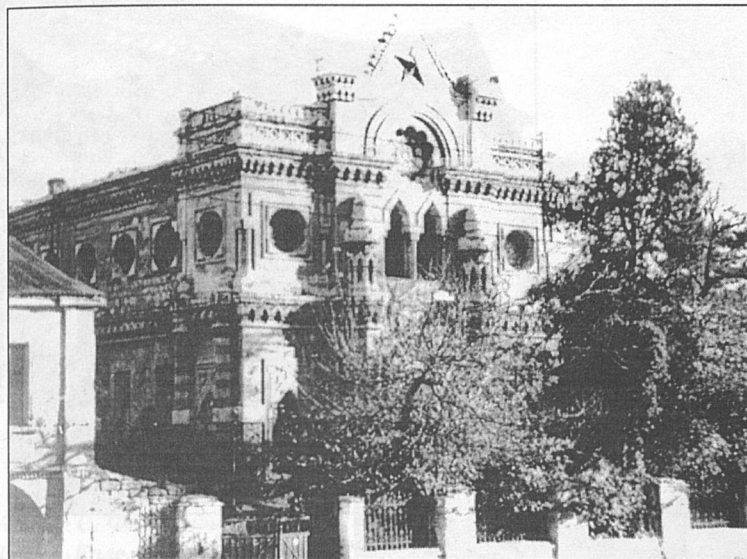
*Остеклённая аркада  
Большой кенасы разделяет  
дворик ожидания и сад.  
г. Евпатория. Из архива  
Т.С. Бабаджан-Ельяшевич*



*Дворик ожидания и сад  
Большой кенасы в  
г. Евпатория. Место  
сбора прихожан перед  
богослужением.  
Здесь же проводились  
общественные собрания.  
Из архива Т.С. Бабаджан-  
Ельяшевич*

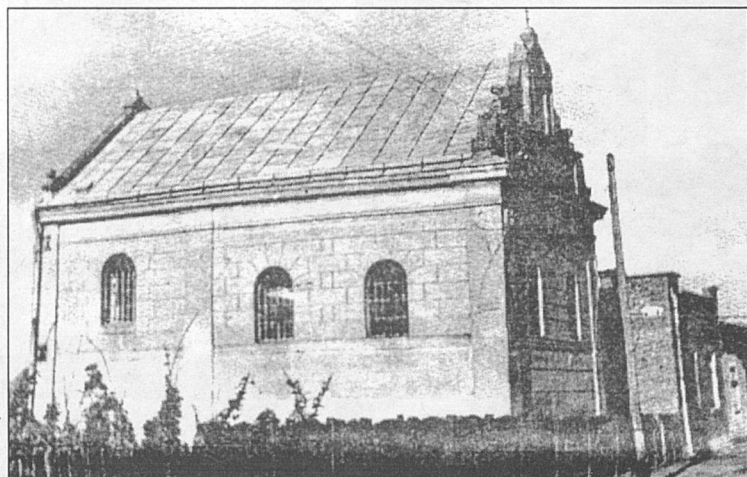
*Коридор-галерея Большой  
кенасы в г. Евпатория.  
Из архива Т.С. Бабаджан-  
Ельяшевич*





*Кенаса в г. Симферополь, 1891–96 гг.*

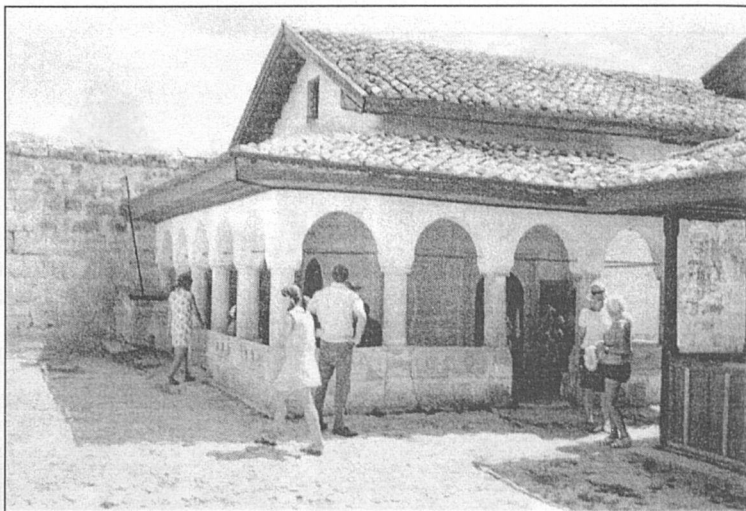
Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич



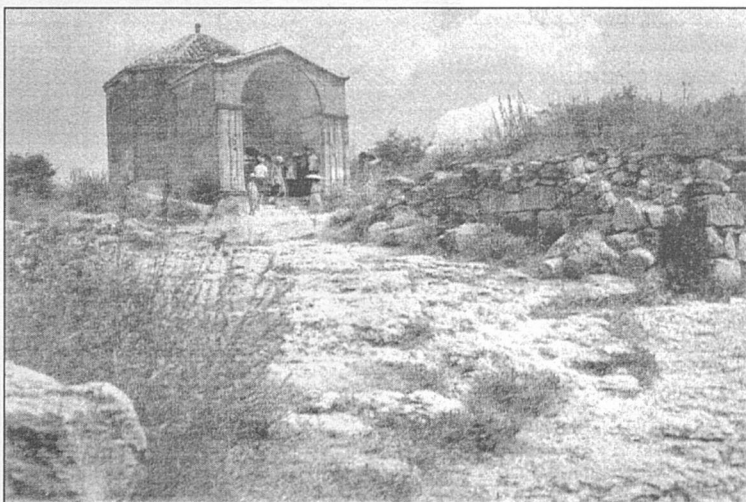
*Галицька кенаса (фото 30-х років ХХ ст.).*

*Кенаса в г. Галич (Україна).*

Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич



*Кенаса, 14 в., Чуфут-Кале. Старый город.  
Фотооткрытка Р. Папикьяна. 1973 г.  
Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич*



*Мавзолей Джанике-ханым, 15 в., Чуфут-Кале. Старый город.  
Фотооткрытка Р. Папикьяна. 1973 г.  
Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич*





Усадьба С. Фирковича.  
Чуфут-Кале. Старый город.  
Фонд «Проектные материалы»,  
Д. 12. Центр документации  
наследия РНИИ культурного  
и природного наследия  
им. Д.С. Лихачёва

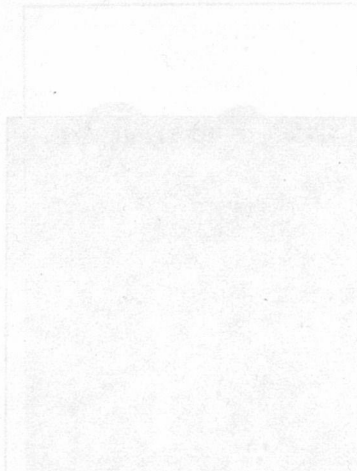




*Раскопки здания караимской школы 19 в.,  
Чуфут-Кале. Старый город. Сентябрь 1992 г.  
Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич*



*Ворота средней крепостной стены.  
Чуфут-Кале. Старый город.  
Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич*



*Гравёр-каменщик  
на кладбище в Чуфут-Кале.  
Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич*



*Кладбище в Чуфут-Кале.  
Фотография 1992 г.  
Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич*

**Въ „орлиномъ гнѣздѣ“ караимства.**



**Послѣдніе обитатели Чуфуть-Кале братья  
Пигить и смотритель древняго города.**

Фотография из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич



*Семья И.И. Казаса. В первом ряду И.И. Казас с внуками Ильёй, сыном Михаила Ильича (справа), и Ильёй, сыном Азария Ильича (слева). Во втором ряду (слева направо): Александра Александровна — жена Михаила Ильича, Борис Ильич, Ревекка Соломоновна — жена Азария Ильича, неизвестная женщина, Бюбюш Бераховна Казас — жена И.И. Казаса. Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич*

И.И. Казас (1833—1912) — первый караим, окончивший восточный факультет Санкт-Петербургского университета. Выдающийся караимский учёный, педагог, поэт, филолог, гебраист, переводчик, богослов, организатор Александровского караимского духовного училища в Евпатории. В течение 50 лет занимался педагогической деятельностью, автор многочисленных учебников для школ и учебных пособий для училища. И.И. Казас принимал активное участие во всех делах караимского народа. Был первым советником и сподвижником при гахаме С.М. Пампулове. Награждён орденами св. Владимира 1-й, 2-й и 3-й степеней. Ему присвоен чин действительного статского советника.

Б.И. Казас (1861—1922), сын И.И. Казаса — врач-универсал, гуманист, общественный деятель. Много лет был председателем Городской думы в Евпатории, председателем Евпаторийской ассоциации медиков. Поэт и писатель Илья Сельвинский в романе «О, юность моя» вспоминает о нём: «Казас один из тех легендарных врачей, которые не только лечат бедняков бесплатно, но ещё снабжают их лекарствами и деньгами». В Евпаторийском музее ему посвящён стенд, одна из улиц города носит его имя. Во время эпидемии сыпного тифа, работая до самозабвения, до полного истощения сил, Казас заразился и умер, оставив о себе память как об удивительном докторе и человеке с большой буквы.



*В среднем ряду сидят слева направо: И.И. Казас, неизвестная женщина, Бюбиш Бераховна Казас (урождённая Ампулова) — жена И.И. Казаса, Моисей Ильич Казас, брат И.И. Казаса. Фотография 1890-х гг.  
Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич*



*Эрби (законоучитель) С.С. Ельяшевич с семьёй. Москва. 1914 г.  
Из книги: Тюркские народы Крыма. Караимы. Крымские татары.  
Крымчаки / Отв. ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чижова. М., 2003*



*Газан Б.С. Ельяшевич — средний сын С.С. Ельяшевича. 1910-е гг.  
Из книги: Тюркские народы Крыма. Караимы. Крымские татары.  
Крымчаки / Отв. ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чижова. М., 2003*



*Посещение царской семьёй кенасы в г. Евпатория в сопровождении  
сахама С.М. Шапшала. На переднем плане слева — газзан Б.С. Ельяшевич,  
брат Т.С. Бабаджан-Ельяшевич.*

Из книги: Тюркские народы Крыма. Караимы. Крымские татары.  
Крымчаки / Отв. ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чижова. М., 2003



*Последний старший караимский газзан Б.С. Ельяшевич во дворе  
евпаторийской кенасы у памятника Александру I.*

Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич



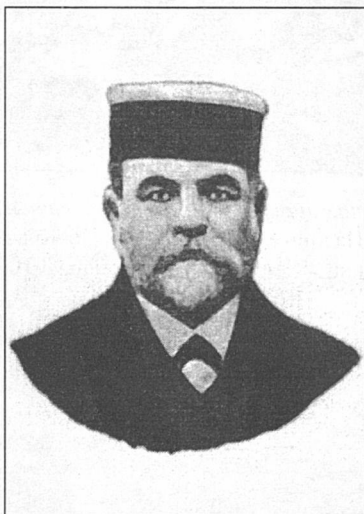


*Хор караимских мальчиков во главе со своим руководителем  
Б.С. Ельяшевичем. Из книги: Тюркские народы Крыма. Караимы. Крымские  
татары. Крымчаки / Отв. ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чижова. М., 2003*



*Пахам Самуил Пампулов (1831–1911).*

Из книги: Тюркские народы Крыма. Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Отв. ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чижова. М., 2003



*Газзи Московской кенасы М.С. Бейм (1860–1912).*

Из книги: Тюркские народы Крыма. Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Отв. ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чижова. М., 2003



*Последний газзан Московской кенасы А.И. Катыка.*  
Из книги: Тюркские народы Крыма. Караимы. Крымские татары.  
Крымчаки / Отв. ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чижова. М., 2003



*Газзан кенасы в Феодосии Баба Джан Бабай. Нач. 20 в.*  
Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич

**Члены семьи литовских караимов Юткевичей.  
Из этой семьи вышел известный советский  
кинорежиссёр Сергей Юткевич**

*Пристав Елиферий Юткевич  
(1874, Поневеж — 1952, Москва).*

*Барановичи (Белоруссия).*

Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич



*Анна Раецкая. 1915 г.*

Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич



*Урядник Моисей Юткевич.*

Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич

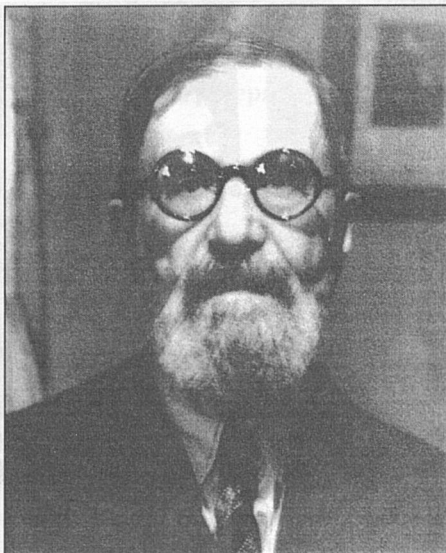




*Литовские караимы. г. Паневежис. 1938 г.  
Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич*



*Старший караимский газзан Литвы  
Симон Фиргович (1897–1982).  
Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич*



*Последний гахам крымских караимов  
Серая Маркович Шапшал во время посещения Москвы в 1948 г.  
Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич*



*Встреча гахама С.М. Шапшала и С.А. Фирковича с московскими  
караимами в семье Бабаджан-Ельяшевич (ул. Пречистенка, 12).  
Вторая слева в первом ряду — Т.С. Бабаджан.  
Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич*



*Купец первой гильдии из Евпатории Юфуда Гегелович и его жена  
в национальной караимской одежде во время паломничества в Иерусалим.  
Нач. 20 в. Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич*



*Внучка Юфуды Гегеловича И. Гегелович  
в национальном костюме. Евпатория. 1930-е гг.  
Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич*



*Танцующая караимская девушка (Вера Авах)  
в национальном костюме. Крым. 1930-е гг.  
Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич*





*Девушки-караймки Крыма. Май 1993 г.  
Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич*



*Караимы Крыма. Встреча в г. Бахчисарай. 1993 г.  
Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич*



*Первая встреча московских караимов в Фонде культуры в 1989 г.  
Слева направо: А.И. Фуки, С.Я. Шамаш, Я.И. Бараш и К.М. Мангуби.  
Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич*



*Представители караимской общественности Москвы  
у стен Вильнюсской кенасы. Четвёртый слева — Г.Я. Капон,  
один из инициаторов караимского возрождения.  
Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич*



*Московские караимы  
в галерее Большой кенасы в г. Евпатория летом 2005 г.  
В центре — Т.С. Бабаджан-Ельяшевич.  
Из архива Т.С. Бабаджан-Ельяшевич*

<sup>1</sup> Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. С. 163–164.

<sup>2</sup> Там же. С. 165.

<sup>3</sup> Цит. по: Полжанов А. И. Крымские караимы. Париж, 1995. С. 24.

<sup>4</sup> Там же. С. 94–96.

<sup>5</sup> Цит. по: Там же. С. 39–40.

<sup>6</sup> Цит. по: Там же. С. 80–81.

<sup>7</sup> Цит. по: Там же. С. 41–42.

<sup>8</sup> Общество караимов в Москве. Сборник материалов. М., 2006.

Г.С. КОБЕЦКАЙТЕ

## РЕЛИГИЯ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ В ЖИЗНИ ЛИТОВСКИХ И ПОЛЬСКИХ КАРАИМОВ

Караимы — немногочисленный тюркский народ, проживающий ныне на территории Литвы, Польши, России и Украины (преимущественно в Крыму). Их этническое тождество определяется в основном национальным самосознанием, языком, связанным с тюркским происхождением, историческим прошлым, религией, а также общим духовным и материальным наследием.

Караимский язык вместе с другими наиболее ему близкими языками западно-кыпчакской группы (карачаево-балкарским, кумыкским, крымско-татарским) относится к семье тюркских языков, которая в свою очередь входит в более крупную алтайскую семью. Среди древних тюркских языков самым близким к караимскому является половецкий.

На протяжении нескольких столетий носители караимского языка жили и доньше живут среди чужих — чаще всего не тюркских — народов, на небольших, удалённых друг от друга территориях. В силу такого обстоятельства этот язык не мог, как пишет доцент Вильнюсского университета Р. Венцкюте, сформироваться в общенациональную форму и существует в трёх исторически сложившихся диалектах — тракайском, крымском и галицко-луцком.

Современный караимский язык, несмотря на малочисленность его носителей и влияние других языков, хорошо сохранил специфические особенности своей грамматической структуры и многие слова, являющиеся исконно тюркскими, но утраченными другими тюркскими языками. Архаичность и относительную чистоту словарного состава во многом определило его существование в чуждой языковой среде. Не

соприкасаясь с другими тюркскими языками, которые под влиянием времени и исторических событий изменялись, караимский язык как бы застыл в своём развитии, что сделало его особенно ценным для сравнительных лингвистических исследований<sup>1</sup>.

Польский тюрколог Т. Ковальский, исследовавший язык в 1920-е гг., сравнил его с мунхой, застывшей в янтаре<sup>2</sup>, а директор Института турецкого языка в Анкаре А. Эрджилаусун, впервые услышав живую караимскую речь несколько лет назад, сказал, что он будто побывал в Турции 11 в. Это сравнение оказалось весьма удачным, так как, по мнению большинства учёных, караимский язык сформировался около 9–10 вв. на основе языков тюркских племён, населявших Хазарский каганат (хазары, кыпчаки-куманы, или половцы) и принявших караимскую веру, что и объединило их в народ, а название религии превратилось в этноним. Именно потомками этих племён являются этнические тюрки — караимы, некогда в основном проживавшие в причерноморских степях и Крыму. В их самосознании хазарское происхождение занимает очень важное место<sup>3</sup>.

В 13 в., как предполагают некоторые историки, часть караимов переселяется в Галицкое княжество, а в 1397 г., по преданию, Великий литовский князь Витаутас после войны с Золотой Ордой переселяет в Литву 380 семейств караимов и размещает их в своей тогдашней столице Тракае на улице, через которую вёл единственный путь к мосту на остров с княжеским замком и которая поныне называется Караимской. Таким образом князь обеспечил себе охрану. Эту функцию караимы выполняли вплоть до 16 в., когда замок в Тракае утратил своё стратегическое значение. Позже они также несли службу на северной границе Литвы, чем объясняется появление караимских общин в Биражае, Упите, Пасвалисе, Паневежисе.

Поселив караимов в Тракае, Витаутас за верную службу выделил им землю в вечное пользование (которое закончилось в 1947 г. с началом коллективизации). С момента переселения части караимов из Крыма в Литву их история становится неотъемлемой частью истории Великого княжества Литовского, а их юридический статус зафиксирован и упорядочен выданными им многочисленными привилегиями. Объединение Великого княжества Литовского с Польшей юридического положения караимов не изменило.

В 1441 г. привилегией короля Казимира тракайская караимская община (джимат) получила Магдебургское право наравне с городами

Вильнюс, Каунас и Тракай. Этим документом община, занимавшая в то время отдельную часть города, была удостоена права на самоуправление. Ею стал управлять избравшийся из своей среды войт, имевший всю исполнительную и судебную власть и подчиняющийся только королю. В письмах в Константинополь в 1483–86 гг. караимы писали, что их в Тракае не притесняют и они свободны исповедовать свою религию. Последующие монархи подтверждали это положение специальными грамотами и привилегиями. Караимам позволили построить свой храм, а специальной грамотой короля Александра в 1495 г. им разрешили нанимать для подсобных работ христианское население. Таким образом была документирована и узаконена самостоятельность караимской общины в Тракае.

Владея общинной землёй, работая на таможах, имея право на часть податей, тракайские караимы не замыкались лишь в своей среде, о чём свидетельствуют факты их службы на высоких постах в армии, при дворах вельмож, в канцеляриях и т.п. К сожалению, мы не располагаем сведениями о быте литовских караимов в то время, но на основании сохранившихся литературных источников можем предполагать, что они строго придерживались традиционно сложившихся моральных принципов и учили этому молодёжь. В этом отношении показательным правоучительное стихотворение поэта и богослова Соломона Троки (1650–1735?) «Эй, эй, девица», в котором он наставляет караимскую девушку: встав с постели рано, привести себя в порядок, прочесть хвалу Богу, чтобы заслужить уважение к себе; на вечеринках сидеть рядом с девицами, танцевать легко, ходить маленькими шагами, не торчать в окошке, от работы не уваливать, так как хвалить будут за дела; улыбаться, следить за чистотой и опрятностью одежды. Если эти правила будут соблюдены, то девушка, посмотрев на себя в зеркало, увидит отражение приятного лица<sup>1</sup>. Воспоминания некоторых путешественников свидетельствуют, что в быту караимы не отличались от коренных жителей, вели себя скромно и не были склонны к коммерции и жульничеству.

Число караимов в Литве никогда не превышало нескольких тысяч. С местным населением на протяжении веков они жили дружно, не забывая, однако, родного языка, исповедуя свою религию и не испытывая для своей самобытности никакой угрозы. Этот факт объясняется толерантностью государства и общества к различным религиям и куль-

турам, которых на территории тогдашнего литовского государства было довольно много. Ещё в 1323 г. Великий князь Гедиминас обратился к еврейцам, приглашая в Вильно всех желающих ремесленников и торговцев. А князь Витаутас в 1397 г. вместе с караимами привёл из Крыма и татарских воинов, которые тоже были расселены в окрестностях Тракая и привезли в Литву свою религию — ислам.

Основой караимской религии служит Священное Писание — Ветхий Завет, то есть Пятикнижие, пророческие книги и жизнеописания святых (агиографы). Одной из важнейших составных частей караимской веры является Декалог, или Десять заповедей. Караимизм не признаёт никаких интерпретаций Священного Писания, как в нём и сказано: *«Не прибавляйте к тому, что я заповедаю вам, и не убавляйте от того»* (Втор., 4:2).

Первые носители караимской религии отличались большой простотой и даже аскетизмом. Основы религиозной доктрины совпадают с принципами, которые признавались ессеями ещё в I в. и которые формировались в дохристианскую и раннехристианскую эпохи на территории Месопотамии.

Как самостоятельная религия со своими догматами караимизм сложился в 8 в. во время правления аббасидского халифа Абу Джаффара аль-Мансура на территории современного Ирака. Религия эта возникла как протест против искажений Священного Писания в письменных и устных толкованиях и комментариях. Её основателем, создателем законов и правил считается Анан бен Давид ха-Наси, живший в середине 8 в. и умерший в 775 г., который, как позже и евангелические христиане, утверждал, что комментарии унизили значение учения Божьего. Как пишет в своей статье «Основы караимской религии» польский тюрколог-караим А. Дубинский (1924–2002), *«основной догмой Анана и его приверженцев была неизменность законов, записанных в Ветхом Завете и не нуждающихся в каких-либо дополнениях»*<sup>5</sup>. Из этого следовала необходимость тщательного и углублённого изучения текста Библии, что отразилось и в самом названии новой религии. Корень «кара» в семитских языках означает читать (то есть самому читать Священное Писание, а не его толкование). Название Корана имеет такое же происхождение.

Наставления Анана собраны в составленной им книге «Свод узаконений». Он проповедовал принцип самостоятельного изучения Свя-

щенного Писания, вдумчивого отношения к прочитанному, призывал не повиноваться слепо мнению других и подвергать сомнению даже суждения его самого, полагаясь на собственную интерпретацию прочитанного. Каждый человек ответственен непосредственно перед Богом, он не нуждается в посредниках. Как утверждает А. Дубинский, этот принцип свободной критики и полноправности собственного разума заимствован у философского направления мусульманских мутазилитов, что не должно вызывать удивления, так как караимизм развивался на территории, где господствовал ислам, и новая религия, естественно, испытывала его сильное влияние<sup>6</sup>.

Принцип совершенно самостоятельной интерпретации каждым верующим текста Библии, как замечает крупнейший польский востоковед, караим по национальности А. Зайончковский (1903–70), соответствует такому же принципу, существующему в протестантизме<sup>7</sup>.

В позднем средневековье караимскими богословами были выработаны «Десять догм вероучения», которые обязан знать каждый верующий караим. Они заключаются в следующем:

1. Верую и признаю, что Господь Бог сотворил землю и небо, и всё, что на них есть, единым словом из ничего.

2. Верую и признаю, что Творец не имеет ни начала, ни конца. Он первый и Он последний, был, есть и будет.

3. Верую и признаю, что Всемогущий Бог не имеет себе подобного, что Он всегда один, и Он не есть тело и не имеет никаких телесных признаков.

4. Верую и признаю, что всё существующее создано единой волей Бога.

5. Верую и признаю, что Всевышний Бог через своего слугу Моисея ниспослал нам Святой Закон (Священное Писание), которое теперь находится у нас.

6. Верую и признаю, что каждый верующий обязан изучать Священное Писание, дабы понимать Его Закон.

7. Верую и признаю, что Господь удостоил откровением и всех других пророков, следующих за Моисеем, и предписал им проповедовать своим народам.

8. Верую и признаю, что мёртвые воскреснут, когда будет для этого воля Всевышнего Творца.

9. Верую и признаю, что Всевышний Бог рассудит всех справедливо и воздаст каждому по его заслугам.



10. Верую и признаю, что явится Мессия и воцарится царство небесное.

Из этих догматов вероучения видно, что караимизм признаёт бессмертность души и то, что она способна существовать отдельно от тела. Также признаются судный день и появление Мессии, когда мир будет избавлен от страданий. На основании седьмого закона Христос и Мухаммед признаются караимской религией пророками соответственно в христианской и мусульманской религиях.

Интересное замечание по оригинальности караимизма делает литовский историк религий Г. Берсепявичюс. Он пишет, что *«караимизм — единственная монотеистическая религия, чья теология является столь терпимой — мол, каждый, самостоятельно изучающий Библию, может прийти к самостоятельному умозаключению, не обращая внимания на мнение другого по этому же поводу, так как главный принцип караимизма заключается в самостоятельном кропотливом изучении текста и в том, чтобы не следовать слепо чужому мнению»*<sup>8</sup>.

Основным этическим правилом последователей караимского вероисповедания является неукоснительное следование Декалогу, или Десяти заповедям Божьим. Каждый верующий обязан: не признавать и не сотворять себе кумиров, не упоминать имя Бога всуе, чтить мать и отца, не убивать, не воровать, не лжесвидетельствовать перед ближним, не желать жены, дома и имущества ближнего своего. Десять заповедей Божьих не являются спецификой караимизма. Наоборот, их наличие свидетельствует, что эта религия признаёт общечеловеческие ценности и учит своих приверженцев гуманности, любви к ближнему и почтительному отношению ко всем людям. С этой точки зрения она не отличается от других монотеистических религий.

Караимизм зародился в Месопотамии, но вскоре сам Анан переместил его центр в Иерусалим, где выстроили первый караимский храм — кенасу. Это было подземное сооружение, в него вело 20 ступенек вниз, что предположительно символизировало положение преследуемой религии. Из Иерусалима с помощью миссионеров караимизм в 8–10 вв. распространился довольно широко, достигнув стран северной Африки, Крыма, Византии, Сирии.

В причерноморских и прикаспийских степях, где жили полукочевые тюркские племена хазаров, печенегов, куманов (половцев), в то

время господствовал Хазарский каганат, правитель которого Булан под влиянием миссионеров принял караимизм. Известно, что каганат отличался большой веротерпимостью, определяемой учёными как «рах chazarica» (хазарское примирение, или хазарский мир).

В результате военных нападений Киевского князя Святослава существование Хазарского каганата прекратилось в середине 10 в. Как отмечает А. Дубинский, после распада каганата деятельность миссионеров *«становится менее оживлённой. Позднее средневековые значатся тем, что постепенно религиозные центры караимизма начинают концентрироваться в странах Восточной Европы. На первых порах это был Крым, а потом (с 14 в.) образуются общины в пределах Литвы и Польши»*<sup>9</sup>.

Конечно, изменившаяся география проживания и национально-этническое окружение влекли за собой влияние местных традиций, свойственных данному региону, хотя общие религиозные нормы и обряды в принципе оставались неизменными.

Важным элементом караимской религии является соблюдение праздников, установленных Библией. Караимский календарь лунного цикла состоит из 354 дней 8 часов и 48 минут. Чтобы исчисление времени не отличалось от солнечного календаря, караимский календарь имеет 19-летний цикл, в котором 12 нормальных и девять високосных лет с дополнительным тринадцатым месяцем. Месяц включает 29 или 30 дней<sup>10</sup>. Караимы отмечают как праздничные первый день новолуния Янги-ай, субботу, годовые праздники и посты.

Караимский Новый год (Йил Баши) отмечается первого числа первого месяца весны (Артарых-ай). В этот день проводится молебен в кенасе и праздничный обед дома. Первый праздник церковного года Тымбыл хьджы (пасха) начинается в 15-й день месяца Артарых-ай и длится семь дней. С воскресенья, которое выпадает на эти дни, начинается Сан баши — пятидесятидневный период до праздника Афталар Хьджы (Пятидесятницы), всегда приходящегося на воскресенье.

На пасхальном столе обычно должен быть специально выпеченный тымбыл (круглой формы печенье), употребляемый во время пасхи вместо хлеба, печёное мясо — шашлык, печёные яйца, пряности, зелень, компот из сухофруктов, грецкие орехи, мёд. Тымбыл выпекается дома из крутого теста, в состав которого входит кроме муки масло, молоко или сливки, или — в другом варианте — яйца. Во время праздника

существует обычай пробовать тымбыл по возможности в большем количестве домов, так как у каждой хозяйки, несмотря на одинаковый рецепт, продукт получается разный. На праздник Афталар Хыджы полагается испечь дрожжевой пирог с творогом катлама (семирядка), так как четыре слоя теста чередуются с тремя слоями творога. Семь слоёв символизируют семь недель после пасхи.

Осенью отмечается третий по значению торжественный праздник, совпадающий с днями урожая, Алачых хыджы (Праздник шатров). Он начинается 15-го числа седьмого месяца Айрыхсы-ай и продолжается восемь дней (обычно в конце сентября — начале октября). Во время этого праздника читают определённые отрывки Пятикнижия, предназначенные на каждую неделю.

На первое число этого же седьмого месяца выпадает радостный праздник Быргы кюню (День Труб), от которого начинается десятидневный цикл замаливания грехов и покаяния. После этого периода наступает День покаяния и всепрощения — Бошатлых кюню. В этот день в кенасе все верующие совместно умоляют Всевышнего об отпущении грехов. Исповедь в караимизме носит групповой характер, когда все молящиеся обращаются непосредственно к Богу без посредника, так как, согласно доктрине караимизма, никто, даже верховный священник, не имеет полномочий отпускать грехи или судить. С утра до сумерек или до окончания службы в этот день следует поститься, дабы просьба о покаянии была услышана Богом. После молитвы принято желать друг другу: «Оручуюз кабул болхэй» — дабы ваш пост был принят. Накануне Бошатлых кюню принято также просить прощения у членов семьи и близких родственников. День покаяния, или День всепрощения, таким образом, становится всеобщим днём очищения и несёт в себе морально-этическое начало.

Важное значение в караимских культовых обрядах имеют оручлар — посты. Караимы придерживаются в течение года нескольких постов. Первый из них — Бурунху оруч — начинается в начале четвёртого месяца Яз-ай (конец июня — начало июля). Одновременно с наступлением Первого поста начинается Печальный, или Траурный месяц, во время которого не устраиваются торжества, свадьбы, следует воздерживаться от веселья. Весь этот месяц носит символическое название Авуз ябар (Закрытый рот). Завершающая декада этого месяца — Он кюнь-ара — и особенно три последних дня — Йуч кюнь-

ара — наиболее строгие. Тогда не положено есть мясные блюда, петь и танцевать. Когда-то требовалось воздержаться от курения и любых других удовольствий. Заканчивается месяц печали весёлым праздником Курбан, который был перенят из исламской традиции. В этот день нужно поститься до окончания молебна, затем дома устраивается праздничный обед. А после обеда молодёжь обычно отмечает окончание печали весёлой вечеринкой.

Праздник Курбан знаменует собой начало периода Авуз ачар (Открытие рта), когда опять можно веселиться. Ещё в недалёком прошлом в день Курбана после богослужения в жертву приносился ягнёнок, и его мясо раздавалось неимущим. В настоящее время жертвоприношения не совершаются, но во имя сохранения традиции неимущим и наиболее нуждающимся семьям общины вручаются подарки или денежные пособия.

Одновременно Первый пост (Авуз ябар) — день поминания усопших. По окончании службы весь джимат отправляется на кладбище, где сперва посещаются могилы погибших от чумы в 1710 г. Священник читает молитву и исполняет Сыйит йыры (элегия, песня-плач), написанную специально для такого случая Соломоном Троки в 1714 г. После этого ритуала, свидетельствующего не только о памяти, но и о ответственности поколений, их непрерывности во времени, все посещают могилы своих близких и молятся за упокой их душ, читая каждому усопшему Сагынч — молитву-помяновение.

Наличие религии и её живучесть безусловно связаны с определённым порядком богослужения, то есть с литургией. После сооружения первой караимской кенасы возник вопрос о времени и порядке богослужения. Было установлено, что служба в храме ведётся ежедневно два раза — утром с восходом солнца совершается Тан была колтхасы (Утренняя молитва), а вечером после захода — Ингир колтхасы (Вечерняя молитва). В субботу и в день новолуния к обычной утренней молитве прибавляются дополнительные. Молящиеся обращены лицом к югу, в храме на этом месте установлен алтарь. Кроме посещения службы в храме можно молиться и индивидуально, так как самое главное — усердие и искренность, а не длительность молитвы и количество высказанных слов.

Во время богослужения в храме обычно читаются отрывки из Священного Писания, Псалтыря и гимны, созданные караимскими бого-

словами или священниками. Служба состоит из похвальной, благодарственной, покаянной и умоляющей молитв. Порядок богослужения был установлен в 13 в., а наиболее полный свод правил или, вернее, кодексе религиозных, богослужебных, гражданских и уголовных постановлений, имеющих силу закона, составлен известным богословом Ильёй Башиячи, жившим в 15 в. в Константинополе. Его книга, напечатанная здесь в 1530 г., пользовалась большим успехом среди всех исповадовавших караимизм в разных странах и в разное время<sup>11</sup>, о чём свидетельствует её переиздание в 1834 г. в Евпатории и в 1870 г. в Одессе.

Требование самому познавать текст Священного Писания и заключающиеся в нём истины подразумевало понимание прочитанного, поэтому с древнейших времён в богослужении наряду с библейским древнееврейским караимами использовался и родной язык, относящийся, как говорилось выше, к западно-кыпчацкой группе тюркских языков и употреблявшийся в повседневной жизни.

Как писал составитель печатного молитвенника на караимском языке старший священник литовских караимов Миколаас Фирковичюс (1924—2000), *«объём употребления в литургии караимского языка никогда не устанавливался и не ограничивался, и всегда звучал в самые торжественные моменты службы»*<sup>12</sup>. Из поколения в поколение передавалась традиция чтения священных текстов на караимском языке по оригиналу, и в связи с этим разрабатывалась специальная техника чтения: имея перед глазами текст Священного Писания на древнееврейском, надо было вслух переводить на родной язык. Эта непростая процедура требовала специального обучения, к тому же сам текст оригинала не всегда понимался читающим — отдельные отрывки в переводе на караимский просто заучивались наизусть.

В печатных караимских молитвенниках, начиная с первого, изданного в Венеции в 1528 г., наряду с текстами на языке оригинала всегда можно найти и молитвы на караимском. В конце 17 в. профессор Упсальского университета Г. Перингер (1651—1710), совершивший научную экспедицию в Литву по специальному заданию короля Швеции Густава XI, первый среди западных учёных обратил внимание на этническое и языковое своеобразие караимов. В письме к другу, известному учёному И. Лудольфу, он пишет, что караимы переводят на свой родной турецкий язык Священное Писание, и приводит пример такого перевода<sup>13</sup>.

Поскольку караимский язык имеет три диалекта, то и переводы Библии делались отдельно — сначала среди крымских караимов, а позднее — среди литовских. Первый перевод Библии на караимский язык, как предполагают учёные, был выполнен в Крыму ещё в 11–12 вв. Там же в 1841 г. появилось и первое печатное издание свода переводов отдельных частей. Однако наиболее полный свод переводов сохранился в рукописях. В 1998–99 гг. на основании вышеупомянутых текстов и рукописей М. Фирковичюс составил и издал в Вильнюсе литургический молитвенник «Karaj Dinliljarnin Jalbarmach Jergialiari» на караимском языке в двух томах. Впервые для этих целей был применён латинский алфавит. Первый том этого уникального издания сегодня является основным молитвенником, предназначенным для повседневных и праздничных общественных богослужений (годового литургического круга) в кенесе, а второй — для использования во время совершения обрядов в общине. Во второй части книги собраны молитвы по важнейшим обрядовым действиям, связанным с рождением, браком, смертью и другими моментами человеческой жизни, а также даются описания порядка проведения обрядов и сохранившихся до сегодняшнего дня обычаев.

У караимов принято также читать молитвы и по отдельным случаям, например, перед дорогой, перед началом занятий в школе, перед едой, по случаю поминания или выздоровления и т.п. Такой молитвенник (Koltchalar) для ежедневного пользования был впервые издан старшим священником Симоном Фирковичем (1897–1982) в Вильнюсе в 1935 г., а в 1993 г. его дополненное издание было подготовлено М. Фирковичюсом (Karaj koltchalarу).

Поскольку караимам всегда приходилось жить совместно с людьми другого вероисповедания и других национальностей, неизбежно время от времени, в зависимости от изменяющихся исторических обстоятельств, возникал вопрос о статусе их религии. Пока Крым был самостоятельным государством под властью ханской династии Гиреев, у проживающих здесь караимов такой проблемы не возникало.

Такое же не вызывающее тревоги положение сохранялось до конца 18 в. и в Литве. В 1795 г. во время Третьего раздела Речи Посполитой земли, где жили караимы, оказались в составе Российской империи, куда несколькими годами ранее был включён и Крым. В 1795 г. Указом Екатерины II караимское вероисповедание получило официальный

статус, а в 1837 г. российские власти приняли «Положение о Таврическом караимском духовенстве», уравнившем в правах с мусульманскими священнослужителями. На основании этого документа создано «Таврическое и Одесское караимское духовное правление», куда по караимским законам избрали представителей общины. Следует отметить, что за отсутствием церковного сословия все духовные и общественные должности в караимских общинах являются выборными.

Литовские караимы с 1850 г. подчинялись вышеупомянутому Таврическому духовному правлению. В 1863 г. царский указ на основании ранее имевшихся прав приравнял караимов по сословиям к местным жителям. В этом же указе отмечалось, что предполагается создать ещё одно духовное правление для западных губерний России. Оно начало действовать в Тракае в 1869 г. Таким образом, этим документом была подтверждена иерархическая независимость караимства, которой оно пользовалось в Великом княжестве Литовском. Согласно указу, избираемый глава духовного правления караимов становился одновременно и духовным, и светским предводителем общины. Его заместителем и управляющим делами был старший священник. Такая структура духовного самоуправления сохранялась в Литве и Польше до 1940 г., хотя мирный и естественный ход событий был прерван Первой мировой войной.

В Вильносе с начала 20 в. царила особая атмосфера — все национальные группы одновременно начинают ратовать за сохранение и развитие национального самосознания. Эти веяния не могли не затронуть и караимов. Гордостью за свою национальную принадлежность проникнуто стихотворение-колыбельная «Спи, сынок», написанное основателем караимской светской поэзии Семёном Кобецким (1865–1933), впервые употребившим в литературе разговорный караимский язык и его тракайский диалект<sup>14</sup>. Убаюкивая сына, наставляя его быть честным, любить людей, мать выражает твёрдую уверенность в том, что непременно так и будет, поскольку её сын — караим:

Я верю, мой любимый сынок,  
Что буду тобой радоваться.  
Ты станешь сильным, когда вырастешь —  
Недаром ты сын караима\*.

\* Перевод автора статьи.

В межвоенные годы это стихотворение было положено на ноты и стало очень популярной колыбельной, на которой выросло не одно поколение караимов. Колыбельная исполняется и сегодня.

Несомненно под влиянием общего национального подъёма, особенно ощутимого в кругу местной интеллигенции, в Вильносе в 1913–14 гг. начинает печататься первое караимское периодическое издание «Караимское слово» (на русском языке). Уже в первом номере издатели заявили, что журнал появился в целях развития и укрепления национального самосознания. Хотя «Караимское слово» (вышло всего 12 номеров) издавалось в Вильносе, предназначалось оно для общины по всей Российской империи, которых в то время насчитывалось около тридцати. Здесь публиковались сообщения из жизни общин Киева, Галича, Симферополя, Евпатории, Вильноса, Тракая. Авторы журнала, хотя и не были профессионалами, но пытались исследовать историю своего народа, печатали воспоминания, выражали озабоченность, что среди молодёжи забываются язык и религия. Характерна статья Ксении Абкович «Мысли и заметки», где она пытается ответить на вопрос, что объединяет караимов в народ — религия или язык. По мнению автора, самое главное — это национальное самосознание.

Самая большая заслуга издателей и авторов «Караимского слова» в том, что они чётко сформулировали проблему, которая впоследствии будет занимать просвещённые умы караимской общественности, — это забота о сохранении своего народа, его отличительных особенностей, в первую очередь языка и религии. Из этих побуждений в 1911 г. в Вильносе начинается возведение нового храма на Зверинце, в районе, где проживало наибольшее число караимов. Доход от издания «Караимского слова» тоже предназначался на храм. К сожалению, как издание журнала, так и строительство было прервано началом Первой мировой войны.

В годы войны все жившие в Литве и Польше караимы, как и большинство жителей этого региона, были вынуждены покинуть свои родные дома и эвакуироваться в глубь России. Одни уехали в Петербург и Псков, другие сначала в Москву, потом в Крым, Ростов, Харьков, Харбин и другие города. После окончания войны большинство из них в 1920 г. вернулось, как бы повторяя путь, пройденный предками в 14 в. из Крыма в Литву. Но людские потери всё же оказались немалыми: одни погибли на фронте, другие умерли во время эпидемий, третьи



остались на чужбине — женились, поступили на службу и т.д. Учитывая, что караимов в Литве и Польше никогда не было много, каждый потерянный человек — это ощутимая убыль и для семьи, и для общины. Кроме этого, после Первой мировой войны бывшие общины Западной России оказались в нескольких странах, разделённые государственными границами. Возникшие в 1918 г. Литовская и Польская Республики до 1939 г. не поддерживали дипломатических отношений, что затрудняло связь между общинами Тракая, Вильнюса, Галича, Луцка, оказавшихся в Польше, и Паневежиса, оставшегося в Литве. Обоим государствам приходилось тратить большие усилия на восстановление государственных и политических структур, разрушенного войной хозяйства, строить новые экономические отношения, поэтому условия жизни были нелёгкими. Однако духовная и общественная жизнь всех общин литовско-польских караимов после возвращения стала очень разносторонней и богатой.

На Караимской улице в Тракае, той самой, где полтысячелетия назад князь Витаутас впервые поселил караимов, звучала караимская речь, на которой говорили не только старики, но и дети, действовала караимская школа, где преподавался язык и основы религии; община имела своё руководство, пользовавшееся авторитетом как среди её членов, так и у властей государства. В тракайской и вильнюсской (открыта в 1923 г.) кенасах соблюдались все правила богослужения (в основном на караимском языке), во время которого всегда было многолюдно. Большинство верующих понимало смысл происходящего и осознанно в нём участвовало (например, повторяло отдельные молитвы или их части), полностью соблюдались обряды и обычаи, связанные с рождением ребёнка, бракосочетанием, похоронами. Культивировалось выращивание традиционной огородной культуры — огурцов, которыми караимы издавна славились. Многим семьям это давало основные доходы. Обрабатывались караимские поля, подаренные некогда князем Витаутасом и всё время бывшие общинной собственностью, осенью устраивались праздники урожая Орах тою, когда сплетённый из колосьев веночек приносили в кенасу, где он освящался и висел в главном нефе до следующего урожая (кстати, последний такой веночек с 1938 г. до сих пор висит в кенасе). Имелась своя периодическая печать; в Вильнюсе выходил профессиональный научно-исторический журнал на польском языке «Mysl Karaimska» («Караимская мысль»). На караимском языке

в Тракае издавался молодёжный журнал «Dostu Karajny» («Друг караима»), в Паневежисе — «Opatmach» («Прогресс»), в Луцке — «Karaj awazy» («Голос караима»). Действовали женская и молодёжная организации. Словом, это была действительно полнокровная жизнь общины, официальное признание которой выражено принятым в 1936 г. в Сейме Польши уставом «О караимском религиозном объединении». Этот документ регулировал внутреннее устройство общины и её отношения с государством. В это же время был принят аналогичный устав о мусульманской религиозной общине. Характерно, что вручение этих документов происходило одновременно на торжественном собрании караимской и татарской общественности с участием их религиозных руководителей.

Расцвет караимской культуры в межвоенное время связан, несомненно, с двумя незаурядными, выдающимися личностями, жившими и работавшими в Вильносе и Тракае, — верховными духовными руководителями общины Сераей Шапшалом и Симоном Фирковичем.

Как уже говорилось, жизнь караимского джимата можно расчленить на религиозную и светскую лишь теоретически. В действительности же две эти части всегда были неразрывно связаны, переплетались и существовали как одно целое. Существование религиозной общины издавна воспринималось как гарант сохранения национальной культуры. Такая функция религиозной общины сознавалась и раньше, о чём свидетельствуют старания караимов в разное время формализовать свои отношения с государством.

Поэтому после возвращения из эвакуации в 1920 г. первым делом пришлось восстанавливать общинную жизнь. Для её организации требовался священник. Им и был избран совсем ещё юный Симон Фиркович. Его избранию способствовали не только несомненные и рано проявившиеся таланты, но и то, что, живя в Крыму, он посещал открывшееся в 1895 г. в Евпатории Александровское караимское духовное училище. Волей судьбы такое стечение обстоятельств оказалось для караимской общины весьма полезным. Фиркович был единственным караимским священником, имевшим соответствующее своему сану образование. Вместе с ним Евпаторийское училище посещал и представитель Паневежской общины Ш. Лопатто — одарённый поэт и многообещающий общественный деятель, жизнь которого, к сожалению, оборвалась очень рано.

С. Фиркович с первых дней очень активно включился в работу. Под его предводительством возобновились регулярные богослужения в тракайской кенасе, а также открылись государственная общобразовательная начальная школа для караимских детей и караимская религиозная школа. Позже, когда начальная школа была закрыта, он вёл уроки религии в обычной школе, которую посещали караимские дети, организовал караимский детский сад, занимался большой общественной деятельностью, вёл регистрационные книги рождения, браков и смерти — благодаря им и сегодня можно восстановить демографическую картину того времени.

Под руководством С. Фирковича в 1922 г. в Тракае избрано Временное духовное правление, которое несколько лет спустя инициировало всеобщее собрание представителей всех караимских джиматов Литвы и Польши, состоявшееся в Тракае в 1927 г. На этом собрании главой Караимского духовного правления и верховным духовным лицом был избран Хаджи Серая Хан Шапшала (1873—1961), во время Первой мировой войны (до 1918 г.) возглавлявший Таврическое духовное правление, а с 1920 г. живший в Стамбуле. Фиркович стал его заместителем.

Приезд Шапшала в Вильнюс в 1928 г. стал важной вехой в жизни литовско-польских караимов.

Невозможно уменьшить значение той огромной работы, которую караимское духовенство проделало для сохранения общины и её культуры как в межвоенное, так и послевоенное время. Серая Шапшала был не только духовным сановником, но и известным учёным-востоковедом. Поэтому круг его интересов не ограничивался лишь выполнением обязанностей верховного духовного лица. С другой стороны, наличие такой фигуры во главе общины ко многому обязывало и её членов.

Одним из основных желаний Шапшала было сделать Вильнюс центром тюркологии. Сам он преподавал восточные языки в Вильнюсском университете до 1940 г., когда был вынужден отказаться и от духовного сана, и от лекций. По инициативе Шапшала в 1938 г. в Тракае началось возведение здания караимского музея, куда планировалось перевести экспонаты, собранные им во время восточных экспедиций и хранившиеся в его частной квартире в Вильнюсе. Строительство музея, в котором принимали участие все караимы Тракаля, закончили в 1939 г., но его открытию помешало начало Второй мировой войны.

В этом же здании караимский этнографический музей был открыт лишь в 1967 г.

Караимское духовенство хорошо понимало значение и других компонентов для сохранения национальной культуры, в первую очередь языка.

Огромную роль в сохранении до наших дней караимского языка, несмотря на малочисленность его носителей, сыграла, конечно, религия, так как он всегда использовался в богослужении. Поэтому, заботясь о передаче религиозных знаний, С. Фиркович одновременно учил и родному языку. Один и тот же урок приобретал двойное значение и пользу. Желая укрепить знание языка, Фиркович сочинял для детей стихи, писал водевили, скетчи, комедии, в которых на сцене любительского театра участвовали и взрослые, и дети. В обучении языку и началам религии С. Фирковичу помогали и другие священники: Рафаил Абкович, Иосиф Кобецкий, Зенон Фиркович и др.

В поэзии С. Фирковича много места занимает тема любви к родной природе, к красотам Тракая и его историческому прошлому, чувство уважения к литовскому князю Витаутасу. Его поэтическое творчество зиждется на тех основных принципах караимской религии, о которых говорилось в начале статьи, — на признании всемогущества Творца и его милосердия. (См., например, стихотворение «Utrulašmach» («Встреча»), в котором описывается возвращение караимов из Крыма в 1920 г., и другие его произведения в книге «Šurčuchlej uėma Trochka»).

Немаловажную роль в активизации жизни караимов в межвоенное время играло и наличие весьма образованной и патриотически настроенной караимской интеллигенции. Благодаря её совместным с духовенством усилиям в Вильнюсе в 1932 г. появилось Общество любителей караимской истории и литературы.

Нашла своё продолжение и издательская деятельность — в 1924 г. в Вильнюсе по инициативе молодого начинающего тюрколога А. Зайончковского (1903–70) стал издаваться историко-литературный журнал «Mysl Karaimska» («Караимская мысль») на польском языке. В его редколлегию кроме караимов вошёл и известный польский тюрколог профессор Т. Ковальский, который серьёзно занимался изучением караимского языка и провёл в экспедиции в Тракае несколько лет. В 1929 г. в Кракове издана его книга на немецком языке «Karaimische Texte im Dialekt von Troki», где кроме описания языка было напечатано

много текстов, в том числе и отрывки переводов Библии. Публиковались тексты на караимском языке и в упомянутом журнале. В основном это было литературное творчество караимских поэтов.

На страницах журнала «Mysl Karaimska» впервые появились профессиональные исследования исторического прошлого караимов, их религии, культурного и литературного наследия, хранившегося в основном в домашних тетрадках или на отдельных пожелтевших листках. На протяжении веков караимы сочинили немало поэтических произведений — хвалебных гимнов, песней-плачей в память усопших, обрядовых песнопений, посвящённых конкретным событиям и приуроченных к праздникам, свадебных куплетов и т.п. В большинстве случаев это была любительская поэзия, но тем не менее каждый сочинитель внёс свою лепту в развитие национальной культуры.

С самого начала активными авторами «Mysl Karaimska» были С. Шаннал и С. Фиркович. Статьи, напечатанные в журнале, не утратили своего значения и сегодня и представляют собой большую ценность для исследователей самобытной караимской культуры.

Такой же полнокровной жизнью жила и немногочисленная караимская община (в то время 114 человек) в литовском городе Паневежисе. Власти Литвы уважительно относились к ней, выделили средства на ремонт кенасы, несколько раз общину навещали высокие государственные чиновники. Паневежские караимы организовали при кенасе библиотеку, часто устраивались любительские спектакли, действовал молодёжный кружок, по инициативе М. Тимфовича (в то время студента юридического факультета Каунасского университета) в 1937–39 гг. вышли в свет три номера журнала на караимском языке «Onaṣach» («Прогресс»), в котором кроме исследовательских статей печаталось и художественное творчество караимов.

Таким образом, в межвоенное время сохранялись все элементы национальной духовной культуры — религия, язык, национальное самосознание, традиции и обычаи предков.

Религия давала чувство причастности к своему народу, она как бы дополняла личность, усиливала её достоинство, служила стержнем национального самосознания. Но под влиянием характерного для Европы начала 20 в. национально-патриотического движения самосознание перестало замыкаться лишь на религии, и караимская община чувствовала себя носителем национальной, тюркской по своим корням культу-

ры. А наиболее просвещённая часть этой общины, в первую очередь верховные священники, ощущали особую ответственность за её сохранение.

Период полной гармонии и расцвета караимской культуры в Вильнюсе, Тракае, Галиче, Луцке и Паневежисе закончился в 1940 г. после вступления Красной Армии. Как уже отмечалось, верховный глава духовенства С. Шаншал вынужден был отказаться от своего сана, и на этом фактически прекратилась официальная деятельность Караимского духовного правления. Многие караимы погибли на фронтах Второй мировой войны, немало молодёжи эмигрировало на запад, в основном в Польшу и США.

После войны в польских городах Варшаве, Ополе, Гданьске и Вроцлаве образовались новые общины караимов, прибывших из Литвы и Украины. В Польше не было кенасы, но служба проводилась на дому (священник Р. Абкович (1900–92) эмигрировал в Польшу), и уже в 1947 г. по инициативе А. Зайончковского, в 1935 г. ставшего профессором Варшавского университета и имевшего полномочия Шашала на деятельность в Польше, было организовано Временное караимское духовное правление, которое вначале действовало на правах принятого польским Сеймом в 1936 г. устава. В 1974 г. польское Управление по делам религии приняло новый Статут Караимского религиозного общества, правомочный и сегодня.

Несмотря на формально легальное существование, польские караимские общины из-за своей разрозненности и малочисленности не устояли перед ассимиляцией, хотя именно в Польше велись научно-исследовательские работы профессиональных тюркологов, под руководством А. Зайончковского изучавших язык, религию и литературу караимов. Среди них кроме самого Зайончковского, с большим трудом сумевшего в 1947 и 1948 г. издать в Варшаве два последних номера журнала «Mysl Karaimska» и внесшего огромный вклад в исследование родной культуры, следует упомянуть его учеников В. Зайончковского, З. Абрагамовича, работавших в Краковском университете, А. Дубинского и А. Сулимович из Варшавского университета. Когда в конце 1950-х гг. восстановилась связь между литовскими и польскими караимами, когда члены разъединённых семейств опять могли встретиться, активность польских караимов возросла.

Стараясь, чтобы национальное самосознание и чувство принадлежности к родному народу не исчезло, польские караимы организова-

ли, начиная с 1975 г., четыре внутривильнюсских съезда. В пятом съезде в 1988 г. впервые участвовала и группа караимов из Литвы, так как в том году была создана первая после войны караимская организация при литовском Фонде культуры. В конце 1980-х гг. Фонд решил принять в своё ведение национализированную в 1949 г. вильнюсскую кенасу. Его председатель профессор Ч. Кудабя выступил с инициативой организовать группы поддержки национальных культур Литвы. На первом собрании литовских караимов 15 мая 1988 г. была основана группа поддержки караимской культуры при Фонде культуры Литвы, впоследствии переименованная в Общество культуры караимов Литвы.

Это собрание стало важным событием; оно позволило подвести грустные итоги состояния караимской культуры в Литве в течение последних пятидесяти лет и взглянуть вперёд с надеждой на возрождение. Вспоминаю, как ещё в СССР, задолго до перестройки, мне однажды пришлось беседовать с журналисткой из молодёжной газеты, получившей задание написать статью о том, что дала караимам советская власть. Когда мы с ней стали сравнивать, как жили караимы и чем располагали как отдельная этническая и религиозная группа перед войной, и что они имеют теперь, выяснилось, что почти ничего, что работало бы на сохранение самобытности, не осталось.

Несмотря на то, что верховный духовный сановник С. Шапшал в 1940 г. должен был отказаться от титула и сана, все караимы продолжали считать его своим лидером, и он оставался моральным авторитетом. До смерти в 1961 г. С. Шапшал работал в Институте истории Академии наук Литвы. Его частный музей, экспонаты которого он собирался выставить в Тракае в специально для этого построенном здании, и квартира, где он жил, были национализированы. Караимская периодическая печать была запрещена. Кенаса в Вильнюсе закрыта в 1949 г. под предлогом того, что не осталось верующих и священнослужителей, хотя в городе в то время проживало около 200 караимов и был священник И. Зайончковский. В её помещении сначала разместился архив, потом жилые помещения. Кенаса в Паневежисе разрушена в 1960-е гг., на её месте выстроен жилой район. Также были национализированы общественные дома при храмах в Тракае, Вильнюсе и Паневежисе, где прихожане обычно устраивали все общественные мероприятия. Школа и детский сад в Тракае тоже оказались закрыты. Краеведческий кружок, который в 1970-е гг. организовал М. Тимфович, был

вскоре запрещён. Единственным событием, на которое разрешалось собираться, остались похороны.

Чудом осталась действующей единственная на территории Европы караимская кенаса в Тракае. С. Фиркович стал единственным легальным караимским священником, хотя его паства сильно уменьшилась — люди боялись в открытую посещать богослужения. Поэтому уже с 1951 г. желающие молиться собирались только у него дома по субботам или большим праздникам. Таким образом, был нарушен нормальный ритм богослужения, издавна объединяющий верующих согласно канонам караимской религии. Но несмотря на притеснения и на то, что постоянно нужно было письменно подтверждать наличие так называемой двадцатки, именно религия, как ни парадоксально, оставалась единственным дозволенным элементом караимской культуры.

К важным событиям караимской культуры этого времени следует отнести публикацию подготовленного совместными стараниями С. Шапшала, А. Зайончковского, С. Фирковича и Н.А. Баскакова Караимско-русско-польского словаря, который после больших усилий издали в Москве в 1974 г., хотя из лексических примеров были изъяты все религиозные тексты.

Большую историческую роль в то время играл С. Фиркович, до самой смерти в 1982 г. остававшийся на должности старшего священника общины литовских, а фактически всех караимов на территории Советского Союза. Как известно, в Крыму, в Одессе, Киеве и других городах все караимские общины лишились своих храмов ещё в 1920-е гг. Тракай с самого начала поселения в нём караимов стал важным центром их духовной и административной жизни, а в советское время его роль особенно возросла. Тракай и С. Фиркович стали своеобразными символами караимского народа.

Не имея возможности вести богослужение в кенасе, заниматься с детьми, учить их религии и языку, С. Фиркович перестал писать стихи и пьесы, но забота о сохранении родного языка, традиций, фольклора не ослабла. В типичного кабинета он составлял картотеку для словаря, собирал пословицы, иногда переводил на караимский язык стихи литовских, русских или польских поэтов, изучал древние рукописи, которые стали приходить к нему из разных мест. Он несколько раз ездил в Крым, Москву, Ленинград, вёл переписку с караимами и со всеми, кого интересовали караимские проблемы, принимал посетителей разного ранга, каждый вечер совершал ритуальную прогулку вокруг



Тракайского замка, как бы продолжая историческую миссию караимов блюсти там порядок и стоять на страже княжеского покоя. Фиркович выполнял свои функции с большим достоинством, хотя жизнь его была не из лёгких. Местные комсомольские активисты не раз выступали с различными нападка́ми на него, писали статьи в местной прессе, обвиняя в национализме. Но он не сдавался, хотя внешне его активность в то время сводилась к минимуму.

На протяжении веков посещение храма, торжественная атмосфера и сосредоточенность во время богослужения, соблюдение религиозных праздников и обрядов, звучание молитв и хвалебных гимнов на родном языке для большинства караимов кроме сугубо сакрального значения имело и символический смысл. Пасхальные или, например, седебные обряды составляли неотъемлемую часть национальной традиции; каждый караим считал своим долгом их соблюдать. Такое соблюдение стало неотъемлемым условием принадлежности к своему народу и его культуре. Недаром караимская поговорка гласит, что обычай — половина веры.

После фактического прекращения богослужений в кенасе ответственность за сохранение национальных особенностей, в первую очередь языка, легла в основном на семью, где старшее поколение хранило память о прошлом. Большинство знающих язык современных караимов благодарны за это своим родителям, говорившим по-караимски дома и соблюдавшим традиции.

Обычаи соблюдались в семьях повсеместно, и они сплачивали народ. Безусловно, роль старшего священника, служившего символом и как бы основным их гарантом, огромна. После 1951 г., когда в тракайской кенасе последний раз открыто обвенчалась пара караимских молодожёнов, эта торжественная церемония, начальная часть которой — Келяшмяк (обручение) — носит не религиозный, а семейно-обрядовый характер, стала проводиться подпольно. Но не было ни одной караимской пары, не обручённой и не обвенчанной по всем правилам старшим священником. Не было ни одного ребёнка, по случаю рождения которого не читалась бы молитва, не было ни одних похорон, где не звучал бы голос старшего священника, молитвой и традиционной песней-плачем Сыйит йыры, провожавшего покойного в последний путь.

Таким образом, несмотря на то, что в советское время деятельность духовного правления прекратилась, религиозная традиция, хотя и в

сильно модифицированном виде, не прерывалась. И в этом была огромная заслуга как караимских семей, так и С. Фирковича, а позже тех, кто замещал его на должности старшего священника, когда он был уже не в состоянии выполнять свои обязанности, — Р. Лавриновича, С. Кобецкого и М. Фирковичюса.

Роль священника в караимском обществе всегда была очень большой. Во многом благодаря их стараниям сегодня, хотя на грани исчезновения находится язык (всего около 100 говорящих), всё же существует в Литве (273 человека) и Польше (45) караимский народ с ярко выраженным национальным самосознанием.

Образовавшееся в 1988 г. Общество культуры литовских караимов с энтузиазмом взялось за возрождение национальной самобытности и традиций. Одним из первых дел стало восстановление деятельности Духовного правления. В 1992 г. официально утверждён новый Статут религиозной общины, в том же году она получила статус юридического лица. В принятой в 1992 г. Конституции Литовской Республики караимизм был признан одной из девяти существующих в Литве традиционных религий. Кроме трёх региональных уполномоченных в Вильнюсе, Тракае и Паневежисе, в 1992 г. официально был избран старший священник и председатель Духовного правления. Им стал Миколае Фирковичюс (1924—2000), который и ранее неофициально исполнял эти функции, обучаясь им ещё в 1970-е гг. у своего дяди С. Фирковича. М. Фирковичюс записал на плёнку в исполнении дяди все основные молитвы и гимны, звучавшие в кенасе по случаю различных праздников и обрядов, а также напечатал в нескольких экземплярах самиздатом собственноручно собранные и нигде полностью не издававшиеся поэтические произведения С. Фирковича.

В 1989 г. литовский Фонд культуры передал в пользование караимам вильнюсскую кенасу. Государство выделило деньги на её ремонт, за которым неустанно следил сам старший священник и другие члены общины, и в 1993 г., приняв прежний вид, она вновь была освящена в присутствии всей общины, представителей властей Литвы, посла Турции, дипломатов других стран и зарубежных гостей. Таким образом, богослужение вернулось не только в тракайскую, но и в вильнюсскую кенасу.

В 1989 г. в Тракае была организована первая за 70 с лишним лет международная встреча караимов — Utrulašmach, куда съехалось око-

до 500 караимов из разных стран, в основном из Польши, Крыма, городов Украины и России. Во время встречи состоялось торжественное богослужение в тракайской кенасе и конференция, где впервые после Второй мировой войны вместе с литовскими караимами выступали и представители крымской и московской общин. Завершилось мероприятие большой культурной программой: впервые выступил караимский любительский театр, сыгравший один из водевилей С. Фирковича. Позже караимы часто выступали с концертами как на сценах Вильнюса, Тракая, Паневежиса, Варшавы, так и по литовскому телевидению, где был создан документальный фильм «Литва — не Крым, но родной край». В концертных выступлениях используются в основном песни с текстами С. Фирковича, переложенными на различные мелодии, а также караимские народные песни. К сожалению, произведений караимского музыкального фольклора сохранилось немного, но музыкальная культура не сводится только к нему, о чём свидетельствует докторская диссертация К. Фиркавичюте «Караимская литургическая музыка», защищённая в Вильнюсской музыкальной академии в 2001 г. В этой работе на современном научном уровне исследуется как литургическая традиция, так и её музыкальное оформление.

В последующие годы Общество культуры литовских караимов организовало в Вильнюсе международные научные конференции, посвящённые памяти С. Шапшала (1991), С. Фирковича (1992) и А. Зайончковского (1993). На них присутствовали учёные не только Литвы, но и Польши, России, Украины, Финляндии, Германии. Материалы конференции «Кыпчакско-тюркский ориент в Литве», посвящённой 90-летию со дня рождения А. Зайончковского и организованной совместно с Обществом культуры татар Литвы, были изданы отдельной книгой под аналогичным названием.

Начиная с 1988 г. в литовской печати появилось довольно много статей, посвящённых истории, этнографии, культуре и литературе караимов Литвы. Заинтересованность в возрождении своей национальной культуры сказалась и в появившемся желании опять изучать родной язык. Первая воскресная школа была организована в Вильнюсе, потом в Тракае. В последние годы курсы языка для детей организуются каждым летом. Своими знаниями охотно делятся А. Шпаковская, С. Робачевская, Т. Фирковичене, М. Лавринович и другие. Несомненным подспорьем в преподавании и изучении караимского языка является

ся учебник-самоучитель<sup>15</sup>, написанный старшим священником М. Фирковичюсом на основании опыта, который он приобрёл, нелегально обучая желающих ещё в 1970-е гг.

Если в межвоенное и послевоенное время особые заслуги в возрождении караимской культуры принадлежат старшему священнику С. Фирковичю, то в конце 20 в. огромную роль сыграл М. Фирковичюс, который, не имея специального теологического образования (даже при большом желании получить его было бы невозможно), полагаясь лишь на веру и глубокое чувство долга, обладая невероятным трудолюбием и чувством ответственности, бесконечным усердием, преданностью, бескорыстием, приступил к работе. Величайшим делом его жизни стала подготовка и издание уже упомянутых выше молитвенников<sup>16</sup>. Он также собрал рукописные тексты псалмов Давида<sup>17</sup> и Притчей Соломоновых<sup>18</sup> и издал их переводы на караимский. Кроме того, пользуясь изданным в 1912 г. в Санкт-Петербурге календарём Ю. Кокизова, создал системные таблицы и составил караимский календарь до 2051 г., который подготовили к печати его дочь Карина и племянник Владимир Машкевич<sup>19</sup>.

Богослужение под предводительством М. Фирковичюса, обладавшего хорошим слухом и способного точно воспроизвести мелодию песнопений, вернуло в караимские храмы в Тракае и Вильнюсе былую торжественность, а наличие всем доступного молитвенника оживило службу и позволило присутствующим прихожанам более активно участвовать в ней. Можно с уверенностью сказать, что религия опять возвращается в жизнь караимской общины.

Важнейшим событием в жизни литовских караимов стало празднование в 1997 г. 600-летия переселения караимов и татар в Литву. Юбилей этот отмечался очень торжественно, на государственном уровне. К нему было приурочено и специальное богослужение, состоявшееся во вновь отремонтированной (впервые с 1905 г.) тракайской кенасе, и специальное театрализованное шествие, изображающее прибытие караимов в Литву в 1397 г., и международная научная конференция, опять организованная совместно с татарским обществом культуры, и торжественное собрание в Государственном Литовском драматическом театре в Вильнюсе, на котором президент Литвы за заслуги в общественной деятельности вручил государственные награды руководителям и членам караимской и татарской религиозных общин и обществ культуры.

Юбилей, в организации которого активно участвовала караимская молодёжь, был действительно праздником души — свободной, возрождающейся и открытой. Особенно отраднo, что молодёжь, как в Литве, так и в Польше в настоящее время руководящая культурной жизнью общин, переняла эстафету у предков. Возможно, ей удастся организовать жизнь общины не только вокруг религии, но и вместе с ней, когда она сможет занять своё прежнее сакральное место в сознании человека. Догмы караимской религии о самостоятельном и индивидуальном прочтении и интерпретации Библии, соблюдении Десяти заповедей Божьих не противоречат свободному развитию личности, ответственной за свои поступки и соблюдающей этические и моральные нормы общества, в котором современные караимы живут и полноправными гражданами которого являются.

А может быть, именно бытие караимом для всех нас на протяжении веков и было самой главной святыней, которую мы особенно чтим, главной духовной потребностью, возродившейся после долгих лет.

<sup>1</sup> *Венцукене Р.* Несколько заметок о караимском языке и его употреблении // *Firkovičius M.* Mien karajėe ūrianiam. Vilnius, 1996. С.21—27.

<sup>2</sup> *Kowalski T.* Karaimische Texte im Dialekt von Troki. Krakow, 1929.

<sup>3</sup> *Zajęczkowski A.* Karaims in Poland. Warszawa, 1961; *Zajęczkowski A.* Khazarian Culture and Its Inheritors / *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* 1961. XII/1—3.

<sup>4</sup> *Сурпýchлеј уѣма Трочка.* Lietuva karajarlarny jyrлары. Vilnius, 1997. С.18.

<sup>5</sup> *Dubinski A.* Caraimica. Warszawa, 1994. Ср.51.

<sup>6</sup> *Szyszman S.* Le Karaimisme. Ses doctrines et son histoire. Lasagne, 1980.

<sup>7</sup> *Zajęczkowski A.* Zarys religij karaimskiej. Warszawa, 2003. Ср.4.

<sup>8</sup> *Beresnevičius G.* Religiotyra. Psl.167. Vilnius, 2003.

<sup>9</sup> *Dubinski A.* Указ. соч. С.57.

<sup>10</sup> *Firkavičius K.* The forward // *Karaj kalendary.* Vilnius, 2001. P.11—16.

<sup>11</sup> Караимизм как религия, основные принципы которой были описаны выше, и сегодня исповедуется представителями различных этнических групп, проживающих в США, Израиле, (некогда в Египте), Испании и других странах. Как показала история, общность религии без учёта этнических, языковых и прочих различий не является достаточным основанием для самоотождествления людей и их объединения. Современная структура мира зиждется на национальных, а не на религиозных государствах, где проживают люди различных религий. В данной статье речь идёт только о караимах — этнических тюрках, живущих на территории сегодняшней Литвы и Польши более 600 лет. С караимами Крыма, Луцка и Галича, с которыми их объединяет общее происхождение, прошлое, общая религия, язык (с тремя диалектами), духовная и материальная культура, они составляют один народ, независимо от того, где сегодня живут их потомки — в Тракае, Москве, Париже или Симферополе.

- <sup>12</sup> Karaj Dinlilianiin Jalbarmach Jergialhari. T.1. Vilnius, 1998. C.211.
- <sup>13</sup> *Dubinski A.* Początki zainteresowan językiem i literaturą karaimską w nauce europejskiej do końca XIX w. // *Przegląd Orientalistyczny*. 1959. Nr.2. Str.135–144.
- <sup>14</sup> *Кобецкий С.* Ирлар. Киев, 1904.
- <sup>15</sup> *Firkovičius M.* Mien Karajče ūrianiam. Vilnius, 1996.
- <sup>16</sup> Karaj Dinlilianiin Jalbarmach Jergialhari. T.1. 1998; T.2. 1999; Karaj Koltchlary. Vilnius, 1993.
- <sup>17</sup> David Bijnin Machtav Čozmachlary. Vilnius, 1994.
- <sup>18</sup> *Selomonun Mašallary.* Ankara, 2000.
- <sup>19</sup> Karaj kalendary...

В.З. ТИРИЯКИ

## КРЫМСКИЕ КАРАИМЫ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

В литературе о караимах можно встретить два абсолютно разных мнения об этногенезе этого народа. Одни авторы определяют караимов как тюркский народ, предки которого последовательно входили в различные тюрко-племенные союзы, другие же сообщают, что это еврейская секта, не признающая Талмуда. Оба эти определения имеют право на существование, но требуют существенного уточнения. Дело в том, что термин «караим» одновременно обозначает последователей вероучения, возникшего среди еврейского народа в 8 в. в Вавилонии, и является этнонимом общности тюркских племён, воспринявших позднее это вероучение.

В данной статье речь пойдёт о малочисленном тюркском народе — крымских караимах и их религиозных воззрениях. Крымские караимы — народ, сформировавшийся в Крыму, который они и считают своей родиной. Впоследствии миграции привели к образованию ещё нескольких мест компактного проживания караимов на территории бывшего СССР: в Западной Украине и Литве. В Галицию крымские караимы переселились при князе Данииле Галицком в середине 13 в.<sup>1</sup>, в Литву — при Великом князе Витовте (Витаутасе) в конце 14 в.<sup>2</sup>. В крупнейших городах России (Москве, Петербурге, Киеве, Одессе, Новороссийске, Екатеринославе и др.) и Польши общины караимов появились в 19 в.

Крымские караимы называют себя «къарай» в единственном числе и «къарайлар» — во множественном. Используемое в других языках название «караим» восходит к религиозному термину и производится от древнееврейского глагола «кара» — читать, восклицать, призывать, называть (ср. в арабском «Коран» — чтение). Образованное от этого

глагола причастие «карай» означает «читающий», во множественном числе «караим» — читающие. Традиционный перевод слова «караим» — люди, читающие и признающие только Писание (то, что написано — книги Ветхого Завета). Вероучение, основанное на признании только Ветхого Завета, называется караимизм<sup>3</sup>.

Из этого следует, что религиозный термин полностью вытеснил древний этноним крымских караимов.

Что же это за религия, нивелирующая самоназвания народов, исповедующих её? Почему невозможно представить ментальность крымских караимов, не ознакомившись с исповедуемой ими религией?

К слову «караим» (крымский, константинопольский, иерусалимский, каирский...) невозможно добавить религиозного определения — это всегда носитель отличного от всех других вероучения — караимизма. Не было караима-талмудиста, караима-христианина, караима-мусульманина, караима-язычника и тем более караима-атеиста.

Истоки караимизма восходят к первым векам н. э. Почву, на которой выросли немногочисленные, но весьма жизнестойкие стебли этого вероучения, подготовили многие предшественники, исповедовавшие нетрадиционные формы иудаизма: саддукеи, байтосяне, ессен, исавиты, юдганиты и пр. Эти религиозные течения не оставили последователей, караимизму же история определила иную судьбу — он, хотя и не приобрёл миллионов сторонников, существует уже более 12 столетий.

Основателем караимского вероучения считается Анан бен Давид ха-Наси (740–800) — образованный выходец из знатной еврейской семьи, претендент на пост экзиларха (политического главы еврейской диаспоры). Либеральные речи Анана, ставившие под сомнение божественное происхождение Талмуда, вызвали серьёзные опасения среди еврейского духовенства и знати. В результате политической борьбы Анан был заточён в тюрьму, но смог не только оправдать себя, но и доказать самостоятельность проповедуемого им вероучения. Произошли эти события во второй половине 8 в. в Вавилонии при халифе Абу Джаффаре аль-Мансуре.

Обретя свободу, Анан и его приверженцы начали открыто проповедовать свои религиозные воззрения. «Еретики» утверждали, что нигде в Писании нет доказательств получения Моисеем «устного закона». При этом они ссылались на Пятикнижие (Тору) и Книги пророков. Отвергая сакральность Талмуда, Анан считал его плодом человеческой деятельности.



Однако деятельность Анапа не заключалась только в критике «устного закона» и выявлению его противоречий и несовершенства — он стал реформатором и организатором всего антиталямудического движения. Основным и полным источником религиозного откровения была провозглашена Тора, или Пятикнижие. Совершенство и неизменность её законов не требовали каких-либо дополнений, а лишь тщательного изучения. Первые комментарии к Пятикнижию, отражающие личное восприятие и не претендующие на ранг закона, начали появляться только с возникновением караимизма, основатель которого *«дал могущественный толчок исследованию Библии»*<sup>4</sup>.

«Ищите тщательно в Библии и не полагайтесь на моё мнение», — говорил Анап. Таким образом, провозглашалось право каждого человека изучать и воспринимать заповеди Закона, а следовательно, отрицались безусловные религиозные авторитеты. Анаповский принцип свободного исследования Библии, в противовес восприятию её сквозь призму повелений мудрецов и богословов, стал первым камнем в вероучении караимизма.

Появившиеся в процессе формирования караимизма формулировки, понятия и определения, если они оказывались несовершенными, уступали место более правильным и точным. Ученик мог подвергнуть критике мнение учителя, опровергнуть его, но при этом наставник не терял уважения в его глазах. Некоторые утверждения самого Анапа (вера в переселение душ) были отвергнуты его последователями, однако память о нём свято хранится всеми караимскими общинами. Удивительную ситуацию свободы исследования и мнений можно выразить словами караимского учёного 9 в. Вениамина Нагавенди: *«Исследования есть долг, и ошибка в исследовании не есть грех»*<sup>5</sup>.

Возникновение караимизма происходило в иноверческом окружении, поэтому вызывает интерес отношение караимов к иудаизму, христианству и исламу. На наш взгляд, наиболее верно следующее определение: *«Любопытно то, что Анап и его приверженцы в своей оппозиции Талмуду ссылались на основателя христианства. По их мнению Иисус был богобоязненный и святой муж; он вовсе не хотел быть ни признанным пророком, ни противопоставить иудейству новую религию, а желал только подтвердить Тору и отменить человеческие законы. <...> Признавая основателя христианства, Анап в то же время воздавал дань уважения Мохамеду, как проро-*

*ку арабов; но ни Иисус, ни Мохамед не отменили Торы, так как она имеет обязательную силу во все времена»<sup>6</sup>.*

Поэтому было бы неверно отрицать наличие элементов христианства, иудаизма и ислама в религиозном мировоззрении караимов. Наибольшее влияние оказал ислам, в частности его шиитское направление, поскольку караимы, как и шииты, отвергали устную традицию. Свои религиозные убеждения караимы полностью построили на Писании, включавшем Тору (Пятикнижие), Книги пророков и Агиографы. В этом они сильно расходились с талмудистами, так как у последних под Писанием понимается только Тора, а остальные книги лишены силы религиозного закона.

Таким образом, караимы значительно расширили религиозное пространство для восприятия предписаний Библии исключительно через саму Библию, особенно в тех случаях, когда определения Торы были не очень ясны.

Исследование библейских текстов требовало прекрасного знания языка оригинала — древнееврейского. Однако одни и те же слова Закона нередко прочитывались неодинаково, что приводило к разному восприятию, осмыслению и исполнению заповедей. В начале 9 в. ученик Анана Р. Моха и сын его Р. Моисей ввели так называемую Тивериадскую систему гласных знаков и ударений в древнееврейском языке. Система эта оказалась совершеннее Вавилонской и в настоящее время используется всеми. В начале 10 в. караимы Аарон и Моисей бен Ашер, будучи прекрасными знатоками Библии, применили эту систему к библейским текстам. Используемый в настоящее время масоретский текст Священного Писания основан на экземплярах отца и сына бен Ашер<sup>7</sup>.

Известность получили и многие другие учёные караимы. В 10 в. Ефет бен Али перевёл Библию на арабский язык, Абу Сулейман Давуд аль-Фаси стал знаменит как лексикограф и составитель библейского словаря. Изучением религиозного права прославился Абу аль-Фарадж Фуркан ибн Асад (11 в.). Сравнительной грамматикой арабского и древнееврейского языков занимался Югуда Гадаси (12 в.), он же является составителем теологической энциклопедии и толкователем этимологии отдельных библейских слов. Как богословы и философы известны Юсуф аль-Басир (11 в.) и Аарон бен Илья Никомедийский (13–14 вв.)<sup>8</sup>.

Постепенно учение караимизма распространилось в Египте, Сирии, Византии, Крыму, Испании и других местах. Однако из всех регионов распространения караимизма особое внимание исследователей привлекал Хазарский каганат. Принятие новой религии хазарским царём (каганом) Буланом относится к 740 г., что по времени несколько раньше возникновения караимского вероучения. Но не следует забывать, что нетрадиционные формы иудаизма антиалмудической направленности существовали и до караимизма. А. Кёстлер, характеризуя религию, принятую хазарами при Булане, пишет: *«Иудаизм, в который они перешли, был примитивен или рудиментарен, опирался только на Библию и не знал Талмуда, писаний раввинов и вытекающих из всего этого ритуалов. В этом отношении они походили на караимов — фундаментальную секту, зародившуюся в 8 в. в Персии и распространившуюся по всему миру, особенно в “Новой Хазарии”, то есть в Крыму»*<sup>9</sup>.

Принятие иудаизма целым государством — случай уникальный в истории, особенно если учесть, что Закон Моисея стал религией могучей державы, с которой приходилось считаться Византии и Арабскому халифату. Сознывая свою военную мощь, Хазария могла позволить себе такой политический ход, и это помогло ей сохранить религиозную независимость от Константинополя и Багдада.

Обращение хазар при кагане Булане, по всей вероятности, было формальным актом. Введя празднование субботы, обрезание и другие атрибуты религии, Булан не принял нетерпимости иудаизма. *«Просто-му народу было позволено и дальше пребывать в язычестве, поклоняясь прежним идолам»*<sup>10</sup>. Реформа Булана не отменила религий и верований народов, населявших каганат, — христиане и мусульмане преследованиям не подвергались. Толерантность Хазарии удивляла современников и никак не вязалась с непримиримостью иудаизма.

Иудаизм всегда рассматривался евреями как национальная религия, он далёк от прозелитизма, а представители иных народов, принявшие эту религию, считались «проказой Израиля». Восточные центры еврейства были хорошо осведомлены о Хазарии, однако поглядывали на неё с некоторым недоумением и опаской. С одной стороны, независимые турки-иудеи (мамзеры) вызывали удивление *«вроде единопорога, подвергнутого обрезанию»*<sup>11</sup>, с другой — их подозревали в исповедании еретического для раввинов караимизма.

Некоторые учёные считают, что в правление Булана и после него, вплоть до конца 8 в., в Хазарии доминировал караимизм, а ортодоксальный иудаизм был принят в процессе религиозной реформы только при кагане Обадье около 800 г. Однако приверженцы караимского вероучения не покинули толерантную страну, более того — они продолжали жить на землях Хазарии и после её распада. Классическим подтверждением этому служат слова еврейского путешественника рабби Петахья из немецкого города Регенсбурга. Путешествуя по Восточной Европе и Западной Азии в 1170–85 гг., Петахья отмечает: *«Настоящих евреев нет в земле кедаров (кочевников.— В.Т.), а живут там только минеи (неверные, сектанты, не признающие Талмуда.— В.Т.)»*. Когда рабби Петахья спросил их, почему они не веруют словам и преданиям мудрецов, они отвечали: *«Потому что этому предки нас не учили»*. *«Накануне субботы они нарезавают весь хлеб, который едят в субботу; едят его впотьмах и сидят весь день на одном месте. Молитва их в этот день состоит только из чтения псалмов, и когда рабби Петахья прочёл им наши молитвы и молитву после пищи (установленные Талмудом), то это им очень понравилось; причём они сказали, что отроду не слышали и не знают, что такое Талмуд»*<sup>12</sup>.

Эти сведения подтверждают распространение караимизма в Хазарии, однако не могут опровергнуть факт принятия хазарами ортодоксального иудаизма ранее описываемых событий. Вполне вероятно, что после политического краха в 10 в. раввинская элита ясно увидела малопривлекательное будущее Хазарии и покинула её территорию. За два столетия сведения о Талмуде могли полностью исчезнуть, тем более у тех, кто никогда его не признавал. Хазарские анклав и полуанклавы сохранились на Кавказе, в Крыму и Северном Причерноморье, но это, скорее всего, исключения из картины массовой миграции хазар в Восточную Европу.

Отток хазар-талмудистов оказался благоприятным для миссионеров караимизма, который к концу 10 в. обрёл силу, окончательно сложившись в самостоятельное вероучение. Они-то и принесли хазарам-неортодоксам религиозный термин «караим». Перед угрозой порабощения и гибели племени и народы могли создать единоверческий союз, приняв консолидирующее название «караим» взамен тотемов и этнонимов<sup>13</sup>.

К потомкам хазар причисляют себя и крымские караимы, однако достаточно ли доказательств, помимо религиозного аспекта, чтобы утверждать преемственность караимов от хазар?

Своим родовым гнездом и народной колыбелью крымские караимы считают крепость Чуфут-Кале (Джуфт-Кале) около Бахчисарая. Древнейшее из известных названий этой крепости — Кырк Йэр (округа кыркы)<sup>14</sup>. Перечисляя населённые пункты, в которых издавна проживали караимы, С. Шапшал пишет: *«Караимы в небольшом числе жили в следующих древних городах: в Балаклаве, Суздее (Судак), Кафе (Кефе), Мангубе; тогда как в Кырк Йэре, исключительно ими населённом, они являлись уже властными его хозяевами. В городе Солхате их также было немало, доказательством чего служит то обстоятельство, что здесь у них было четыре собора, и между ними один поддерживался 44 мраморными и деревянными колоннами и мог вместить более 3000 молящихся и 17 училищ. Караимы (поселяне) жили также и в следующих деревнях: в Чабаке, Коксю, Таш-Яргане, Ягмурчуке, Отузе, Биок-Озенбаше и др.»*<sup>15</sup>.

Если принять во внимание это перечисление и сведения Петахьи Регенбургского, то территория расселения караимов в 12 в. включала Крым и Северное Причерноморье. Позднейшие данные говорят только о караимах, проживающих в Крыму. Вероятно, что караимы, жившие к северу от Крыма, в целях безопасности покинули открытые степные пространства, перебравшись к своим единоверцам в горные районы.

Памятников языковой культуры хазар сохранилось немного: географические названия, имена собственные, названия должностей. Некоторые ученые конца 19 в. относили хазарский язык к финской группе, но исследования лингвистов 20 в. доказали тюркоязычность хазар. С. Шапшал, исследуя дошедшие до нас хазарские слова, делает вывод: *«Итак, все сохранившиеся от хазарского языка слова <...> чисто тюркские»*<sup>16</sup>. С помощью караимского языка он определил значение нескольких хазарских слов, смысл которых ранее был непонятен.

Академик Н.А. Баскаков выдвинул предположение о существовании в хазарском языке ч-диалекта и ц-диалекта<sup>17</sup>. Эта гипотеза находит полное подтверждение в диалектах караимского языка: в крымском диалекте отсутствует фонема «ц» (ч-диалект), в галичском — фонема «ч» (ц-диалект).

По основным характеристикам караимский язык относится к кыпчакским языкам и из современных языков этой группы весьма близок к кумыкскому, карачаево-балкарскому, крымско-татарскому, то есть к языкам тех народов, которые расселены на постхазарском пространстве. «Данные караимского языка указывают на то, что караимы последовательно входили сначала в состав таких племенных союзов как хуннский, болгаро-хазарский, узо-печенежский и только позже — кыпчакско-половецкий племенной союз с господствующим кыпчакским языком, основные черты которого караимы сохранили в современных диалектах»<sup>18</sup>. В свете этого определения предположения об использовании крымскими караимами одного из диалектов татарского языка выглядят неубедительными. Их предки говорили на тюркском языке задолго до завоевания Крыма татарами. Караимы Литвы до настоящего времени сохранили родной язык, в то время как татары, переселённые одновременно с ними, уже в 18 в. его утратили<sup>19</sup>. «Язык караимов был и остается тюркским, причём самым близким из современных языков к *lingua cumanica*, на котором говорили на бывших хазарских территориях во времена Золотой Орды»<sup>20</sup>. Этой точки зрения придерживается и академик К.М. Мусатов<sup>21</sup>.

В 1928 г. в Стамбуле была издана книга «Къырым къарай турклери», в которой С. Шапшал опубликовал стихи из караимского фольклорного сборника. Помимо того, что эти материалы отражают историческую связь с хазарами (в них упоминается хазарский сын, хазарский князь), в их лексическом составе не обнаружено заимствований из других языковых групп, что свидетельствует о древнем происхождении<sup>22</sup>. А. Зайончковский считал (с лингвистической точки зрения) нынешних караимов ближайшими родственниками хазар<sup>23</sup>.

Переводы молитв на свой язык караимы по-древнееврейски называют «таргум леленон кедар» — перевод для языка кедар (хазар)<sup>24</sup>. В этих переводах — и печатных, и рукописных — слову «Бог» соответствует «Тэнъри» — древнетюркское имя Бога.

Для правильного осмысления и точного исполнения повелений Закона Моисея, изложенного в Торе, необходимо знать древнееврейский язык. Обязанность знания священного языка для каждого караима определена шестым принципом веры. У караимов древнееврейский язык, являясь языком литургии и науки, играет такую же роль, как арабский

у мусульман, латинский у католиков и старославянский у православных. Но в настоящее время древнееврейский язык крымскими караимами почти забыт; богослужение проходит на караимском и русском, и только по праздникам читается несколько стихов из Торы.

Но как бы ни было важно значение древнееврейского языка в жизни караимов, народная традиция переводов всего ТаНаХа<sup>25</sup> на караимский издавна существовала наряду с религиозным канонем. Быт, культура, фольклор и само существование были неразрывно связаны с родным тюркским языком, и караимы никак не могли обеднить свою духовность отсутствием перевода на родной язык величайшей из всех книг.

Трудно обозначить время первого перевода ТаНаХа на караимский язык. К. Мусасв определяет этот период 11–14 вв.; С. Шаншал сообщает о свитке Второзакония, хранившемся в библиотеке «Карай Библикиги» в Евпатории, датированном 1224 г. Очевидно, к 13 в. уже существовало большое количество переводов ТаНаХа, так как известно, что Аарон бен Иосеф Гарофе (1260–1320) из г. Солхат (Старый Крым) выполнил редактирование переводов книг Священного Писания на караимский язык<sup>26</sup>.

В 1841–42 гг. в Евпатории вышел печатный перевод всего ТаНаХа на крымский диалект караимского языка. Только по подписным листам распространено 430 экземпляров среди караимских общин, в том числе в Евпатории — 278, Кале — 21, Феодосии — 9, Одессе — 23, Севастополе — 37<sup>27</sup>. Это издание практически вытеснило из употребления рукописные экземпляры переводов, по которым можно было наблюдать, как шло развитие караимского языка<sup>28</sup>.

Крымские караимы, живущие в Литве и Галиче, являются удивительным примером лингвостатики среди иноязычного населения. Окружающий социум неумолимо требовал знания языка общения, однако его влияние на караимский не распространялось далее немногочисленных лексических заимствований. Возможно, причиной этого стали издревле существующие у караимов переводы на родной язык книг ТаНаХа. Текст Писания на караимском языке так же был почитаем караимами, как и текст оригинала. Поскольку заповеди Торы не подлежали забвению, не подлежал и забвению язык, на котором они были написаны: древнееврейский или караимский.

Отголоском веротерпимости хазар являются названия дней недели у крымских караимов, которые, по определению академика А.Н. Самойловича, *«отражают в себе четыре культуры: христианскую, еврейскую, мусульманскую и языческую, которые, как известно, сосуществовали в землях хазарских»* и могут рассматриваться *«как наследие хазарской культуры»*<sup>29</sup>. Отдельные названия дней недели у караимов совпадают с таковыми у половцев (пятница, суббота), карачаев и балкарцев (воскресенье), чувашей и башкир (среда) и полностью — у крымчаков<sup>30</sup>.

У крымских караимов наряду с монотеизмом наблюдались и языческие рудименты. В начале 20 в. ещё сохранялись воспоминания об Улу Ата (Великий Отец) и Къаргъал Ата (Отец-проклинатель) — двух божествах, приносящих добро и зло. Отголоски шаманизма проявлялись в утерянном ныне обряде «шайтан къувмак» — изгнании чёрта при помощи бубна и заклинаний. Древний языческий обычай почитания солнца напоминает о себе изготовлением и украшением пресных пасхальных лепешек<sup>31</sup>.

Указывая на пережитки языческих верований у крымских караимов — явления, характерного для любого народа, — нельзя умолчать о традиции почитания древних дубов на кладбище Балта Теймес (название переводится на русский как «топор не тронет») около крепости Чуфут-Кале. Эта традиция похожа на верования гуннов и тюркутов, поклонявшихся деревьям, в особенности дубам, которые считались неприкосновенными. С этим культом связывалось и представление о Тенгрихане — владыке неба (символом которого и был священный дуб), управляющим стихией и природными явлениями<sup>32</sup>. Возможно, последнее обстоятельство и объясняет проявление караимской традиции почитания дубов только в периоды засухи: *«До самого последнего времени (вторая половина XIX в.) к этим дубам во время засухи шло во главе народа караимское духовенство, держа в руках в богатой оправе Пятикнижие, молясь о ниспослании дождя»*<sup>33</sup>.

Казалось бы, что при неоспоримом единобожии крымских караимов столь явное проявление язычества представляет бесспорный нонсенс и игнорирует неоднократно звучащий в Библии запрет поклонения деревьям, но в действительности здесь наблюдается сочетание амбивалентной мотивации язычества и монотеизма. Не в силах противостоять древнему народному обычаю, караимские священники подвели под



него чисто библейский базис, который впоследствии полностью растворил языческую сущность традиции. Связь дуба и погребения напрямую отражена в книге Бытия: *«И умерла Девора, кормилица Ревекки, и была погребена ниже Бейт-Эля, под дубом, который назвали Дубом плача»*<sup>34</sup>.

Традиции язычества остались в далёком историческом прошлом и лишь изредка напоминали о себе подобно старой малозначащей вещи, оставшейся в наследство от предков. Они были настолько чужды караимам, что при переводе Декалога те так и не нашли в родном языке эквивалента еврейскому слову «пэсэль» (кумир, статуя, объёмное изображение)<sup>35</sup>.

Народная память сохранила предание о захоронениях на Балта Теймес людей огромного роста, могучих великанов. В караимских переводах Библии исполины назывались «алангасар» — именем, сохранившимся в караимском фольклоре<sup>36</sup>. Академик В.А. Гордлевский, исследуя лексику древних рукописных переводов (пешат), писал: *«Есть среди слов, извлечённых из Библии, языковый элемент, напоминающий как будто об обширной территории, которую занимало некогда Хазарское царство. Так, в слове алангасар — в первой его части — соблазнительно видеть отзвук об аланах, населявших земли между Аральским и Чёрным морями»*<sup>37</sup>.

Религиозная обрядовость вступления в Завет с Богом для мужчины была достаточно жёсткой, так как он, в отличие от женщины, являлся продолжателем духовного родословия. Телесным знаком Завета являлось обрезание крайней плоти — сунэт. Эта процедура сопровождалась наречением библейского имени, чтением многочисленных молитв и традиционным пиришеством — сунэт той.

Для женщин особого ритуала не существовало, если не принимать во внимание краткую молитву о наречении имени новорожденной. При наречении женских имён у караимов Крыма преобладала народная традиция: Айтолу, Акбике, Алтынкыз (Алтын), Арзу, Бийана, Бикече, Гевхер, Гулеф, Гулюш, Дэвлет, Мурат, Назлы, Саадэт, Сэвергелин, Султан, Тохтар, Ханьш и др. А. Дубинский утверждает, что такие имена *«чаще всего встречаются в карачаево-балкарском, кумыкском, татарском, башкирском языках, принадлежащих вместе с караимским к кыпчакской группе тюркских языков, и восходят к именам, засвидетельствованным в памятниках кыпчакской письменности»*<sup>38</sup>.

Результаты антропологических исследований академика В. Алексеева подтвердили не только историческую, но и генетическую связь крымских караимов и хазар. Сравнив черепа из хазарских и крымских караимских захоронений, он сделал заключение, что *«караимы связаны с хазарами прямой и непосредственной генетической преемственностью, происходят от хазар, а не от древних иудеев, с которыми этнически не имеют ничего общего»*<sup>39</sup>.

В дополнение к вышесказанному добавим ещё несколько штрихов.

Подобно хазарам, караимы весной совершали ежегодные сезонные миграции, связанные с возделыванием садов и виноградников.

Сохраняя древний хазарский обычай почитания могил усопших правителей, караимы, проезжая верхом по Бахчисараю (при государственном запрете езды верхом по столице для немусульман), спешивались при приближении к дворцу, в котором находились могилы ханов.

В названиях некоторых блюд караимской национальной кухни, не встречающихся у других народов Крыма, содержится слово «хазар»: хазар кьатмагы (один из видов халвы, подаваемый на сороковой день поминовения), хазар кебаб<sup>40</sup>.

\* \* \* \* \*

Несмотря на свою малочисленность, крымские караимы представляли удивительно прочный этно-религиозный изолят, внутри которого в течение многих столетий стабильно сохранялась исторически сложившаяся языковая, религиозная и культурная целостность вне зависимости от территории проживания и окружающего социума.

Какие критерии являлись решающими при определении принадлежности к караимскому народу?

Национальный караимский съезд 1917 г., состоявшийся в Евпатории, принял следующее самоопределение: *«Караимы, являясь коренными обитателями Крыма, представляют собою объединённую общностью веры, крови, языка и обычаев, особую народность, издревле сохраняющую неразрывную духовную связь со своими Константинопольскими, Иерусалимскими и Египетскими единоверцами»*<sup>41</sup>.

Это определение позволяет назвать четыре критерия, характеризующих самосознание крымских караимов:

1. Признание исторической родиной Крыма.

2. Признание своей этнической самостоятельности.
3. Признание общей для всех крымских караимов веры.
4. Признание давней, неразрывной, взаимопроникающей духовной связи со своими иноэтническими единоверцами.

Менее чем столетие назад для крымского караима являлось немислимым увидеть своего соплеменника исповедующим христианство, иудаизм, ислам или иную религию. Такие ренегаты немедленно отторгались общинами, им присваивалось презрительное прозвище «донмэ» — веротступник.

В современной самоидентификации крымских караимов, подтверждённой Народным съездом караимов Украины в Евпатории в мае 2003 г., отсутствует упоминание о духовной связи с караимами-иноплемениками. Причина заключается будто бы в существенных отличиях религии крымских караимов от вероисповедания формальных единоверцев зарубежья (каирских, константинопольских, иерусалимских). В действительности, несмотря на местные различия и нормы, догматы караимизма одни и те же у всех его последователей.

\* \* \* \* \*

В 1148 г. Югуда Гадаси из Константинополя на основании Священного Писания сформулировал десять принципов веры, являющихся и ныне базисом караимской религии. В современной литературе они иногда подаются в сокращённом или несколько трансформированном виде. Мы приводим их в редакции караимского катехизиса от 1890 г.<sup>42</sup>:

«1. Я верую верой полною, что Создатель, да будет благословенно имя Его, создал из ничего небо и землю и всё, что в них.

2. Я верую верой полною, что Создатель, да будет благословенно имя Его, нет Ему ни начала, ни конца, Он есть Первый и Последний, был, есть и будет.

3. Я верую верой полною, что Всевышнему Создателю нет подобия, что Он Един безусловно (абсолютно), и нет единства, подобного Его единству, и что Он не есть тело и не имеет никаких свойств тела.

4. Я верую верой полною, что Всевышний Создатель послал Моисея, учителя нашего, мир праху его, и что он глава всех пророков.

5. Я верую верой полною, что Всевышний Создатель дал через посредство Моисея, учителя нашего, мир праху его, Его священную Тору, находящуюся ныне в наших руках.

6. Я верую верой полною, что каждый сын Израиля, верующий во Всевышнего Бога и Его Тору, обязан знать язык Торы и её объяснение.

7. Я верую верой полною, что Всевышний Бог изливал пророческое вдохновение также на всех пророков, следовавших после Моисея, учителя нашего, мир праху его, и посылал их предсказывать будущее и увещевать Свой народ Израильский.

8. Я верую верой полною, что Всевышний Бог воскресит мёртвых (людей) в день Своего великого Суда.

9. Я верую верой полною, что Всевышний Бог творит справедливый суд людям и воздаёт каждому по его заслугам.

10. Я верую верой полною, что Всевышний Бог не презирает нас, людей плена, но мы теперь находимся под Его наказаниями. Всякий сын Израиля, верующий во Всевышнего Бога и Его Тору, обязан надеяться постоянно и терпеливо ожидать Его спасения, посредством Его Мессии из дома Давидова и возобновления Его Святого Храма».

Концентрированным отражением всех разрешительных и запретительных повелений Торы являются Десять заповедей (Декалог), данные людям через пророка Моисея и навсегда ставшие нормами человеческой этики. Ни одна цивилизация ни до, ни после не смогла выработать кодекса, столь лаконично отразившего два аспекта человеческой этики: отношение к Богу и отношение к ближнему.

Первейшая заповедь на языке Торы записана шестью словами и звучит так: «Шэма Йисраэль, Адонай Элогъэно, Адонай Эхъад!» (сокращённо «Шэма...»). Впервые графическое изображение «Шэма...» было введено в 12 в. караимским учёным Югудой Гадаси. Оно представляет собой шестиконечную звезду, состоящую из двух наложенных друг на друга треугольников, и называется Щит Давида. Каждая из сторон треугольников соответствует одному слову «Шэма...».

Смысловое содержание этого древнейшего знака разнообразно: это и шесть Дней Творения, «и взаимодействие начала Божественного (треугольник, “смотрящий” вверх) с человеческим (треугольник, “смотрящий” вниз); и шесть тысяч лет истории человечества (шесть лучей); и сочетание в человеке духовного с душевным; и молитвенное общение человека с Создателем (устремлённый ввысь призыв — и нисходящий ответ); и воскресение из мёртвых (“погружение” в землю — и “восстание” из гроба)»<sup>43</sup>. Щит Давида, как

и стилизованное изображение двух скрижалей Декалога, является неотъемлемой частью украшения интерьера всех караимских храмов, а нередко присутствует и на фасадах.

Караимы всегда стремились к пониманию внутреннего смысла заповедей Торы, а не к буквальному следованию им. Ярким примером осмысления караимами заповедей является исполнение ими стихов Второзакония «и навязи их в знак на руку твою, и да будут они повязкой над глазами твоими. И напиши их на косяках дома твоего и на воротах твоих»<sup>44</sup> в сравнении с их исполнением в иудаизме.

В отличие от иудеев, караимы надевают тэфиллин (филактерии) — закрытые коробочки с написанными внутри них словами Торы, прикрепляемые ко лбу и к левой руке, — только во время утренней молитвы. Для них гораздо важнее буквального выполнения этих слов их духовный смысл: слова Господа должны постоянно находиться перед нашими глазами — в духовном взоре, в мыслях, и проявляться в поступках, поскольку рука и есть символ наших деяний. По тем же причинам у караимов не использовалась и мезуза — маленький свиток со словами Торы, прибиваемый к дверному косяку. Они считают, что поскольку двери и ворота символизируют вход и выход, то к Богу надо обращаться в начале и по окончании всякого дела — с просьбой и благодарением (молитвами).

Тема любви к ближнему нашла своё выражение в 19 главе книги Левит, особо почитаемой караимами. В отличие от «Шэма...», заповедь о любви к ближнему звучала у караимов в определённые дни года, однако исполнение её постоянно выражалось в поступках и действиях.

Среди крымских караимов широко был развит обычай «хъайыр этмэк» — делать добро. Каждая состоятельная семья почитала особой честью и воспринимала как исполнение религиозной директивы оказание материальной помощи малоимущим. В кануны субботы, праздников, торжественных дней или в бедственные времена имеющие материальную возможность караимы посылали малоимущим так называемый «хъайыр» — лекарства, продукты питания, одежду, обувь, дрова, уголь — всё, что помогало им выжить, не стать на путь греха и преступления.

Караимы считают, что в библейском контексте понятие «ближний» не имеет национального, религиозного или территориального признака. Поэтому их благотворительность не заключалась только среди своего

народа, но часто распространялась на всё окружающее население без различия национальности и вероисповедания. Примером этому служат раздача благотворительной помощи малоимущим (вагонами — муки, угля, картофеля), строительство и содержание на свой счёт бесплатных училищ, санаториев, библиотек, приютов, утверждение стипендий, раздача учебников, бесплатное лечение и многое другое.

\* \* \* \* \*

Религиозно-правственному воспитанию детей караимы придавали особенное значение. В жизнь караима религия входила с первых дней его рождения. Уже на восьмой день по рождению мальчику делали обрезание (сунэт, Берит Мила). Подрастая, ребёнок постоянно наблюдал проявление караимской ментальности в семье и общине. Первоначальные детские впечатления в дальнейшем закреплялись в религиозных школах.

Обучение мальчиков в религиозной школе начиналось с пяти-шести лет. Такие школы — мидраш — существовали при кенасе. В крупных общинах насчитывалось до десяти общественных и частных школ. Методика преподавания в общественных школах не являлась шедевром педагогики, однако окончившие её ученики свободно владели древнееврейским языком, умели переводить ТаНаХ на караимский, прекрасно усваивали основы религии, были знакомы с важнейшими религиозными сочинениями.

Архаичность методов традиционного народного образования сохранялась до 1860-х гг. — времени получения первыми караимами русского высшего образования. Русской грамоте в школах не обучали, поэтому, чтобы продолжить образование в гимназии или училище, приходилось обращаться к услугам репетиторов или домашних учителей. Желаящие повысить уровень религиозного образования поступали в частные караимские школы или в духовное училище.

Александровское караимское духовное училище было основано в Евпатории лишь в 1895 г., хотя идея создания национального высшего учебного заведения была высказана гахамом С. Бабовичем ещё в 1836 г. Долгие годы ушли на сбор пожертвований и создание фонда для будущей деятельности училища.

Полный курс обучения был рассчитан на семь лет; целью ставилось формирование национальных кадров, подготовка молодёжи на должност-

сти газзанов и вероучителей. Вместе с историей караимов, богословием, этикой, библейской экзегетикой и древнееврейским языком изучали русский язык и словесность, географию, историю, арифметику, геометрию, физику, немецкий язык, чистописание. Культурные предметы преподавали только караимы, общеобразовательные — нередко и иноверцы. Курс училища приравнивался к шести классам гимназии. Это было единственное в мире караимское учреждение, которое целенаправленно вело подготовку газзанов. Выпускники назначались на должности священнослужителей во многих караимских общинах России. Училище просуществовало всего 25 лет и было упразднено советской властью в 1920 г.

Специального духовного сословия у караимов не существовало. Караимская традиция предполагала не только возможность участия каждого мужчины в общественной молитве, но и проведение им храмового богослужения. Фактически каждый мужчина был отчасти подготовлен к священнической деятельности. *«Богослужение может совершать всякий, кто только обладал хорошим знанием древнееврейского языка, языка молитв, опытен в молитвенном ритуале и известен своей доброй нравственностью, независимо от того, будет ли он официальным, утверждённым правительством в звании газзана лицом или нет»*<sup>45</sup>. Честь проводить богослужение, находясь рядом со святыми — алтарём, высоко ценилась караимами. Однако эта же караимская традиция предусматривала чтение определённых молитв в установленные дни и совершение религиозных обрядов только газзанами — требовались соответствующие подготовка и навыки.

Караимская кенаса считается местом, где позволительно думать и говорить только о Боге, поэтому даже устройство храмов и храмовой территории производилось с учётом того, чтобы никто и ничто не могло помешать молитвенному настроению. Здесь существуют требования ритуальной чистоты: омовение, снятие обуви, изоляция женщин. Все эти элементы обрядовости основаны на Писании и не являются заимствованиями.

Кенасы ориентированы алтарём на юг, к Иерусалиму; внутреннее пространство делится на три части. У южной стены, на возвышении, находится алтарь — арон гаккодеш, где хранятся пергаментные свитки Пятикнижия. В средней части помещения — шулхан — располагаются

мужчины. В третьей, привходовой части — мошав зекеним — на скамьях сидят немощные старцы, прихожане, хранящие траур по умершим или те, кто по требованиям ритуальной чистоты не может находиться во второй части и вблизи алтаря. Ритуальная нечистота — тум'а — это состояние, в котором по причинам физического или духовного осквернения человек не может входить в святилище или касаться священных предметов. Над мошав зекеним устроен поддерживаемый колоннами балкон женской галереи с отдельным входом; частая деревянная балконная решётка скрывает лица молящихся женщин.

Украшение кенасы составляют многочисленные ковры, шитые золотом и серебром алтарные и напольные занавеси, лепнина, резьба по дереву, позолота, орнаментальная роспись, обилие люстр, светильников. Антропоморфные изображения категорически запрещены.

Интересно отметить, что внутренние размеры двора евпаторийской кенасы в точности соответствуют размерам переносного храма, указанным в Торе — 60 м в длину и 30 в ширину (100 × 50 локтей).

Установленный порядок общественного богослужения у караимов не позволяет прихожанам отвлекаться на посторонние мысли. Ведущий богослужение газзан или мужчина, получивший право на чтение молитвы (охувчу), поочерёдно с присутствующими читают по одной молитве или несколько стихов из неё. Это чередование требует от каждого присутствующего в храме мужчины постоянного владения ситуацией. Неучастие в общественной молитве рассматривается как осквернение храма и богослужения.

Богослужение у караимов совершается дважды в сутки: утром и вечером. Время его определяется восходом и заходом солнца (в настоящее время выдерживается только время начала вечернего праздничного богослужения).

Молитвы состоят в основном из Псалмов Давида. Тексты Священного Писания, дополняющие Псалмы, хотя и не имеют молитвенного значения, но относятся к определённому дню недели, напоминают о храмовом жертвоприношении, содержат правоучение. Праздничные и субботние молитвы отличаются от будничных большей продолжительностью и множеством духовных песнопений (земер), сочинённых караимскими поэтами в разные времена. Порядок богослужения и чтения молитв в будни, праздники и посты изложен в сиддурах — четырёх молитвенных книгах по обрядам караимов. В сиддурах вместе с мо-



литвами на священном языке — древнееврейском — были также помещены и их переводы на караимский.

Время составления суддуров точно не установлено. Известно только, что в 13 в. Аарон бен Иосеф Гарофе значительно сократил их объём. Изменения порядка молитв и изъятие некоторых земмеров происходило до конца 19 в.

При утреннем субботнем богослужении читается один из 54 разделов Торы (параша) и соответствующий его содержанию отрывок из Книг пророков (гафтара). В обычные субботы Тору читают по печатному экземпляру; в праздники и субботы, выпадающие на разделы Торы, где повествуется о сотворении мира, жертвоприношении Авраама, свидении Иакова, благословении им перед смертью своих сыновей и некоторых других случаях, чтение происходит по рукописному (пергаментному) свитку — Сефер Тора. Рукописный экземпляр Торы считается точной копией оригинала, поэтому караимы приписывают ему больше святости. Чтение его сопровождается особым ритуалом и торжественностью. В кенасе находится несколько экземпляров Сефер Тора.

Статичность религиозной традиции караимизма не позволяет вносить изменения и дополнения в Тору и другие книги ТаНаХа. Поэтому и спустя двенадцать веков после принятия предками крымских караимов этого вероучения у них нет ни одного праздника или поста, не находящего подтверждения в Писании. Исторические события, отмечаемые в Литве (пост в память о чуме 1710 г.), в Феодосии (праздник Ага Тумна), а также в Евпатории (день памяти заложников, расстрелянных после десанта в январе 1942 г.), не канонизированы и несут региональный характер.

Тора предписывает помнить о первом дне месяца Нисан, которым начинается новый религиозный год, но праздновать его не повелевает. Это новолуние, как и все остальные, считается полупраздником.

Постоянным праздником является день субботы, когда запрещаются все виды работ. Разрешена лишь деятельность, направленная на предотвращение угрозы жизни и исполнение долга по защите отечества. Суббота — это день духовного совершенства, праздник для души и тела, он предназначен для молитв в кенасе, изучения Торы и другой религиозной литературы.

Праздники у крымских караимов подразделяются на исторические (Песах, Шавуот, Суккот) и религиозные (Рош гашишана и Йом Кип-

пур). Все исторические праздники приурочены к определённым сельскохозяйственным мероприятиям: ячменной и пшеничной жатве, сбору урожая (для широты Палестины).

Праздник Песах (тюркское название Тымбыл хыджи) длится семь дней с 15 по 21 Нисана и приходится на начало весны. Первый и последний его дни считаются главными, когда запрещается всякая работа, кроме приготовления пищи. Промежуточные дни — полупраздники, в которые следует воздерживаться от тяжёлого физического труда. Суббота перед Песахом называется Великой — в этот день было получено радостное известие об избавлении от египетского рабства. Приготовление к празднеству требует наведения в доме идеальной чистоты, порядка, уничтожение всякой закваски. Неизменные блюда праздничного стола — пресные толстые лепешки и печёный ягнёнок.

Шавуот (Афталар хыджи), Пятидесятница, отмечается на 50-й день от субботы на пасхальной неделе, всегда выпадает на воскресенье. Второе название этого праздника Маттан Тора — дарование Торы. Караймы верят, что именно в этот день Моисею на Синае была дана Тора.

Суккот (Алачык хыджи) — праздник сбора урожая, длится с 15 по 22 месяца Тишри. Первый и последний дни считаются главными, остальные — полупраздниками. В последний день праздника — Симхат Тора — заканчивают ежегодное чтение Торы, возобновляя его в следующую субботу. На дни Суккота в кенасе плодами осеннего урожая украшается специально для этого предназначенная беседка — сукка (куца), где в течение всего праздника после утреннего и вечернего богослужения читаются дополнительные молитвы.

Названия исторических праздников употребляются совместно со словом «хъаг», имеющим то же значение, что и слово «хадж» в арабском языке: поклонение святыне, обхождение кругом. В дни этих праздников все мужчины обязаны посещать кенасу, но не с пустыми руками, а с добровольным даром.

Рош Гашишана (Быргъы куну) отмечается 1 числа месяца Тишри и является Новым гражданским годом (летоисчисление ведётся от Сотворения мира). По-тюркски месяц Тишри называется Айрукъсы-ай — святой месяц, так как в нём отмечаются, помимо Нового года, праздники Йом Кишпур и Суккот, а также пост.

Йом Киппур (Бошатлык) — День прощения, выпадает на 10 число, является религиозным праздником. Суточный пост требует строгого воздержания от пищи и воды и проводится в кенесе в молитвах покаяния. В этот день просят прощения за грехи. Суббота перед Йом Киппуром называется Субботой покаяния.

Пурим (Кыныш) — праздник жребиев. Отмечается 14 и 15 Адара в память божественного спасения от козней язычников израильтян, которым было определено донести другим народам и племенам веру в единого Бога: «*Этот народ Я образовал для Себя; он будет возвещать славу Мою*» (Исайя, 43:21).

Посты у караимов связаны с разрушением Первого Иерусалимского храма и находят подтверждение в книгах ТаНаХа. Это пост 10 Тевета в память об осаде Иерусалима (Иеремия, 52:4–5); пост 9 Таммуза в память о разрушении Иерусалимской стены (Иеремия, 52:6–11); пост 7 и 10 Ава в память о сожжении и разрушении Иерусалимского храма (Иеремия, 52:12; II кн. Царств, 25:8); пост 24 Тишири (пост Гедалии) о совершенных грехах (Неемия, 9:1–3).

Даты праздников и постов у караимов устанавливаются по лунному календарю, основанному на 19-летнем цикле. Новый месяц начинается со дня, когда молодую луну можно увидеть невооружённым глазом. В настоящее время новолуние определяется по календарю Ю. Кокизова, составленному до 2440 г. Количество месяцев составляет 12 в простом и 13 в високосном году. Для приведения в соответствие лунной и солнечной систем исчисления в 19 годах цикла семь лет високосные. Наряду с указанным циклом крымские караимы использовали и 12-летний цикл с общепринятыми на Востоке названиями животных — отголосок древнего тюркско-монгольского календаря<sup>46</sup>. Библейским названиям месяцев соответствуют тюркские:

Библейские названия	Тюркские названия	Перевод
1. Тишири	Айрукъсы-ай	Святой месяц
2. Хешван	Куз-ай	Осенний месяц
3. Кислев	Согъум-ай	Месяц заготовки мяса на зиму
4. Тевет	Къыш-ай	Зимний месяц
5. Шеват	Къаракъыш-ай	Месяц лютой зимы
6. Адар	Суйунч-ай	Радостный месяц

7. Адар-2	Артык-ай	Лишний месяц (в високосном году)
8. Нисан	Артарык-ай	Месяц истощения продуктовых запасов
9. Ияр	Къурал-ай	Месяц уборки сена
10. Сиван	Башкъускъан-ай	Месяц, когда колосятся посеы
11. Таммуз	Йаз-ай	Летний месяц
12. Ав	Улаг-ай	Месяц молодняка (коз, ягнят)
13. Элул	Чурук-ай	Гнилой месяц (выгорает трава)

Названия месяцев на караимском языке позволяют сделать вывод о возникновении их уже в оседлый период.

\* \* \* \* \*

В Крыму у караимов вплоть до начала 19 в. прослеживалось чёткое разделение власти на административную и духовную. Возглавлявший крымских караимов светский лидер в разные периоды истории носил титул сар, наси, ага, челеби, а духовными делами народа ведал гахам. В 1837 г. вышло Высочайше утверждённое положение о Таврическом караимском духовенстве, по которому гахам возглавил священнослужителей в Таврической губернии и Одессе. Упразднение светской должности связано с тем, что главой всех народов являлся император. В России гахам был одновременно и духовным лидером, и политическим представителем караимов; избирался он всенародно, как правило, из национальной элиты и занимал эту должность пожизненно. Местом его жительства определялась Евпатория. Гахам и другие духовные лица (газзаны, шаманы) приводились к присяге, причём её текст писался на русском, древнееврейском и караимском языках. Занимающие у караимов духовные должности на время их исполнения освобождались от всяких податей и повинностей. Деятельность гахамов в основном была направлена на улучшение благосостояния народа, открытие новых храмов, училищ, школ, библиотек, приютов, заботу о сохранении преж-

них привилегий и получение новых. Духовный лидер постоянно следил за тем, чтобы религиозная обрядовость соответствовала издавна утверждённым нормам, а нововведения не противоречили исторической традиции и заповедям Торы. Ежегодно гахам рассылал в караимские общины формуляр, где указывались обязательные для чтения в субботные и праздничные дни молитвы. В конце каждого года за подписью гахама в Департамент духовных дел иностранных исповеданий поступали сведения о количестве родившихся, умерших и сочетавшихся браком. В вопросах управления караимскими общинами гахам совещался с газзанами евпаторийской кенасы. Этот совещательный орган назывался Таврическим караимским духовным правлением. В периоды, когда должность гахама была свободной, её исполняли старшие газзаны евпаторийской кенасы (С.М. Нейман, Б.С. Ельяшевич).

Несмотря на то что никто из утверждённых гахамов не оставил глубоких исследований по караимской религии, все они были людьми образованными, ревностно хранили религиозные традиции народа, в совершенстве владели священным языком, играли заметную роль в общественной жизни края. В праздники, знаменательные дни, торжественные моменты посещения караимских храмов русскими царями гахамы лично проводили богослужение.

Гахамами у караимов Крыма в хронологическом порядке были: Хаджи Ага Сима Бабович, Хаджи Ага Бабакай Бабович, Самуил Моисеевич Пампулов, Хаджи Серайа Шапшал. Избранный гахамом в 1915 г. С. Шапшал вынужден был эмигрировать в Стамбул в 1920 г. После избрания Шапшала гахамом Речи Посполитой в 1928 г. он переехал в Литву. В конце того же года вместо термина «гахам» вводится обращение «гахан».

На рубеже 19–20 вв. в жизни крымских караимов наступил заметный социально-культурный подъём. Строятся величественные здания кенас в Киеве (1900–02), Харькове (1891–93), Бердянске и Симферополе (1891–96). В Евпатории открываются духовное и два ремесленных училища, музей, национальная библиотека, приют для стариков, детский сад, действуют фонды оказания помощи малоимущим, проходят национальные съезды, публикуются переводы классиков русской литературы и оригинальные светские произведения на родном языке.

Однако приобщение к общеевропейской и русской культуре, переезд в столичные и крупные города России, удаление от духовного цент-

ра и исторической родины негативно повлияли на сохранение самобытности, языка, религиозных традиций и обычаев караимского народа. Это не могло не вызвать тревогу у людей дальновидных:

*«Религиозно-правственное воспитание, на что прежде караимы смотрели как на предмет первой важности, теперь, к великому сожалению, отодвигается у нас на задний план и составляет больное место в нашем организме. Да, в последнее время обстоятельства сложились так, что наше подрастающее юное поколение, образуясь в казённых учебных заведениях, стало в большинстве случаев за весьма счастливыми редкими исключениями игнорировать догматы своей веры и этики, имеющей связь с учением нашего Божественного закона. Оно ровно ничего не знает, не понимает и не смыслит по части своей родной письменности, в которой кроме других общенаучных сведений излагаются как есть все доктрины караимского вероучения и в которую вложили свои духовные силы самые выдающиеся классические мыслители, знатоки и специалисты караимского народа»<sup>47</sup>.*

Эта же проблема рассматривалась на заседании Первого национального общекараимского съезда в Евпатории в ноябре 1910 г.

События Первой мировой войны, революции, гражданской войны, период становления советской власти в Крыму привели к необратимым процессам в жизни караимов, значительному сокращению их численности вследствие гибели на фронтах, террора и эмиграции. Все караимские учреждения в Крыму были закрыты. Слабым отблеском надежды явилось открытие Малой кенасы в Евпатории в период немецкой оккупации — храм действовал с 1942 по 1959 г. Религиозная, общественная и культурная жизнь караимов полностью замерла. Единственной великодушной привилегией осталось сохранение указания национальности в паспортах.

Примером сохранения в то трудное время конфессиональных и народных традиций может служить история караимов украинского Галича. До начала 1960-х гг. — времени закрытия кенасы — Галич оставался ярким очагом караимской духовности. Но и после того, как был закрыт, а впоследствии и уничтожен храм, религиозная жизнь караимов-галичан не угасла. По субботам молились на квартирах, отмечали праздники и соблюдали посты; после смерти газзана молитвы звучали в магнитофонных записях. Между собой общались только на караимском

языке, и до настоящего времени все караимы в Галиче свободно им владеют. Эта верность традиции сохранена и ныне, несмотря на крайнюю малочисленность общины.

При закрытии кенасы в Галиче караимы разместили у себя дома всё храмовое имущество, в том числе и алтарь. В течение 35 лет оно бережно сохранялось, а в 1994 г. было передано караимской общине Евпатории и продолжает успешно служить людям<sup>48</sup>.

Перестройка вдохнула надежду на возрождение культуры, языка, религии. Однако желающие приобщиться к духовному и культурному наследию караимы обнаружили, что большинство источников недоступны из-за своей малочисленности или написания их буквами еврейского алфавита (вся религиозная литература).

В настоящее время в Евпатории, в единственной на территории СНГ действующей кенасе ежесубботне на молебен собирается до сорока человек, организованы благотворительные завтраки, открыт этнографический музей и воссоздана караимская библиотека, действуют детский образцовый фольклорный ансамбль «Фидан» и кафе национальной кухни «Караман», отремонтирован храмовый комплекс; медленно, но успешно идёт восстановление соборного храма — Большой кенасы; за счёт внутренних резервов общины оказывается помощь больным, малоимущим и пенсионерам. В 2002 г. здесь был издан караимский молитвенник на русском и караимском языках — впервые за 15 лет перестройки и за истекшее столетие<sup>49</sup>.

\* \* \* \* \*

Нынешний период духовного упадка — не первый в истории караимов Крыма. Нечто подобное, с меньшей степенью трагичности, происходило в конце 15 в. Прибывший из Персии караим Синан Ходжа застал своих единоверцев в жалком состоянии — почти утратившие свою религию, они даже не представляли, насколько близко подошли к краю глубочайшей духовной бездны. Для спасения караимов Синан Ходжа решился на применение крайне непопулярных мер: силой принуждения всех собрали в крепости Кырк Йёр, ворота которой закрыли на неопределённый период. На свои средства Синан учредил десять школ, заставив и старца и юношу посещать эти учебные заведения. Содержание всех караимов он принял на свой счёт. Через шесть месяцев сказалось благотворное влияние обучения, и многие могли уже самостоятельно

читать молитвы в храмах. С тех пор отцы строго начали следить за обучением и религиозно-правственным развитием своих сыновей.

В настоящее время история предлагает караимам Крыма сделать судьбоносный выбор: возвратиться к истокам духовности своего народа или принять суррогатную замену её. Последствия любого из действий можно выразить словами караимского поэта из Галича Захария Абрагамовича:

Я был караимом, я есть караим  
И хочу умереть караимом.  
Караимства я не стыжусь,  
Свою веру не покидаю.  
Кто веру свою забросал камнями,  
И родной язык позабыл —  
Тот не человек,  
А животному угодился\*.

Честный образ жизни караимов прошлого всегда вызывал уважение окружающего населения и напрямую связывался с исповедуемой ими религией. Польский путешественник 19 в., познакомившись с караимами в Крыму, писал о них следующее: *«Воспитанные в духе Библии, отличаются благородным характером, проявляют терпимость ко всем и в своих семьях сохраняют смиренное, патриархальное достоинство, добросовестность и честность»*<sup>50</sup>. История сохранила много подобных отзывов о крымских караимах, где бы они ни проживали.

Но не только добродетелью славились караимы. Язык их молитвенников признан прекрасным образцом чистоты языка Библии, плоды интеллектуального труда и ныне вызывают интерес в научном мире, а достижения караимских философов подчёркиваются европейскими учёными. Сочинение караимского теолога 16 в. Исаака Троки «Укрепление веры» было издано в Западной Европе, привлекло внимание французских энциклопедистов, в первую очередь Вольтера. Интерес к караимским текстам религиозного содержания проявился среди европейского протестантизма<sup>51</sup>. В 19 в. в Евпатории были изданы все основополагающие труды караимских авторов по библейской экзегетике, философии, гражданскому и религиозному праву, священному языку.

Будет ли продолжена эта традиция в 21 в.?

---

\* Перевод автора статьи.



<sup>1</sup> *Дашкевич Я.* Миграція караїмів у Русь-Україну та Литву (IX–XIV ст.) // *Караїми Галича: історія та культура. Матеріали міжнародної конференції.* Львов, 2002.

<sup>2</sup> *Мусаев К.М.* Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М., 1964.

<sup>3</sup> *Шапшал С.М.* К вопросу об этногенезе крымских караимов. Рукопись.

<sup>4</sup> *Претц Г.* История евреев. Т. V. СПб., 1883. С. 160.

<sup>5</sup> Цит. по: *Ситани Н.О.* История возникновения и развития караизма. Ч. II. СПб., 1889. С. 24.

<sup>6</sup> *Претц Г.* Указ. соч. С. 160–161.

<sup>7</sup> Там же. С. 163.

<sup>8</sup> *Dubinski A.* *Karaïmica.* Warszawa, 1994.

<sup>9</sup> *Кёстлер А.* Тринадцатое колено. СПб., 2001. С. 75.

<sup>10</sup> Там же. С. 60.

<sup>11</sup> Там же. С. 82.

<sup>12</sup> Там же. С. 81.

<sup>13</sup> В подтверждение этому можно привести некоторые фамилии крымских караимов: Алани — из алан, Алан-бий — аланский князь, Комэн — половчанин, Черкез — черкесец, Калмук — калмык, Карабаджнак — чёрный печенег, Нэйман — из найманов, Арслан — лев, Бота — верблюжонок, Бору — волк, Чалбору — серый волк, Савускан — сорока и др.

<sup>14</sup> В письме хазарского царя Иосифа (*Кокорцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932) при перечислении местностей западной границы Хазарии — в основном крымских, после названия Ман-куп (Мангуб-Кале в Крыму) следует название Борк, местонахождение которого не определено. Как один из вариантов прочтения этой записи русский семитолог Гаркави предложил Курк, а местность, по его мнению, следует искать не в Крыму, а на Таманском полуострове. Однако это слово можно прочесть и как Кырк — местность, находящаяся в 15 км от Ман-куп. Тот факт, что в перечне прибрежных местностей находятся две сухопутные крепости, можно объяснить желанием произвести большее впечатление от своей военной мощи.

<sup>15</sup> *Шапшал С.М.* Караимы и Чуфут-Кале в Крыму. СПб., 1896.

<sup>16</sup> *Шапшал С.М.* О языке хазар. Рукопись.

<sup>17</sup> *Баскаков Н.А.* Тюркские языки. М., 1960. С. 11.

<sup>18</sup> Караимско-русско-польский словарь. М., 1974. С. 6.

<sup>19</sup> *Мусаев К.М.* Указ. соч. С. 8.

<sup>20</sup> *Кёстлер А.* Указ. соч. С. 151.

<sup>21</sup> *Мусаев К.М.* Указ. соч. С. 24.

<sup>22</sup> *Шапшал С.М.* История караимов-тюрков в Крыму, Литве и Польше. Рукопись.

<sup>23</sup> *Zajęzkowski A.* The Problem of the Language of the Khazars. Breslau, 1946.

<sup>24</sup> רדק וושלל שדק וושלמ מירופכה מוי רקבו ברעל מיטיפו תונהת סוגרת Вильна, 1892. С. 3. (Редакция Исаака Султанского).

<sup>25</sup> ТаНаХ — аббревиатура трёх разделов Ветхого Завета — Тора (Пятикнижие), Нэвиним (Пророки), Хэтувим (Писания, Агиографы).

<sup>26</sup> *Шапшал С.М.* История караимов-тюрков...

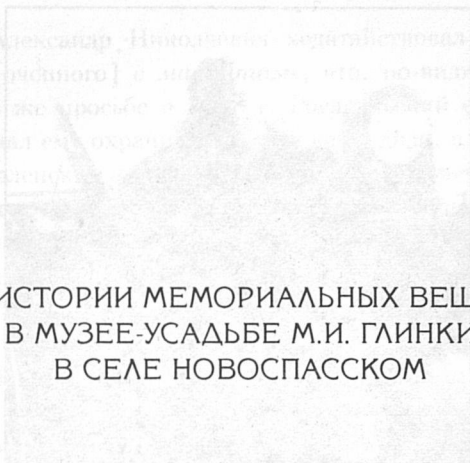
<sup>27</sup> *Тиряки В.* Некоторые особенности караимского перевода Декалога в издании Та-НаХа 1841 г. Доклад на караимской конференции. Варшава, 2002.

<sup>28</sup> *Шапшал С.М.* История караимов-тюрков...

<sup>29</sup> *Самойлович А.Н.* К вопросу о наследниках хазар и их культуры. Избранные труды о Крыме. Симферополь, 2000. С. 173.

<sup>30</sup> Крымчаки — малочисленный народ Крыма, последователи ортодоксального иудаизма. Родной язык крымчаков относится к тюркской группе.

- <sup>31</sup> *Полжанов А. И.* Крымские караимы. Рукопись.
- <sup>32</sup> *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. С. 187.
- <sup>33</sup> *Шапшал С. М.* История караимов-тюрков...
- <sup>34</sup> *Щедровицкий Д. В.* Введение в Ветхий Завет. М., 2001. С. 8.
- <sup>35</sup> Таргум ТаНаХ. Евпатория, 1841.
- <sup>36</sup> Караимско-русско-польский словарь... С. 685.
- <sup>37</sup> *Гордлевский В. А.* Лексика караимского перевода Библии // Доклады Академии наук СССР. № 5. Серия В. Л., 1928.
- <sup>38</sup> *Дубинский А.* Караимские женские имена в Крыму и их семантико-этимологический анализ // Советская тюркология. № 4. Баку, 1979. С. 37.
- <sup>39</sup> *Алексеев В.* Предки тюркских народов // Наука и жизнь. № 5. 1971.
- <sup>40</sup> *Лебедева Э. И.* Рецепты караимской кухни. Симферополь, 1992.
- <sup>41</sup> Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. № 5–6. Евпатория, 1917.
- <sup>42</sup> *Дуван Я.* Катихизис, основы Караимского Закона. СПб., 1890. С. 63–65.
- <sup>43</sup> *Щедровицкий Д. В.* Указ. соч. С. 924.
- <sup>44</sup> *Гретц Г.* Указ. соч. С. 8–9.
- <sup>45</sup> Караимская жизнь. М., 1911. № 3–4. С. 79.
- <sup>46</sup> Календарь до 1901 года. Евпатория, 1859.
- <sup>47</sup> *Прик С.* Беседы о караимстве. Одесса, 1902.
- <sup>48</sup> *Тирияки В.* Сохранение религиозных традиций караимов Галича на рубеже XX–XXI вв. // Караїми Галича: історія та культура. Матеріали міжнародної конференції. Львів, 2002.
- <sup>49</sup> *Тирияки В.* Сборник субботних вечерних и утренних молитв по обряду крымских караимов. Евпатория, 2002.
- <sup>50</sup> *Nowosielski A.* Stepy, morze i gory. Wilno, 1854.
- <sup>51</sup> *Dubinski A.* Указ. соч. С. 59.



М.В. ИВАНОВ

## К ИСТОРИИ МЕМОРИАЛЬНЫХ ВЕЩЕЙ В МУЗЕЕ-УСАДЬБЕ М.И. ГЛИНКИ В СЕЛЕ НОВОСПАССКОМ

Уникальную часть собрания музея-усадьбы «Новоспасское» составляет комплекс мемориальных вещей М.И. Глинки. Возможностью видеть и изучать их в значительной мере мы обязаны племяннику композитора оперному и камерному певцу и педагогу Александру Николаевичу Глинке-Измайлову, со дня рождения которого 30 июля 2006 г. исполнилось 150 лет. Этот повод позволяет нам ещё раз обратиться к периоду жизни Глинки-Измайлова в Рославле, когда, собственно, и состоялось музейное обретение основного массива меморий композитора.

В.И. Склеенова уже не раз писала об обстоятельствах музеефикации указанного комплекса, история которого была предметом её исследования<sup>1</sup>. Ни в коей мере не ставя под сомнение сложившуюся с подачи этого исследователя интерпретацию указанных обстоятельств, позволим себе внести в неё некоторые, на наш взгляд, существенные уточнения. Сразу оговоримся, что наше внимание будет сосредоточено лишь на вещах, в 1928 г. поступивших в Смоленск из Рославльского музея.

Источниками, послужившими основой предлагаемого сообщения, стали выявленные нами в Государственном архиве Российской Федерации письма Глинки-Измайлова своим знакомым, в том числе деятелям культуры, написанные им в рославльский период жизни, а также ряд других документов того времени.

Одним из корреспондентов Глинки-Измайлова был Леонид Витальевич Собинов, с которым Александра Николаевича, судя по всему, свя-



*Александр Николаевич Глинка-Измайлов (1856–1941).*

Из книги: Реликвии М.И. Глинки. Каталог / Авт.-согг. В.И. Склеенова.

Смоленск, 2006

зывали давние дружеские узы. Известно, что выдающемуся тепору были адресованы, по крайней мере, два письма из Рославля (от 5 и 17 июля 1923 г.), лейтмотивом которых были обеспокоенность племянника композитора за сохранность ранее переданных им в Рославльский музей вещей его именитого дяди и надежда на их перемещение в какое-то иное, более подходящее для хранения подобных материалов учреждение.

Наиболее интересным из писем является второе, дошедшее до нас в недатированной машинописной копии. В нём Глинка-Измайлов рассказывает о том, как расстался с семейными реликвиями, подчёркивая, что если бы в 1918 г. он сам добровольно не заявил о них «хранителю всех музеев в Москве», «то никто бы не знал о вещах Глинки». В связи с невозможностью в тот момент по состоянию здоровья и из-за отсутствия материальных средств переслать эти предметы в Московскую консерваторию, как это было предложено ему Музейным отделом

Наркомпроса, Александр Николаевич ходатайствовал о присылке к нему «*уполном[оченного] с мандатом*», что, по-видимому, не было сделано. По его же просьбе в 1918 г. Рославльский отдел народного образования выдал ему охранный лист на вещи дяди, в 1919 г. продублированный Смоленским губподотделом по делам музеев и охране памятников. На основании этих документов Глинка-Измайлов стал хранителем указанных ценностей<sup>2</sup>, что нашло своё подтверждение в ещё одном документе — акте, составленном 3 октября 1919 г. заведующим Рославльской секцией охраны памятников искусства и старины С.М. Соколовским в присутствии представителя Рославльского Союза молодёжи Д.Д. Григорьева и Д.И. Ривкина-Измайлова.

К акту, на обороте которого имелось предупреждение о запрете вывоза этих вещей без согласия Смоленского губподотдела за пределы губернии, прилагалась опись предметов<sup>3</sup>. Отметим, что копии обоих документов, выявленные нами также в Государственном архиве Российской Федерации, попали туда, вероятно, из Московского отдела народного образования, куда их сразу по составлению прислал сам Глинка-Измайлов<sup>4</sup>. Аналогичные акт и опись (по-видимому, подлинники), хранящиеся в Государственном архиве Смоленской области, были опубликованы В.И. Склеповой.

Оставив на время письмо к Собинову, обратимся к тексту описи. Разница между московским и смоленским экземплярами этого документа заключается в том, что в смоленской «Описи» указаны 42 вещи, когда-то принадлежавшие Глинке, а в московском — 44.

опись ГАСО	опись ГАРФ
<...> 7. Складной подзеркальный столик из красного дерева.	<...> 7. Складной подзеркальный столик из красного дерева <...>.
<u>Фаянсовая столовая посуда работы Киевских заводов со штем-пелем на дне «Киев. 1832».</u>	8. <b>Фаянсовая столовая посуда работы Киевских заводов со штем-пелем на дне «Киев 1832 г.»</b>

- 8–9. Два овальных блюда. На дне четыре коровы, телёнок, пастух, пастушка.
9. Овальное блюдо <...>: на дне <...> штриховой рисунок четырёх коров, телёнка, пастуха и пастушки.
10. Овальное блюдо с таким же рисунком <...>.
- <...> 40. Оригинал программы торжеств открытия памятника в Смоленске 20 мая 1885 г.
- <...> 41. Оригинал программы торжества открытия памятника в Смоленске 20 мая 1885 г.
42. Оригинал программы 50-летнего юбилея оперы «Жизнь за царя». 1842–1892 в раме <...>
41. Гипсовый бюст Глинки с кронштейном из дерева.
43. Гипсовый бюст Глинки с кронштейном из дерева.

Таким образом, начиная с № 8 нумерация московской описи опережает на одну единицу порядок смоленской, который, в свою очередь, с № 41 ещё раз отстаёт на одну позицию. Сравнивая списки можно предположить, что в первом случае изготовленная в Киеве посуда из фаянса — это всё-таки название следующей затем группы предметов, а не самостоятельная единица описи, и персональный № 8 ей, по-видимому, присвоили по рассеянности при переписке. Почему в смоленской описи отсутствует программа 50-летнего юбилея оперы «Жизнь за царя», имеющаяся в московском варианте, остаётся загадкой<sup>5</sup>. Отметим, что и в письме Л.В. Собинову, и в хранящемся в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея отчёте Рославльского музея за 1925/26 гг., куда вскоре поступили указанные вещи Глинки, их количество неизменно составляет 44 предмета<sup>6</sup>.

Вновь обратимся к письму Глинки-Измайлова Собинову, где Александр Николаевич сообщает своему влиятельному другу о том, что в ноябре 1919 г. ему по неизвестной для нас причине пришлось покинуть ранее занимаемую им «хорошую и удобную квартиру и перейти в одну комнату». Поясним, что по всей вероятности речь шла о переезде

де Глинки-Измайлова из дома Н.И. Иевлева, находившегося в Рославле на улице Окновой, в дом некоего Козлова, расположенный в том же городе по адресу: Обозный переулок, 23 (добавим, что нам известен ещё один рославльский адрес Александра Николаевича, в какой-то период своей жизни проживавшего в районе Заречье, в доме Ракочевских). Именно это обстоятельство, по собственному признанию Александра Николаевича, принудило его передать семейные реликвии до их отправки в Москву на временное хранение в Рославльский музей<sup>7</sup>.

Приписка на обороте московского варианта описи вещей М.И. Глинки сообщает, что указанное событие произошло тогда же в ноябре 1919 г.<sup>8</sup>, а не в 1920 г., как предположила В.И. Склеснова в своей первой статье<sup>9</sup>. Прочитируем дословно этот короткий текст: *«Вышепоименованные вещи принял от А.Н. Измайлова на временное хранение в Рославльский музей. Сер[гей] Соколовский. Сдал А.Н. Измайлов, 19/XI — 1919 года. Рославль»*. Ниже имеется ещё одна сделанная немногим более чем через три недели приписка: *«Со времени*



*Сергей Михайлович Соколовский (1860–1927).*

Из книги: Российская музейная энциклопедия. Т. 2. М., 2001

*передачи вещей Глинки в Музей г. Рославля ответственность за их сохранность с Александра Николаевича Измайлова слагается. 1919 г. 12 декабря № 2085 I*». Заверяют это утверждение подписи заведующих отделом народного образования, внешкольным подотделом, музеем и управляющего делами<sup>10</sup>.

Возвращаясь к анализу текста письма Собинову отметим, что в нём Глинка-Измайлов, будучи уже пожилым и крайне нездоровым человеком, жалуется Леониду Витальевичу на своё ухудшившееся самочувствие и отсутствие средств на лечение и вообще на жизнь *«по случаю небывалой дороговизны»*, справедливо пеняя на полное равнодушие к нему, *«единственному оставшемуся в живых родному племяннику, старшему в роде М.И. Глинки»*, со стороны государства. О степени бедности, в какой оказался этот человек, из последних сил пробавлявшийся уроками, свидетельствует его робкое признание Собинову в том, что *«приходится продавать вещи и видеть, что в конце концов предстоит полная нищета и м[ожет] б[ыть] голодная смерть»*. Вот почему Александр Николаевич решил обратиться к заведующему Рославльским музеем С.М. Соколовскому с просьбой о возврате ранее взятых у него на временное хранение вещей знаменитого композитора *«для продажи»* или об уплате ему за них соответствующей суммы *«виду <...> крайней нужды»*.

Здесь настал черёд прояснить характер отношений, сложившихся между Глинкой-Измайловым и Соколовским. Они не всегда были тёплыми, как это можно заключить, прочитав статью В.И. Склееновой. Какими они являлись на самом деле, лучше всего свидетельствует письмо самого Александра Николаевича:

*«Зав[едующий] Росл[авльским] музеем С.М. Соколовский относился ко мне очень хорошо, по-дружески, как будто действовал в моих интересах и понимал моё критическое положение, но когда я стал хлопотать о возвращении вещей Глинки, то он стал мне противодействовать всюду, в Отд[ел] Нар[одного] Обр[азования] в Исполком, забегая заранее и прося мне отказывать в моей просьбе, указывая на то, что вещи Глинки были национализированы, и поэтому я потерял право распоряжаться ими. Он не обратил даже внимание на присланное ему извещение из Смол[енского] Губмузея (в ответ на моё заявление), по которому ему предоставлялось сообщить своё заключение относительно выдачи вещей их*



владельцу (т.е. мне) или оставлении их на хранении в музее, или же приобретении их Рос[лавльским] УОНО для музея. Вместе с тем Губмузей предложил ему сделать оценку, которую произвести с участием представ[ителей] РКИ и УОНО. В Исполкоме мне сказали, что я честно поступил, заявив о вещах Глинки, и что они немедленно будут выданы по требованию из Москвы. С[околовский] оказался двуличный и бездушный человек. Как невыносимо тяжело разочаровываться в людях»<sup>11</sup>.

Отметим, что как раз в 1923 г., в пору, когда Глинка-Измайлов, претерпевая наибольшие мытарства, совершал свои круги по чиновничьим инстанциям Рославля, некогда принадлежавшие ему вещи родоначальника отечественной классической музыки по распоряжению уисполкома были «зачислены в инвентарь» Рославльского музея<sup>12</sup>, то есть, выражаясь современным языком, переведены в основной фонд музейных предметов. Вряд ли это было простым совпадением.

Кстати говоря, до того как произошла эта не очень красивая история, Александр Николаевич по-доброму сотрудничал с Рославльским музеем, время от времени даря этому только что созданному учреждению те или иные предметы, пусть и не в полной мере имевшие отношение к имени его дяди. Так, осенью 1919 г. он передал туда четыре бронзовые медали и два жетона из того же металла, отчеканенные в память проведённых в 1882 и 1891 гг. в Москве и в 1896 г. в Нижнем Новгороде выставок. Тогда же благодаря Александру Николаевичу музей обрёл экземпляр изданного им к 100-летию со дня рождения М.И. Глинки сборника «Музыка — душа моя»<sup>13</sup>. Даже в злосчастном 1923 г. Глинка-Измайлов успел подарить музею две раскрашенные гравюры, на одной из которых был запечатлён Пётр I, а на другой — Екатерина II<sup>14</sup>.

Нельзя не отметить и то, что тем 44 реликвиям, изначально не предназначавшимся Рославльскому музею и, тем не менее, включённым в его основной фонд без ведома Александра Николаевича, предшествовал значительно более скромный, но как раз именно этому музею адресованный и как нельзя более соответствовавший его не слишком высокому в тот момент уровню дар гражданки О.А. Котовой-Измайловой, по-видимому, дочери Александра Николаевича. Осенью 1919 г. она презентовала музею наряду с двумя памятными бронзовыми жетонами, не связанными с именем композитора, гравированный портрет

её деда, М.И. Глинки, и когда-то принадлежавший ему же бокал<sup>15</sup>. Таким образом, скромный провинциальный музей, если того требовали чьи-то амбиции, вполне мог создать небольшую камерного характера экспозицию, посвящённую М.И. Глинке, построив её не на чужих, а на собственных, в том числе и некоторых мемориальных, предметах. Отметим, что для Рославля, не являвшегося ни родиной М.И. Глинки, ни хотя бы местом, как-то отмеченным на своеобразной глинковской карте, этого было бы вполне достаточно. Соколовский же и местные власти решили поступить иначе, по сути присвоив то, что им доверили лишь на время.

Конечно, такое положение дел не могло благотворно сказаться на здоровье и самочувствии Глинки-Измайлова, который из-за безденежья не имел возможности уехать из ставшего для него невыносимым Рославля, где к тому времени он *«как бы на ссылке»* проживал уже около пяти лет<sup>16</sup>. В своём более раннем (от 5 июля 1923 г.) и ещё не цитированном нами письме Собинову Александр Николаевич высказал намерение как репатриант уехать в Польшу, где проживала его дочь, вышедшая замуж за поляка<sup>17</sup>. Однако, как показали дальнейшие события, ему так и не удалось исполнить этот замысел.

Уже поздней осенью всё того же 1923 г. (точнее, 7 ноября) Глинка-Измайлов написал письмо своему неустановленному знакомому, некоему Ювеналию Митрофановичу, где поделился планами уехать в Москву, попутно в мрачных красках описав собственное существование в Рославле:

*«Я послал в отдел по Делах музеев при Главнауке Наркомпроса дополнительное заявление, прося убедительно <...> предоставить мне в Москве в пожизненное владение комнату, зная, что отдел Музеев располагает домами, как напр., на Никольской улице в бывшем Богоявленском монастыре.*

*Здесь в Рославле мне приходится за комнату и дрова платить миллиарды, а заработка в настоящее время никакого. Трудно представить себе, в какой я живу обстановке, правда, комната спяная, но кругом непролазная грязь.*

*На тесном дворе хозяйский скот — коровы, свиньи, коза: это скотный двор или вернее, извините за выражение, помойная яма. На свежего человека производит удручающее впечатление. Я терпел эту пытку более 5-ти лет, но теперь чувствую, что далее не хватит у меня сил и необходимо находить выход из этого ужас-*

ного положения, тем более, что здесь я живу в полном одиночестве, оторванный от близких людей и от всего музыкального мира, а музыка для артиста его жизнь.

В Москве у меня дочь, которая всегда может за мной приехать, дорогие любимые друзья и добрые знакомые»<sup>18</sup>.

Однако и этому намерению немолодого певца, по крайней мере, тогда не суждено было сбыться.

Пытаясь как-то устроить оставшуюся часть своей жизни, Глинка-Измайлов одновременно не переставал хлопотать о том, чтобы оказавшиеся в Рославльском музее вещи М.И. Глинки всё-таки попали в какой-либо столичный музей — или при Большом театре, или при консерватории, поскольку, по его словам, в Москве *«ничего не сделано в память великого композитора»*. Для положительного решения этого вопроса Александр Николаевич, как уже отмечалось, и обращался дважды к Собинову в расчёте заручиться его влиянием на А.В. Луначарского<sup>19</sup>. Почему-то думается, что выйти на всесильного в вопросах культуры Наркома просвещения тогда так и не удалось. Из ЦК Всесоюзного Профессионального Союза работников искусства (ВСЕРАБИС), куда Леонид Витальевич, очевидно, передал полученные им из Рославля письма, на основании почеркнутой в них информации 13 сентября 1923 г. было направлено соответствующее отношение в Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины, где, собственно, и должна была быть поставлена окончательная точка в этом деле.

Однако сотрудники указанного ведомства, не разобравшись, *«о каких именно вещах композитора М.И. Глинки идёт речь»*, сами обратились к А.Н. Глинке-Измайлову, а заодно и вновь во ВСЕРАБИС, с просьбой *«дать в возможно непродолжительном времени все необходимые сведения по возбуждённому <...> вопросу»*, который, судя по автографу на послании Александру Николаевичу, под непосредственный контроль взяла сама Наталья Ивановна Троцкая<sup>20</sup>. Глинка-Измайлов оперативно откликнулся на столь высокий запрос, сообщив в музейный отдел Главнауки, по-видимому, исчерпывающие сведения о некогда имевшихся у него раритетах. В своём ответе, датированном 6 октября 1923 г., он, в частности, указал, что эти реликвии можно было бы передать в театральный музей имени А.А. Бахрушина. Руководство последнего не заставило себя долго ждать с ответом, и уже 10 октября того же года на соответствующем заявлении Александра Николае-

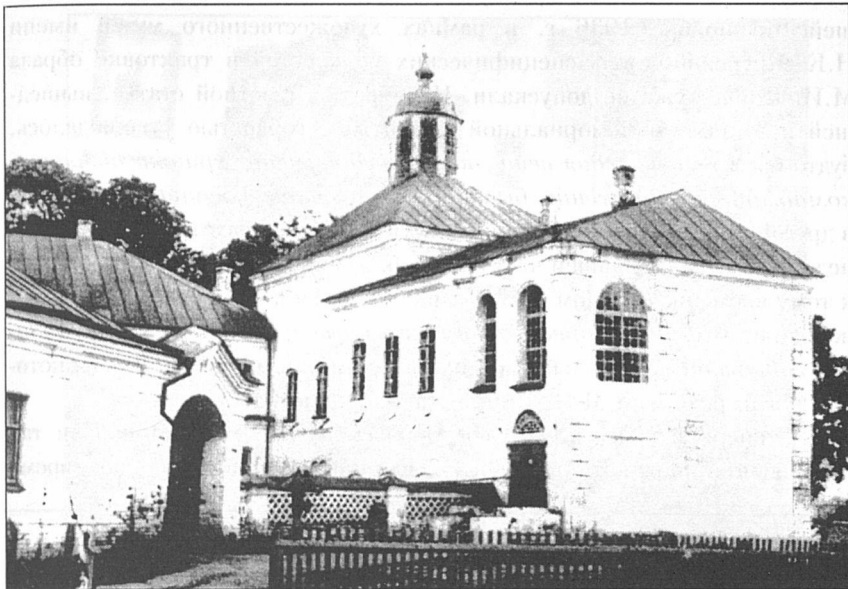
вича появилась виза директора театрального музея «*о желательности получить эти вещи*»<sup>21</sup>. Но что-то тогда, очевидно, не получилось, и всё осталось по-прежнему. Несколько позднее специальным отношением Рославльскому музею о своём намерении стать обладателем реликвий М.И. Глинки заявил Пушкинский Дом в Ленинграде.

А что же Рославльский музей, так, прямо скажем, вероломно завладевший этими вещами? Казалось бы, глинкаевские мемории отныне раз и навсегда должны были бы стать визитной карточкой этого учреждения, за которые так неистово боролся его заведующий С.М. Соколовский. Не прошло, однако, и трёх лет, как в уже упоминавшемся отчёте за 1925/26 г. никто иной, как сам Сергей Михайлович заявил: «*Имущество Глинки в количестве 44-х экспонатов не представляет интереса для музея и передаётся в Смоленский музей, в котором возникает комната композитора*»<sup>22</sup>.

Дальнейшее хорошо известно. В сентябре 1928 г., выполняя постановление Смоленского губисполкома, Борис Сергеевич Соколовский, возглавивший на короткое время после смерти отца Рославльский музей, передал это самое «имущество» Смоленскому государственному областному музею. Данное решение можно только приветствовать, поскольку, останься эти вещи в Рославле, они наверняка были бы утрачены в годы немецкой оккупации. Ведь все районные музеи Смоленщины, включая Рославльский, во время Великой Отечественной войны погибли.

С открытием в Смоленске на материалах, полученных из Рославльского и Ельнинского музеев, экспозиции, посвящённой Глинке, все притязания на реликвии композитора со стороны других музеев страны вроде бы сами собой должны были прекратиться. И, действительно, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. подобный интерес к вещам Михаила Ивановича сели и не исчез, то заметно убавился. Вновь спровоцировали его сами же смоленские музейщики.

В декабре 1935 г. инспектор музейного отдела Наркомпроса Н.Н. Поздняков, проводивший обследование Западного областного государственного музея, констатировал, что материалы М.И. Глинки переданы «*в Историко-революционный отдел музея, где его хотят показать как помещика Смоленской губернии с его эксплуататорской ролью по отношению к трудящемуся крестьянству*»<sup>23</sup>. В продолжение этого сюжета приведём здесь письмо заведующего музейным отделом Наркомпроса РСФСР Феликса Яковлевича Кона заместителю



*Смоленск. Церковь Иоанна Предтечи на Соборной горе. Здесь, на материалах из Рославльского и Ельнинского музеев, в кон. 1920-х — нач. 1930-х гг. была создана экспозиция, посвящённая М.И. Глинке.*

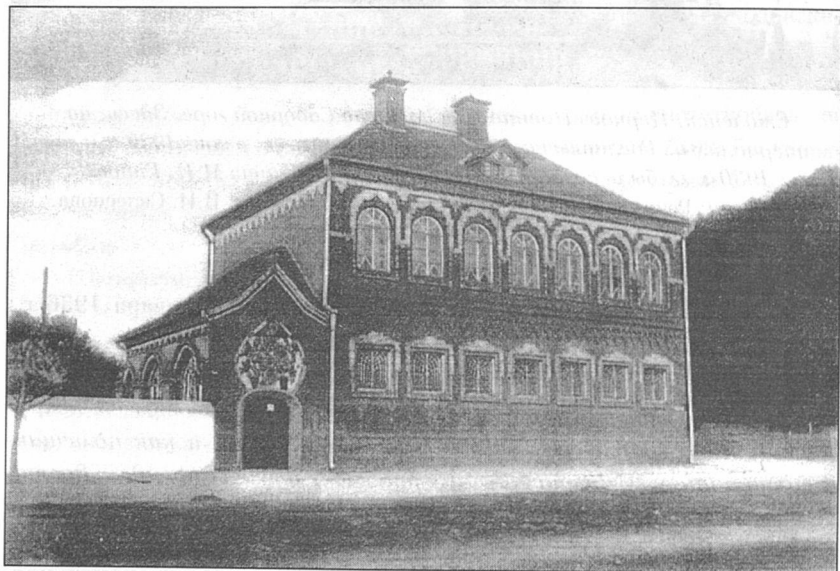
*Из книги: Реликвии М.И. Глинки. Каталог / Авт.-сост. В.И. Склеснова. Смоленск, 2006*

председателя Смоленского облисполкома Сосину от 7 января 1936 г.: «Музейный отдел НКП уже сообщал Смоленскому музею о том, что коллекции Глинки оставлены в ведении музея. Однако по имеющимся у нас сведениям эти коллекции используются музеем неправильно, т.к. Глинка показан не как композитор, а как помещик-эксплуататор. Смоленский музей имеет в своих фондах достаточный материал для отображения помещичьего гнёта. Глинка должен быть показан как композитор, что не исключает возможности критического подхода к нему. Если музей не сумеет правильно использовать ценные коллекции, то мы будем вынуждены вновь поставить вопрос о передаче этих материалов Музею Большого театра»<sup>24</sup>.

Надо полагать, в Смоленске это предупреждение восприняли серьёзно. И в следующей посвящённой композитору экспозиции, открыв-

шейся в ноябре 1936 г. в рамках художественного музея имени Н.К. Крупской, столь специфических вольностей в трактовке образа М.И. Глинки уже не допускали. Наоборот, в газетной статье, вышедшей к открытию мемориальной комнаты, с гордостью утверждалось, будто бы в ней *«каждая вещь, каждый документ хранят память о композиторе, уроженце бывшей Смоленской губернии»*<sup>25</sup>. Правда, в другой статье, появившейся в областной газете через три с небольшим недели и рассказывавшей читателям об осевшем в Смоленске и глубоко к тому времени пожилым А.Н. Глинке-Измайлове, уже выражалось сожаление, что *«часть предметов, связанных с памятью композитора, затерялась»*<sup>26</sup>. Далее же, как известно, была война, в годы которой число реликвий М.И. Глинки также сократилось.

А теперь зададимся, увы, риторическим вопросом, стоило ли так беспардонно нарушать волю А.Н. Глинки-Измайлова, в своё время

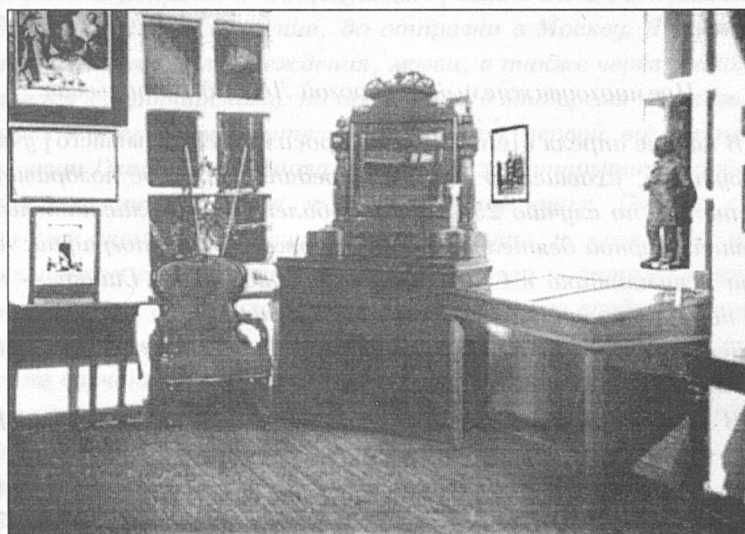


*Смоленск. Художественный музей им. Н.К. Крупской  
(бывш. музей княгини М.К. Тепишевой «Русская старина»).*

*В этом здании с 1936 г. размещалась экспозиция,  
посвящённая М.И. Глинке.*

Из книги: Реликвии М.И. Глинки. Каталог / Авт.-сост. В.И. Склеенова.

Смоленск, 2006



г. Смоленск.

Мемориальная комната М.И. Глинки. 1930-е гг.

Из книги: Реликвии М.И. Глинки. Каталог / Авт.-сост. В.И. Склеенова.

Смоленск, 2006

устоявшего от искушения продать вещи своего дяди за 10 тысяч рублей золотом<sup>27</sup>, чтобы потом эти бесценные предметы сперва попали в заштатный музей, которому они не были нужны, потом оказались в губернском центре, где с их помощью из всемирно известного композитора попытались сделать заурядного крепостника, а в довершение по разным, в том числе и уважительным причинам, как это ни прискорбно, их не сумели полностью сберечь. Почему-то думается, что в любом столичном музее даже в условиях 1930-х гг., даже выполняя решения Всероссийского музейного съезда, ни у кого не поднялась бы рука так отобразить М.И. Глинку, как это умудрились сделать его потомки-земляки, по сути, на его же родине.

### Приложение

Письмо А.Н. Глинки-Измайлова Л.В. Собинову от 17 июля 1923 г. (сохранена орфография оригинала).

Копия

К делу Смоленска

*Премногоуважаемый и дорогой Леонид Витальевич.*

*В начале апреля с[его] г[ода] я просил своего б[ывшего] ученика Е. Трудкина, ехавшего в Москву, передать Вам моё поздравительное письмо по случаю 25-летнего юбилея Вашей блистательной и славной оперной деятельности, со вложением фотографий: портрета и памятника в Смоленске моего дяди М.И. Глинки — но до сих пор не знаю, исполнено ли моё поручение.*

*Теперь разрешите мне обратиться к Вам с большой просьбой по следующим делам:*

*В 1918 г., когда реквизировали вещи и мебель, я заявил хранителю всех музеев в Москве, что желаю принести в дар вещи М.И. Глинки, Муз[ейное] Отд[еление] НКП прислало мне отп[и]сание № 668 от 30 сент[ября] 18 г. с выражением глубокой благодарности за моё намерение и с просьбой прислать вещи Глинки в Моск[овскую] Консерваторию. К сожалению, я не имел средств, ни возможности по слабости здоровья, исполнить это поручение, но чём известил и просил прислать уполном[оченного] с мандатом.*



В 1918 г. по моему ходатайству мне был выдан из Росл[авльского] Отд[ела] Нар[одного] Обр[азования], а в 1919 г. — из Смол[енского] Губ[ернского] Отд[ела] по делам музеев охранный лист и вещи Глинки были оставлены мне на хранение. По моей же просьбе 3 окт[ября] 19 г. Зав[едующий] Росл[авльского] Музея составил подробную (в 44 номера) опись вещей Глинки (копию которой я послал тогда в Моск[овский] От[дел] Нар[одного] Обр[азования]), как то: мебель, прекрасные большие зеркала, посуда, бюст Глинки, часы-картина, гербов[ая] печать и целая коллекция фотогр[афических] снимков в рамках, открытие памятник в Смоленске, открытие памятник в Петрограде, дом в селе Новоспасском, в кот[ором] родился Глинка. Любящий дум М.И., его портреты и т.д. Если бы я сам не заявил, то никто бы не знал о вещах Глинки. В 19 г. в нояб[ре] мес[яце] зимой я вынужден был очистить занимаемую в то время хорошую и удобную квартиру и перейти в одну комнату. Пришлось поневоле расстаться с дорогими для меня вещами дяди и попросить Зав[едующего] взять их в Росл[авльский] музей на временное хранение, до отправки в Москву. Я несколько раз письменно просил учреждения, музеи, а также через знакомого обращался к Луначарскому, но последнего в это время не оказалось в Москве, а его заместитель обещал при первой возможности взять вещи Глинки, в предполагавшийся [для] открытия музей русских композиторов, куда я их и предназначил. Однако скоро будет уже пять лет, а вещи Глинки не берут, и, кажется, музей композиторов ещё не открыт. В виду этого и потому что моё здоровье крайне ухудшилось, а лечиться не имею средств и приходится непрерывно, без отдыха, напрягая последние силы, работать по случаю небывалой дороговизны, чтобы только кое-как существовать. Я решил просить возвратить мне вещи для продажи или же уплатить за них в виду моей крайней нужды. Всю жизнь я берёг вещи моего дяди для музея, хотя это было трудно при моей кочующей артистической деятельности и, конечно, прежде я бы всё-таки не расстался с ними при жизни, а завещал бы их в музей после себя. Зав[едующий] Росл[авским] музеем С.М. Соколовский относился ко мне очень хорошо, по-дружески, как будто действовал в моих интересах и понимал моё критическое положение, но

когда я стал хлопотать о возвращении вещей Глинки, то он стал мне противодействовать всюду, в Отд[еле] Нар[одного] Обр[азования], в Исполком[е], забегая заранее и прося мне отказывать в моей просьбе, указывая на то, что вещи Глинки были национализированы, и поэтому я потерял право распоряжаться ими. Он не обратил даже внимание на присланное ему извещение из Смол[енского] Губ[ернского] музея (в ответ на моё заявление), по которому ему предоставлялось сообщить своё заключение, относительно выдачи вещей их владельцу (т.е. мне) или оставлении их на хранении в музее, или же приобретения их Росл[авльским] УОНО для музея. Вместе с тем Губ[ернским] музеем предложен мне сделать оценку, которую произвести с участием представ[ителей] РКИ и УОНО. В Исполкоме мне сказали, что я честно поступил, заявив о вещах Глинки, и что они немедленно будут выданы по требованию из Москвы. С[околовский] оказался двуличным и бездушным человеком. Как невыносимо тяжело разочаровываться в людях. Мне уже 60 лет, я страдаю многими недугами, сердцем, невралгией, грыжей, расширением вен и упадком сил. Бывают дни, [в] которые я едва двигаюсь. Думается, что при таких условиях долго не протяну, к тому же за свою 40-летнюю муз[ыкальную], артистическ[ую] и педагогическ[ую] деятельность сию безвездно в силу стеснённых материальных обстоятельств, уже скоро 5 лет в Росл[авле] как бы на ссылке, оторванный от музыкального мира и изнываю без музыки моей жизни. Никогда не забуду, как дорогой М.Г. Эрденко, когда я был отчаянно болен в Смоленске невралгией, посетил меня и своей очаровательной игрой на скрипке поднял со смертного одра. Вчера получил известие, что на обратном пути из приволжских городов, в которых Эрденко даёт концерты с громадным успехом, он предполагает свернуть в сторону, заехать в Рославль, чтобы обнять, утешить и подкрепить меня в моём тяжёлом одиночестве. Таким светлым счастьем и такой великой радостью я боюсь себя обнадёживать, в наше мрачное, эгоистичное время. Ещё большое благо и утешение для меня мои юные друзья учащиеся, из которых попадаются очень сердечные и хорошие и способные. Так вчера я получил от одного из них, Афанасьева-Соловьёва из Петрограда, письмо, в котором он пишет, что исполнил моё поруче-

ше и побывал у Глазунова. Нужно сказать, что ещё в дек[абре] прошлого года я описал А.К. своё критическое положение и просил его доброго содействия. Мой юный друг мне сообщает, что Глазунов от имени консерватории с письмом к Луначарскому обо мне, по просьбе Афан[асьева]-Солов[ьёва] сделал вторичный запрос. Он пишет мне, что хорошо бы хлопотать о моём деле через Всерабис и именно в центре Москвы. Невыносимо тяжело говорить о себе и просить, беспокоить, утруждать других, тем более, что теперь у всякого своих забот довольно, но обстоятельства вынуждают на это. Невольно мне припомнилось, что в Германии Муз[ыкаль-ные] учр[еждения] отыскивали внука великого Бетховена, кот[орый] жил в глуши, вполне обеспечили и окружили его вниманием.

Не могу выразить, как больно и обидно видеть, что холодным безучастным отношением ко мне единственному в живых родному племяннику, старшему в роде М.И. Глинки, так жестоко оскорбляется его память незабвенного создателя русской народной музыки. Нужно заметить ещё, что Глинка сам нуждался, но ничего не получил за свои оперы, а также и никто из его родных не получал ни пенсии, ни авторских.

Мне хочется думать, что Вы своей чуткой, гениальной артистич[еской] душой вполне поймёте, каково мне переживать такое ужасное испытание. На жизнь заработка не хватит, приходится продавать вещи и видеть, что в конце концов предстоит полная нищета и, м.б., голодная смерть. Убедительно прошу Вас, дорогой Леонид Витальевич, оказать своё доброе и высокое влияние на Луначарского в моём деле и вообще на кого Вы найдёте нужным. Моё последнее горячее желание, чтобы вещи Глинки были взяты в Москву, где ничего не сделано в память великого композитора в музей при Большом театре или при Консерватории, и чтобы меня обеспечивали настолько, чтобы я, больной старик, мог бы жить без нужды и без страха за завтрашний день.

Простите меня великодушно, что беспокою Вас своей просьбой и таким длинным письмом, но мне хотелось Вам высказать откровенно. Итак, дорогой и многоуважаемый Леонид Витальевич, пригрейте меня Вашим добрым сочувствием и расположением, больного одинокого старика. За исполнение моей просьбы буду горячо и вечно Вам благодарен.

*Искренно глубокоуважающий и преданный Вам душой  
А.М. Глинка-Измайлов*

*Мой Адрес — Рославль Смол[енской] Губ[ернии] Обозный пер.  
д. Козлова, 23*

*Алек[сандру] Никол[асвичу] Глинке-Измайлову*

*Печать*

*копия верна: Е. Леванова*

*Центрального Комитета*

*Всероссийского*

*Профессионального Союза*

*Работников Искусств*

<sup>1</sup> См.: Склеенова В. «Переселение» из Новоспасского в Рославль // Смоленск, 2000. № 9 (17). С. 37–39; Реликвии М.И. Глинка. К 200-летию со дня рождения М.И. Глинка / Авт.-сост. В. Склеенова. Смоленск, 2002. С.3–24; Склеенова В.И. История формирования мемориального комплекса М.И. Глинка // Новоспасский сборник. Вып. 1-й. М.И. Глинка. Личность. Музыка. История. Материалы всероссийской конференции 31 мая – 2 июня 2005 года. Смоленск, 2005. С. 123–138.

<sup>2</sup> ГАРФ, Ф.А-2307. Оп. 3. Д. 297. Л.85.

<sup>3</sup> Там же. Оп. 8. Д. 246. Л. 20, 20об., 21, 21об.

<sup>4</sup> Там же. Оп. 3. Д.2 97. Л. 85.

<sup>5</sup> Склеенова В. «Переселение»... С. 38–39; Реликвии М.И. Глинка... С. 6–8; ГАРФ, Ф.А-2307. Оп.8. Д.246. Л.20, 20об., 21, 21об.

<sup>6</sup> ГАРФ, Ф.А-2307. Оп. 3. Д. 297. Л. 85; ОПИ ГИМ, Ф. 54. Д. 927. Л. 53.

<sup>7</sup> ГАРФ, Ф.А-2307. Оп. 3. Д. 297. Л. 85.

<sup>8</sup> Там же. Оп. 8. Д. 246. Л. 21об.

<sup>9</sup> Склеенова В. «Переселение»... С. 39.

<sup>10</sup> ГАРФ, Ф.А-2307. Оп. 8. Д. 246. Л. 21об.

<sup>11</sup> Там же. Оп. 3. Д. 297. Л. 85–85об.

<sup>12</sup> ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 927. Л. 33.

<sup>13</sup> Рославльский коммунист. 1919. 16 октября.

<sup>14</sup> ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 927. Л. 37.

<sup>15</sup> Рославльский коммунист. 1919. 16 октября.

<sup>16</sup> ГАГФ, Ф.А-2307. Оп. 3. Д. 297. Л. 85.

<sup>17</sup> Там же. Оп. 8. Д. 246. Л. 18.

<sup>18</sup> Там же. Л. 27.

<sup>19</sup> Там же. Оп. 3. Д. 297. Л. 85–85об.

<sup>20</sup> Там же. Д. 175. Л. 538, 538 об., 539.

<sup>21</sup> Там же. Оп. 8. Д. 246. Л. 24–24об.

<sup>22</sup> ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 927. Л. 53.

<sup>23</sup> ГАРФ, Ф.А-2306. Оп. 70. Д. 1103. Л. 29об.

<sup>24</sup> Там же. Д. 1092. Л. 21.

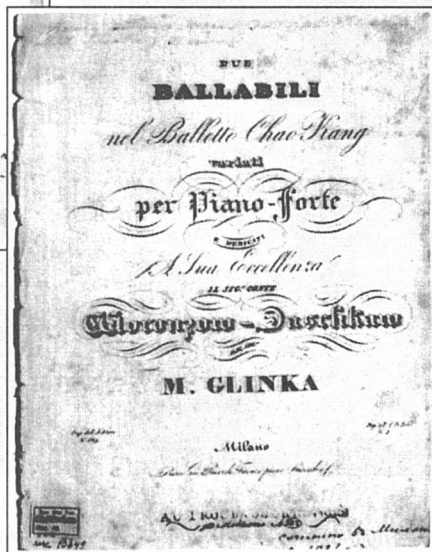
<sup>25</sup> Рабочий путь. 1936. 3 ноября.

<sup>26</sup> Там же. 1936. 26 ноября.

<sup>27</sup> ГАРФ, Ф.А-2307. Оп. 8. Д. 246. Л. 28–28об.

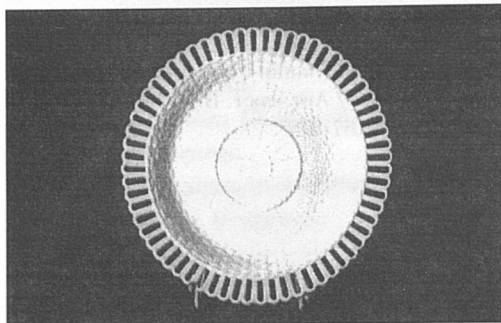
**Мемориальные вещи М.И. Глинки  
в Музее-усадьбе в с. Новоспаское  
(филиал Смоленского государственного музея-заповедника).  
В 1920-е гг. экспонировались в Рославльском музее природы и  
истории края.**

Обложки музыкальных произведений М.И. Глинки с его автографами.  
Из книги: Реликвии М.И. Глинки. Каталог / Авт.-сост. В.И. Склеенова.  
Смоленск, 2006. С.67–68

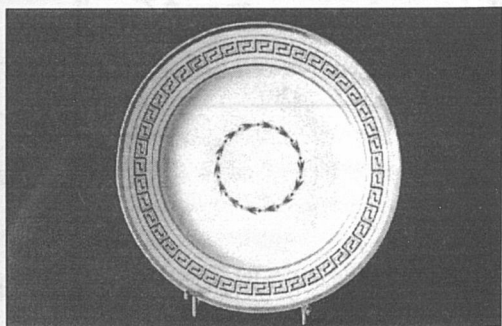


## Посуда.

Из книги: Реликвии М.И. Глинки... С. 96, 98, 102, 105



Фаянсовая тарелка, 1-я пол. 19 в.

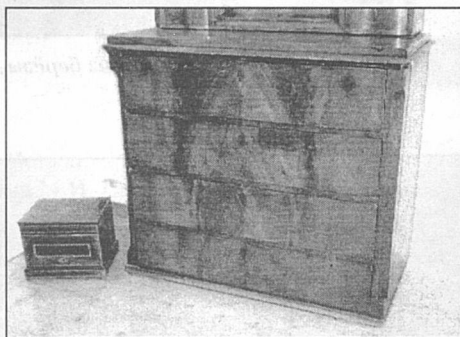
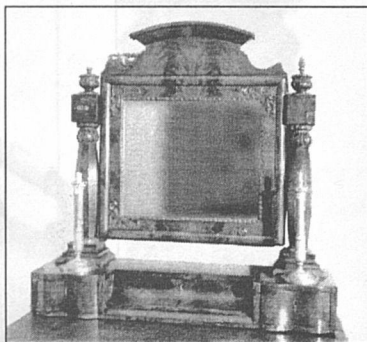
Зелёный стеклянный бокал,  
1830–1840-е гг. (?)Хрустальный стакан,  
1831 г.Фаянсовая тарелка с надглазурной  
росписью и золочением, 1-я четв. 19 в.

Мебель.

Из книги: Реликвии М.И. Глинки... С. 112–113, 117



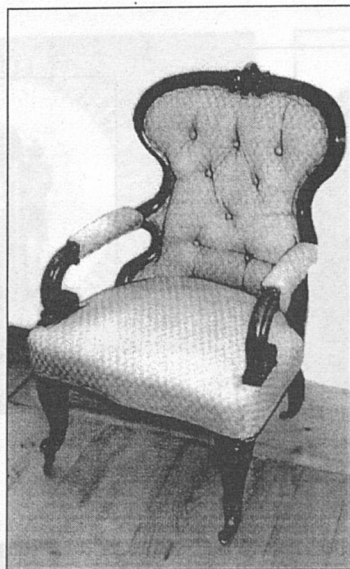
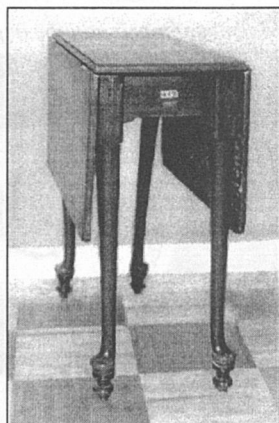
Застеклённый шкаф, дерево с фанеровкой, 1-я треть 19 в.



Туалет с зеркалом (1820-е гг.) и комод (2-я четв. 19 в.), фанеровка из красного дерева

## Мебель.

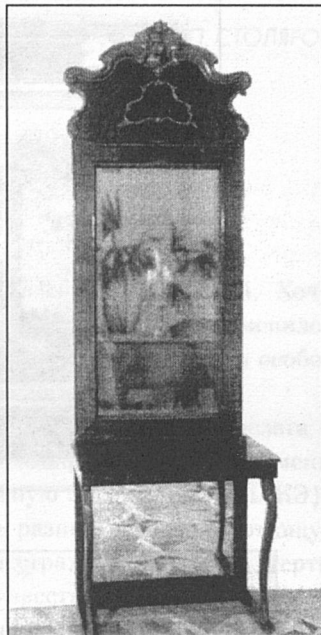
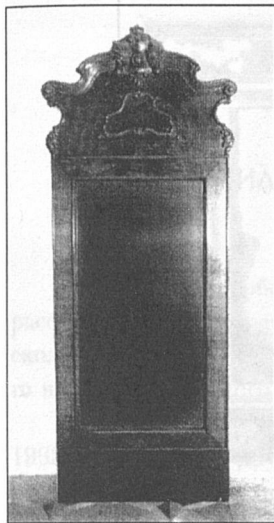
Из книги: Реликвии М.И. Глишки... С. 111, 114

*Кресло из берёзы, сер. 19 в.**Раскладной столик, нач. 19 в.*



Мебель.

Из книги: Реликвии М.И. Глинки... С. 115–116



Гарнитур из двух зеркал с фанеровкой из красного дерева, 2-я четв. 19 в.

Металл.

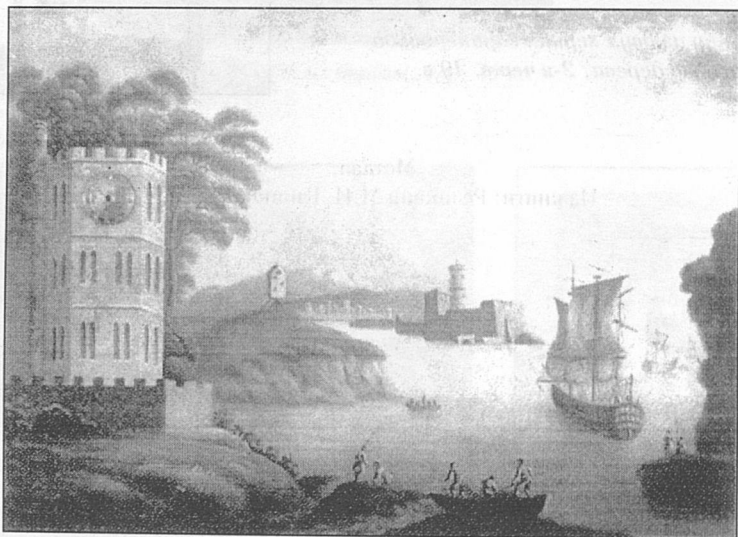
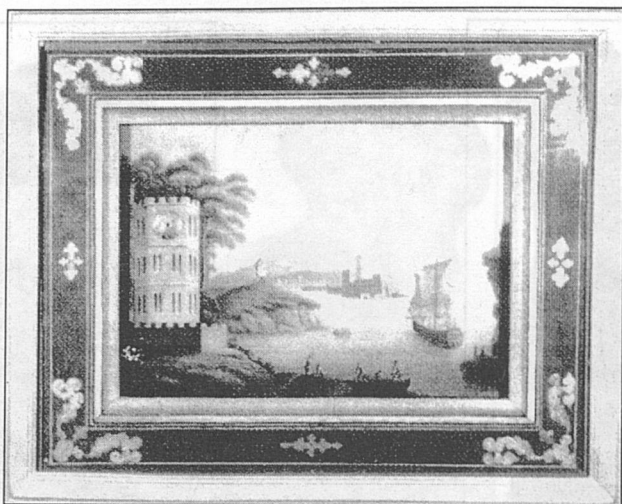
Из книги: Реликвии М.И. Глинки... С. 119



Лампа. Верхняя часть с резервуаром для керосина коп. 19 в. Нижняя часть сер. 19 в. (?)

Металл.

Из книги: Реликвии М.И. Глинки... С. 121



*Механические часы, совмещённые с картиной, 1-я пол. 19 в.  
Западная Европа. Дерево, масло. (Стрелки и механизм часов утрачены)*

В.П. СТОЛЯРОВ

## СОЛОВЕЦКИЙ УЗНИК КОРНИЛИЙ ТИМОФЕЕВИЧ СТОЛЯРОВ

Удивительные события происходят порой в судьбах людей. Хочу рассказать об одном из таких событий, которое не столько изменило, сколько проявило ход моей жизни. И связано оно с обретением особого вида исторического наследия — семейной памяти.

Я занимаюсь полевыми исследованиями Соловецкого архипелага с 1998 г., когда мой друг Пётр Владимирович Боярский пригласил меня работать в Морскую арктическую комплексную экспедицию (МАКЭ). Соловки вызывают у побывавших там очень разные чувства — от ощущения святости места до подсознательного страха из-за тысяч жертв советского концлагеря, погребённых в неизвестных могилах по всей территории островов. Я сразу принял Соловки как дом родной.

В 1994 г. в Соловецком отряде МАКЭ появился профессор П.В. Флоренский, внук П.А. Флоренского, священника, философа, учёного-богослова, физика и соловецкого узника. За несколько экспедиционных сезонов мы с Павлом Васильевичем исходили не один десяток километров и очень сдружились. После одной из экспедиций (дело было как раз на рубеже тысячелетий — в 2000 г.) Павел Васильевич прислал конверт с документами, из которого выпал непонятный листочек с моей фамилией. «185. Столяров Корнилий Тимофеевич <...> Р А С - С Т Р Е Л Я Т Ь 8 XII 37 г.».

Я вспомнил детство, тихие тайные разговоры моих родителей с любимой московской тётёй Лушей. И о том, как завербовался отец в конце 1950-х гг. на электростанцию в Воркуту, где кто-то видел его старшего брата. И о нашем с мамой путешествии в этот серый болотный край, затянутый колючей проволокой. И о двоюродной сестре Ирине, которая была намного старше, но запрещала называть себя



*К.Т. Столяров,  
преподаватель географии и обществоведения  
школы № 50 Краснопресненского района Москвы.  
19 июня 1928 г.*

Фото из архива автора статьи

тётей. И о том, как безуспешно разыскивала она своего отца Корнилия... Разрозненные обрывки детской памяти.

К счастью, у родственников остались справки о реабилитации, которые свидетельствовали: Корнилий Тимофеевич Столяров — соловецкий узник, расстрелянный в 1937 г. — мой дядя. Всё сразу определилось и стало на свои места, связалось в один узелок. И на Соловках я оказался неслучайно, и с Павлом Васильевичем Флоренским неслучайно подружился. Корнилий Столяров не мог не встречаться с отцом Павлом Флоренским в Соловецком лагере. Более того, как оказалось позднее, родственников наших и расстреляли в один день, и легли они в одну могилу. Павел Васильевич говорит, что мы — кровники, связанные кровью родственников.

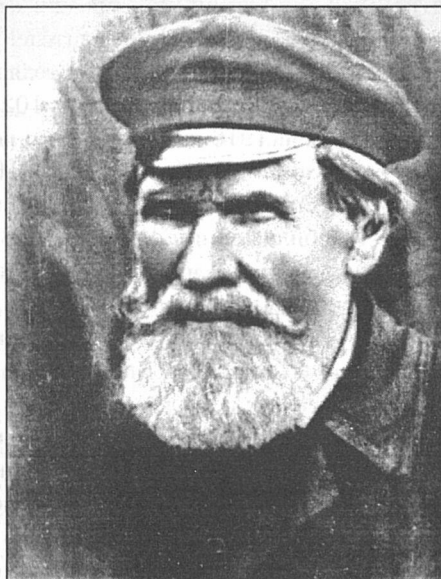
К сожалению, старшее поколение — родители и родственники — уже не могли рассказать эту историю нашего семейства. Ирина Флиге из Петербургского «Мемориала» подсказала, где и как вести поиски.

И вот я в Центральном архиве ФСБ, передо мной лежит дело № 1795 — начато 22 марта 1933 г., окончено 15 мая 1933 г. Торопливо открываю случайную страницу, на ней — фотография отца... Неожиданно для себя выясняю, что по делу проходят пять моих родственников. Невольно испытал благодарность к работникам архива, сохранившим нашу фамильную память.

\* \* \*

Мой прадед Матфей (Матвей) был сельским священником. Жил он в деревне Дуравичи Кошелевской волости Рогачёвского уезда Могилёвской губернии. Уже в преклонном возрасте, по обету, священник Матфей пошёл пешком в Иерусалим поклониться Христу, но из паломничества не вернулся.

Дед Тимофей родился в 1854 г., пять лет служил матросом на военном флоте, участвовал в русско-турецкой войне 1877–78 гг., заслужил медаль, вернулся на родину, в белорусскую деревню, женился.



*Тимофей Матвеевич Столяров.  
1910-е гг.*

Фото из архива автора статьи

Тимофей Матвеевич и супруга его, Матрона Никитична, занимались сельским хозяйством, были очень религиозными, монархически настроенными людьми. Как принято было у крестьян в то время, имели они большую семью. Осенью 1892 г. в семье деда родился пятый ребенок — Корнилий.

В начале 20 в. семья Столяровых переселилась из Белоруссии в деревню Алексеевка Кижбутьковского района Уфимской губернии, где им был выделен большой участок земли — 24 десятины. К этому времени в семье было десять детей — шесть сыновей и четыре дочери. Как вспоминал Корнилий Тимофеевич, дети росли в уютной домашней обстановке, воспитывались в почитании родителей и начальства, в семье частная собственность считалась священной и неприкосновенной. Все работали, в зажиточном хозяйстве имелись дом, мельница, три коровы и три лошади, десяток овец<sup>1</sup>.

После окончания учительской семинарии в уездном городе Белебее Корнилий в августе 1913 г. был направлен на работу в Каменское двухклассное сельское училище<sup>2</sup>. Двадцатилетний молодой учитель отличался консервативными взглядами, скептически отзывался о народничестве и «либеральном блудословии представителей интеллигенции»<sup>3</sup>.

Началась Первая мировая война. Корнилий Столяров в июле 1914 г. был мобилизован в армию, зачислен рядовым в 102-й Вятский полк. Грамотного солдата в феврале 1916 г. направили в военную школу города Ораниенбаума, которую он окончил в июле 1916 г. в звании прапорщика, служил в 82-м Дагестанском полку, где ему присвоили звание поручика<sup>4</sup>. После демобилизации в феврале 1918 г. Корнилий вернулся на Урал, в родную деревню Алексеевку. Советской власти он не принял, оставаясь сторонником монархии.

Когда летом 1918 г. в Поволжье началось контрреволюционное восстание под руководством Комуча, Корнилий Столяров не раздумывая явился на призывной пункт и был мобилизован в Белую армию, служил в 15-м Белебеевском и 16-м Уфимском полках помощником командира роты. В январе 1920 г. с остатками армии Колчака Корнилий оказался в Иркутске без каких-либо средств к существованию. В марте того же года поступил на работу в госпиталь (батальон выздоравливающих) Красной армии, где учил солдат грамоте.

В октябре 1920 г. Корнилий стал студентом Иркутского университета, в 1921 г. женился на Софии Доминиковне Мукус, в 1922 г. у них родилась дочь Ирина. В 1922 г. Корнилий Тимофеевич с семьей пере-



*Ирина Корнилиевна Столярова (5 лет) с дядей  
Владимиром Тимофеевичем Столяровым (17 лет).*

*Москва. 10 октября 1927 г.*

*Фото из архива автора статьи*

брался в Москву, в 1925 г. окончил педагогический факультет 2-го Московского университета по специальности «экономическая география». После окончания университета был назначен заведующим учебной частью школы № 50 Краснопресненского района Москвы, преподавал там географию и обществоведение<sup>5</sup>.


Хотя Корнилий Тимофеевич не одобрял советскую власть, периодично создавал в его политических настроениях и взглядах перелом: *«Мне казалось, что возрождение России, мыслимое только при реставрации капитализма, возможно и при советской власти, постепенно сдающей свои хозяйственные и политические позиции капиталистическим элементам.*

*Мне казалось, что восстановление капитализма в России наиболее безболезненно может произойти при активной помощи, ока-*

Р. С. С. С. Р.  
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ  
ПРОСВЕЩЕНИЯ.  
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ  
3-го МОСКОВСКОГО  
ГОСУДАРСТВЕННОГО  
УНИВЕРСИТЕТА.

Принимать всех стран, содействовать!

Формы № 1.



## СВИДЕТЕЛЬСТВО.

Выдано настоящее свидетельство гражданину  
**С. Т. ОДНРОВУ** Корниак Тимофеевичу  
родившемуся **1892** года **сентября** месяца **12** числа  
в **д. Дурашчи, Копелевич, вол. Рогачевск. уез. Могилевской губ.**  
в том, что, поступив в **1922** году на 3-й Московский  
Государственный Университет, он окончил в нем курс  
в **1925** году по специальности **Общественно-Экономического**  
отделения **П. е. д. а. г. о. г. и. д. а. д. х. б. о. г. о.** факультета.

За время пребывания на 3-м Московском Государственном  
Университете на **Общественно-Экономическом Отделении**  
**П. е. д. а. г. о. г. и. д. а. д. х. б. о. г. о.** факультета

он был прослушавшим теоретические курсы с соответствующей сдачей зачетов  
по следующим дисциплинам: **ОБЩЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ: 1/Анатомия и физиология, 4/Этика, 5/Социология, 6/История педагогического искусства, 7/История педагогического искусства, 8/История педагогического искусства, 9/История педагогического искусства, 10/История педагогического искусства, 11/История педагогического искусства, 12/История педагогического искусства, 13/История педагогического искусства, 14/История педагогического искусства, 15/История педагогического искусства, 16/История педагогического искусства, 17/История педагогического искусства, 18/История педагогического искусства, 19/История педагогического искусства, 20/История педагогического искусства.**

**СПЕЦИАЛЬНЫЕ И СРЕДНИЕ: 1/Экономическая география, 2/Социально-политическая география, 3/История географии, 4/История географии, 5/История географии, 6/История географии, 7/История географии, 8/История географии, 9/История географии, 10/История географии, 11/История географии, 12/История географии, 13/История географии, 14/История географии, 15/История географии, 16/История географии, 17/История географии, 18/История географии, 19/История географии, 20/История географии.**

Исторический материализм.  
Диалектический материализм.  
История народного хозяйства.  
Политическая экономия.  
Методология и методика политической экономии.  
Советская экономия и экономическая политика СССР.

**Б. Экономико-географический цикл.**  
1) Введение в экономическую географию.  
2) Экономическая география мирового хозяйства.  
3) Теория районирования.  
4) Экономическая география СССР.  
5) Экономическая география промышленности СССР.  
6) Экономическая география сельского хозяйства СССР.  
7) География транспорта.  
8) Краеведение.  
9) Методология и методика экономической географии.

№ 838


/см. из со...

Свидетельство № 838  
от 26 августа 1925 г.  
об окончании  
К. Т. Стояровым  
педагогического факультета  
2-го Московского  
университета.  
Из архива автора статьи

Р. С. С. С. Р.  
Народный Комиссариат  
по Просвещению  
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ  
ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ  
Кадров Народного Образования

Принимать всех стран, содействовать!

Формы № 1.



## Свидетельство

Выдано настоящее свидетельство гражданину  
**Стоярову Корниак Тимофеевичу**  
родившемуся **1892** года **сентября** месяца **12** числа  
в **д. Дурашчи, Могилевской губ.**  
в том, что, поступив в 1929 году на 3-годичные вечерние  
Высшие Педагогические Курсы **И. П. К. К. Н. О.** по  
Экономико-географическому отделению специального фа-  
культета, окончил **курс** в 1931 году.

За время пребывания на курсах **он** был прослушавшим  
и проработавшим следующие дисциплины с соответствующей  
сдачей зачетов и практических работ:

**А. Общественно-политический цикл.**

- 1) Исторический материализм.
- 2) Диалектический материализм.
- 3) История народного хозяйства.
- 4) Политическая экономия.
- 5) Методология и методика политической экономии.
- 6) Советская экономия и экономическая политика СССР.

**Б. Экономико-географический цикл.**

- 1) Введение в экономическую географию.
- 2) Экономическая география мирового хозяйства.
- 3) Теория районирования.
- 4) Экономическая география СССР.
- 5) Экономическая география промышленности СССР.
- 6) Экономическая география сельского хозяйства СССР.
- 7) География транспорта.
- 8) Краеведение.
- 9) Методология и методика экономической географии.

№ 4046  
г. Москва, Малый Херсонский о.,  
д. 4. Тел. 2-35-31.

Свидетельство № 4046 от 6 июля 1931 г.  
об окончании К. Т. Стояровым Высших  
Педагогических Курсов. Из архива автора статьи



зываемой советской власти всеми национально мыслящими людьми в изживании её социалистических иллюзий и в борьбе против левых элементов, толкавших её (советскую власть.— В.С.) на хозяйственные необоснованные эксперименты. Последующие годы в достаточной мере доказали мне и моим политическим единомышленникам, что наши предположения оказались мечтанием, карточным домиком, зданием, построенным на песке»<sup>6</sup>. Корнилий Тимофеевич, хорошо зная крестьянскую жизнь, считал начавшуюся коллективизацию ошибкой, о чём неоднократно говорил в учительском коллективе.

В 1929 г. Корнилий Тимофеевич поступил на трёхгодичные вечерние Высшие Педагогические курсы (экономико-географическое отделение) Центрального института повышения квалификации кадров народного образования, которые успешно окончил в июне 1931 г. с правом преподавать в высших учебных заведениях, преподавал географию на рабфаках Ветеринарного и Геодезического институтов.

К этому времени в столичные институты поступили родственники Корнилия Тимофеевича. В Энергетическом институте учился брат Павел, в Педагогическом институте им. А. Бубнова — сестра Гликерия, во 2-м Медицинском институте — племянница Анастасия. В феврале 1933 г. Гликерия получила из родной деревни Алексеевки письмо, в котором сообщалось, что арестован и за вредительство осуждён на 10 лет лагерей муж старшей сестры Ребяхин. Собравшись у Гликерии в комнатке общежития неединститута, Столяровы в присутствии двух её соседок-однокурсниц обсуждали происшедшее, «возмутились приговором суда и решили помочь родственникам сбором средств среди "своих", собрали сто рублей и отправили в деревню»<sup>7</sup>. Сведения об этом на следующий день поступили в ОГПУ.

Несколько дней спустя сотрудник ОГПУ напомнил Корнилию Тимофеевичу об «антисоветском» разговоре в общежитии и предложил стать сексотом, доносить о настроениях студентов Ветеринарного института, на что получил ответ: «Честь офицера не позволяет».

Весной 1933 г. Корнилий Тимофеевич, Павел Тимофеевич, Гликерия Тимофеевна и Анастасия Тарасовна Столяровы были арестованы по делу «контрреволюционной межвузовской группы студентов и преподавателей г. Москвы». Гликерия была на седьмом месяце беременности. «Контрреволюционная группа», которую якобы возглавляли



Заключённый К.Т. Столяров. 22 марта 1933 г. ЦА ФСБ РФ, Дело Р-32071



Заключённая А.Т. Столярова, студентка 3-го курса 2-го Медицинского института. 29 марта 1933 г. ЦА ФСБ РФ, Дело Р-32071



*Заключённый П.Т. Столяров, студент 4-го курса Института стали.  
2 апреля 1933 г. ЦА ФСБ РФ. Дело Р-32071*

Корнилий и Гликерия, занималась буржуазной и фашистской пропагандой, подготовкой террористических актов, готовилась к свержению советской власти.

Вину свою К.Т. Столяров признал и 8 июня 1933 г. постановлением особого совещания при Коллегии ОГПУ «за участие в контрреволюционной организации по ст. 58/10 и 11 УК РСФСР» был приговорён к лишению свободы сроком на 5 лет. Вместе с ним по этой же статье были осуждены И.П. Завитневич (Порфирьев) и Ф.М. Терехов. Остальные — родственники и проходящие по делу студенты — были освобождены<sup>8</sup>. В июне 1933 г. Корнилий Тимофеевич Столяров и Иван Порфирьевич Завитневич были этапированы в Дмитлаг ОГПУ. И в лагере Столяров занимался преподавательской деятельностью, учил заключённых, был заведующим курсами 2-го участка Дмитровского района. И, вероятно, не скрывал своего отношения к правящему режиму, за что был переведён в 8-е Соловецкое отделение Беломорско-Балтийского канала НКВД, где «использовался на общих работах и преподавал в школе для малограмотных»<sup>9</sup>.

32.	<p><u>ПЕТРОВ Ингита Ивановна</u>, 1887 г.р., русский, гр. СССР, ур. хут. Олений, Хонерского округа, крестьянин -экономичник, казак, б/п., служил в белой армии.</p> <p>Тройкой КРО СНТУ 31.X-29г. по ст. 58-10 УК РСФСР осужден в к/лагерь на 10 лет.</p>	<p>Арх. № 591827          ПЕТРОВА          Ингита Ивановна -          РАССТРЕЛЯТЬ.          8 XII 37</p>
15.	<p><u>ТОМАШЕЦ Василий Петрович</u>, 1907 г.р., русский, гр. СССР, ур. г-р. 504, Саратовского округа, гродзиской обл., сын торговца, служивший, Райинструктор медвежьего дела, б/п.</p> <p>КОПУ 3.4-33г. по ст. 58-10 и 11 УК осужден к расстрелу, с заменой в ИТЛ на 10 лет.</p> <p>В 1936 г. совершил побег из лагеря, за что СНК Главсуда АССР при ВКК НКВД 24.X-36г. осужден на 1 г. лишения свободы, с присоединением его к неотбытому сроку.</p>	<p>Арх. № 591827          ТОМАШЕЦ          Василий Петрович -          РАССТРЕЛЯТЬ.          8 XII 37</p>
18.	<p><u>САВИЦКИЙ Владимир Михайлович</u>, 1912 г.р., русский, гр. СССР, ур. г-р. Урланин, б. д. Волж. Край, шеф-механик эрзачского парка в Москве. б. член ВКФС, сын крупного чиновника КЭД - карбонип.</p> <p>Состоял Словачанин НКВД 4.7.35г. за участие в к/р. группа осужден в ИТЛ на 5 лет.</p>	<p>Арх. № 591827          САВИЦКОГО          Владимира Михайловича -          РАССТРЕЛЯТЬ.          8 XII 37</p>
18.	<p><u>СТОЛЯРОВ Корнилий Тимофеевич</u>, 1892 г.р., русский, гр. СССР, ур. с. Люксовка, Башкирской АССР, сын б. кулака, служащий, преподаватель Ветеринарного Института, б/п.</p> <p>КОПУ 3.У1-33г. по ст. 58/10 и 11 УК осужден в ИТЛ на 5 лет.</p>	<p>Арх. № 591827          СТОЛЯРОВА          Корнилия Тимофеевича -          РАССТРЕЛЯТЬ.          8 XII 37</p>

Выписка из протокола заседания Особой Тройки УНКВД Ленинградской области от 25 ноября 1937 г. Л. 37.

Текст на выделенной полосе.

Левая колонка: «185. СТОЛЯРОВ Корнилий Тимофеевич, 1892 г. р., русский, гр. СССР, ур. с. Алексеевка, Башкирской АССР, сын б. кулака, служащий, преподаватель Ветеринарного Института, б/п., КОПУ 8.VI-33 г. по ст. 58/10 и 11 УК осуждён в ИТЛ на 5 лет».

Правая колонка: «Арх. № 591827. СТОЛЯРОВА Корнилия Тимофеевича — РАССТРЕЛЯТЬ. 8 XII 37 г.»

Последнее письмо Корнилия Тимофеевича датировано апрелем 1937 г. Соловецкий узник писал дочери: «В моей жизни особых существенных перемен нет. Отрадным в моей жизни является то, что я чувствую себя исключительно хорошо со стороны здоровья. Совсем не то было в прошлые вёсны. Я не испытываю ревматизма, который мучил меня — до осени прошлого года. Совсем хорошо будет, если я сохраню в таком виде своё здоровье до своего освобождения.

Новостей у нас особых нет. Хожу на работы на разные объекты. Работа не трудная. По всем признакам начинается весна. Солнце греет, со всех крыши потекли ручьи. Прилетели чайки и криком своим внесли разнообразие в нашу жизнь.

*Осталось мне пребывать на далеком севере несколько месяцев, точно сколько, я боюсь сказать, но, во всяком случае, свободным я буду к началу нового учебного года, т.е. не позже августа. Иринка, как я рад, что вернусь к тебе, моя родная дорогая дочуренька! Какая для меня будет счастливая минута, когда я сумею крепко-крепко обнять после долгой мучительной разлуки. Дочура, а как медленно тянется время, хочется скорее, скорее к тебе; хоть несколько минут побыть вместе с вами»<sup>10</sup>.*

20 февраля 1937 г. Соловецкое отделение Беломоро-Балтийского лагеря было реорганизовано в Соловецкую тюрьму ГУГБ НКВД<sup>11</sup>. Режим содержания заключённых ужесточился.

30 июля 1937 г. был подписан оперативный приказ Народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов», согласно которому все репрессируемые разбивались на две категории:

*«К первой категории относятся все наиболее враждебные из перечисленных выше элементов. Они подлежат немедленному аресту и, по рассмотрении их дел на тройках, — РАССТРЕЛУ»*.

*«Ко второй категории относятся все остальные менее активные, но всё же враждебные элементы. Они подлежат аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них, заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки»<sup>12</sup>.*

Нарком внутренних дел Ежов распорядился в четырёхмесячный срок уничтожить людей «первой категории», уже отбывающих заключение. Уничтожению подлежали «наиболее активные антисоветские элементы из бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, сектантских активистов, церковников и прочих, которые содержатся сейчас в тюрьмах, лагерях, трудовых посёлках и колониях и продолжают вести там активную антисоветскую подрывную работу»<sup>13</sup>. Во все уголки страны полетели депешки со страшными цифрами. На Соловки пришла разнарядка — ликвидировать 1200 человек.

Особая тройка УНКВД Ленинградской области (начальник УНКВД ЛО Л. Заковский, его заместитель В. Гарин и прокурор Ленинграда Б. Позерн) во исполнение приказа № 00447 стремилась не только выполнить, но и перевыполнить план расстрела, установленный для Соловецкого концлагеря. Основанием для вынесения приговора служила

справка начальника Соловецкой тюрьмы, старшего майора государственной безопасности И.А. Апстера. Задание выполнили на 152 % — были представлены к расстрелу 1825 соловецких узников. Безусловно, в число «антисоветчиков» включили и «белогвардейца» К.Т. Столярова, на которого, кроме того, имелись оперативные донесения сотрудника внутренней службы лагеря.

Поскольку на Соловках большое количество человек репрессировать одновременно не представлялось возможным, осуждение и расстрел заключённых осуществлялись в три этапа. Первый, самый большой этап (1111 человек) доставили морем в город Кемь, а затем — в Медвежьегорск (Карелия). Расстреливали заключённых в урочище Сандормох недалеко от Медвежьегорска целую неделю, с 27 октября по 4 ноября 1937 г.

Второй этап из 509 заключённых расстреляли в Ленинграде. Третий соловецкий этап из 200 человек вывезти не успели: море замёрзло. Их расстреляли «своими силами» на Соловках в феврале 1938 г.

Корнилия Тимофеевича Столярова приписали ко второму этапу, 509 заключённых в конце ноября доставили в Кемь, а затем — в Ленинград, в «Большой дом» (управление НКВД) на Литейном проспекте. Постановлением особой тройки УНКВД по Ленинградской области от 25 ноября 1937 г. соловецкие узники были приговорены к высшей мере наказания «за проведение контрреволюционной пропаганды»<sup>14</sup>. Корнилий Тимофеевич Столяров проходил по одному делу со священником и философом Павлом Александровичем Флоренским. В деле упоминаются 32 фамилии:

1. АНТИПОВ-АЛИМОВ Николай Фёдорович.
2. АРБЕЙТЕР Иван Антонович, венгр.
3. БАРНА (БЕРГМАН) Ал-др / Иосиф Александрович, Коминтерн.
4. БАРТЕЛЬС — ЧАЙКИН — НЕБО Леонид Алексеевич.
5. ВЕСЕЛИЦКИЙ Пётр Кронидович, побег.
6. ГОФМАН Юрий Владимирович.
7. ЕРШОВ Павел Аркадьевич.
8. ЖОРДАНИЯ Георгий Константинович.
9. ЖУХОВИЦКИЙ Максим Владимирович.
10. ИЛЬШТЕЙН Владимир Александрович.
11. КАЛАЧЁВ Николай Михайлович.

12. КЕРКЗАЛЬСКИЙ Казимир Иосифович.
13. КОЗЛОВСКИЙ Михаил Казимирович, побег.
14. КРИВУЛЯ Иван Андреевич.
15. КРУГЛОВ Владимир Алексеевич.
16. КУПФЕРШТЕЙН Герман Морицович.
17. ЛАРИОНОВ Сергей Никитич.
18. НИГАЙ Александр Герасимович.
19. ОСИПОВ Анатолий Григорьевич.
20. ОТМАРИШТЕЙН Николай Петрович, побег.
21. ПОЛЫГАЛОВ Василий Петрович, побег.
22. ПОПОВ Никита Иванович.
23. САВИЦКИЙ Владимир Михайлович.
24. СЕРГЕЕВ Иван Николаевич.
25. СТОЛЯРОВ Корнилий Тимофеевич.
26. ТВЕРЕТИНОВ Валериан Феликсович.
27. ТЕТЕРИН Александр Васильевич.
28. УЛАТОВ Александр Иванович.
29. ФЛОРЕНСКИЙ Павел Александрович, свящ., проф.
30. ЧИСТЯКОВ Александр Фёдорович.
31. ШЕЛЛЕР Альберт Фомич.
32. ЯРОШЕВ Георгий Павлович<sup>15</sup>.

Приговор был приведён в исполнение в Ленинграде 8 декабря 1937 г. Документы о расстреле подписаны комендантом УНКВД Ленинградской области старшим лейтенантом А. Поликарновым<sup>16</sup>. Расстреляли и захоронили заключённых, вероятно, на Ржевском артиллерийском полигоне под Ленинградом.

3 июля 1956 г. определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР приговор по делу Корнилия Столярова был отменён: «Столяров К.Т. осуждён к расстрелу только на основании характеристики ИТЛ о том, что антисоветски настроен, и на основании двух непроверенных оперативных донесений из одного источника».

Больше никаких материалов, свидетельствующих о преступной деятельности Столярова К.Т. после его осуждения в 1933 г., в деле нет<sup>17</sup>.

Дочь Корнилия Тимофеевича, моя двоюродная сестра Ирина окончила педагогический институт, работала учительницей иностранных

А К Т


Приговор Тройки УНКВД по Ленинградской области № 199  
от " 25 ноября 1937 года, в отношении Столярова К.Т. и  
ВМН СТОЛЯРОВА, Корнелия Тимофеевича  
приведен в исполнение " 8 декабря 1937 года, в чем и  
оставлен настоящий акт,

Командант УНКВД по  
Ленинградской области  
(ПОЛИКАРПОВ)

" 8 дек. 1937

*[Подпись]*

Акт о приведении в исполнение приговора от 8 декабря 1937 г.  
Из архива автора статьи




**ВЕРХОВНЫЙ СУД**  
Союза Советских  
Социалистических Республик

31 - июля 1957 г. СПРАВКА  
№ 02/ДСП-8081-56

Дана в том, что определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 3 июля 1957 года постановление Особого Совещания при коллегии ОГПУ от 8 июня 1933 года и постановление тройки УНКВД по Ленинградской области от 25 ноября 1937 года в отношении СТОЛЯРОВА Корнелия Тимофеевича, 1892 года рождения, отменены и дело производством прекращено за недоказанностью обвинения.

По данным уголовного дела, Столяров К.Т., до дня его ареста работал преподавателем зоотехником.

Председателя Верховного Суда  
Союза ССР - *[Подпись]*  
Н. Морозов /




ат

Справка Верховного Суда СССР № 02/ДСП-8081-56 от 31 июля 1957 г.

Из архива автора статьи





**ВЕРХОВНЫЙ СУД  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**


103299 Москва, ул. Ильинка 7/3

№ 12.93е. № 02дсп-8081-56

на № \_\_\_\_\_ **СПРАВКА**

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 3 июля 1957 года постановление Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 8 июня 1933 года, а также постановление тройки УНКВД по Ленинградской области от 25 ноября 1937 года в отношении Столярова Корнилия Тимофеевича, 1892 года рождения, осужденного по политическим мотивам к 5 годам лишения свободы и ВМН соответственно, отменены и дело производством прекращено за недоказанностью предъявленного ему обвинения.


По данному делу Столяров К.Т. реабилитирован посмертно.



Первый заместитель  
Председателя Верховного Суда  
Российской Федерации *Раженко* **Э.М. Раженко**

Справка Верховного Суда РФ № 02дсп-8081-56 от 30.12.93 г.

Из архива автора статьи



**ГЕНЕРАЛЬНАЯ  
ПРОКУРАТУРА  
Российской Федерации**

103793 ГСП, Москва,  
ул. Б. Дмитровка, 15а

11296.  
г. Москва,  
ул. Вавилова, д.60, корп.4, кв.293  
гр-ке Столяровой И.К.

№ 06.12.94 № 13/3-5999

на № \_\_\_\_\_

Уважаемая Ирина Корниловна!

Ваше заявление о признании пострадавшей от политических репрессий рассмотрено и удовлетворено.

Справка об этом высылается.

Приложение: справка на 1 л.

Прокурор отдела по реабилитации  
жертв политических репрессий  
старший советник юстиции *Гранин* **Э.В.Гранин**

Справка Генеральной Прокуратуры РФ № 13/3 — 5999 от 06.12.94 г.

Из архива автора статьи

языков. Хотя была она от природы чрезвычайно обаятельным, общительным и достойным человеком, жила одиноко. Замуж ей выйти не удалось — женихи разбежались, когда она сообщала, что является дочерью «врага народа». Но скрывать это не хотела и не могла.

31 июля 1957 г. Ирина Корнилиевна получила справку, что приговор её отцу отменён и *«дело прекращено за недоказанностью обвинений»*<sup>18</sup>. 30 декабря 1993 г. Столяров Корнилий Тимофеевич был посмертно реабилитирован<sup>19</sup>. 6 декабря 1994 г. И. К. Столярова была признана *«пострадавшей от политических репрессий»*<sup>20</sup>, ей были назначены государственные льготы. 10 января 1995 г. Ирина Корнилиевна умерла.

\* \* \*

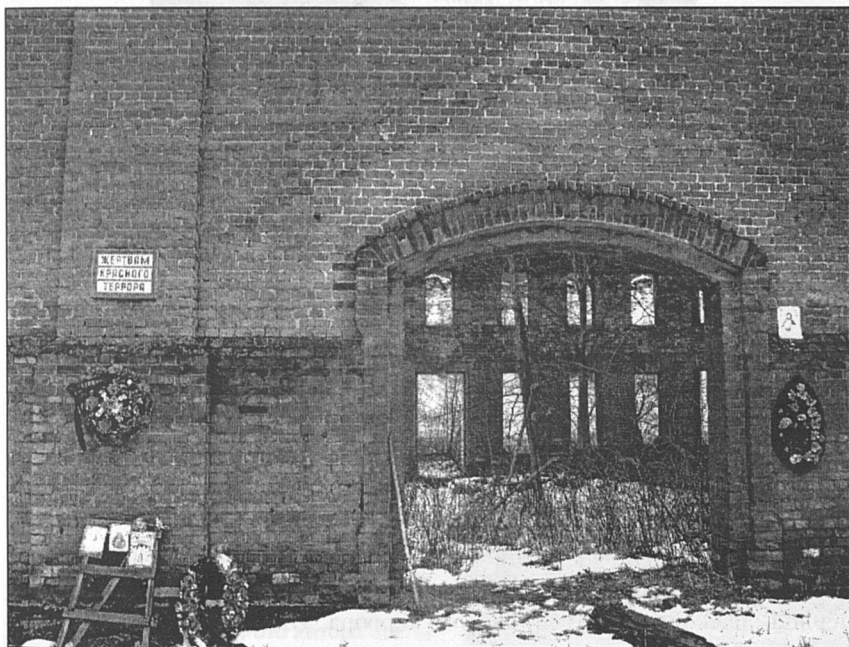
В 70-летнюю годовщину расстрела соловецких заключённых мне удалось побывать на месте гибели родственников. Сотрудник фонда «Андреевский флаг» Николай Алексеевич Головкин, организовавший нашу поездку по памятным местам, вспоминает:

«8 декабря 2007 г. День пасмурный, неприветливый. Таким же неприветливым, возможно, было и утро 8 декабря 1937-го... Пронизывающий ветер встречает нас в Санкт-Петербурге и сопровождает весь этот день. День, который стал особым для троих из родственников погибших. Несколько лет назад этих людей разного возраста и профессий объединила трагическая судьба близких, желание найти их могилы, поклониться им.

В памятных мероприятиях приняли участие: внук профессора Романа Николаевича Литвинова — сотрудник аппарата Общественной палаты РФ Роман Николаевич Литвинов; племянник Корнилия Тимофеевича Столярова — вице-президент Фонда полярных исследований, заведующий сектором исследований Соловецкого архипелага и Беломорья Российского НИИ природного и культурного наследия имени Д.С. Лихачёва Вячеслав Павлович Столяров; внук священника Павла Флоренского — председатель рабочей группы по исследованию чудесных знамений, происходящих в Русской православной церкви, академик РАЕН, доктор геолого-минералогических наук, профессор Российского государственного университета нефти и газа имени И.М. Губкина Павел Васильевич Флоренский...

Садимся вместе с учениками и педагогами Школы народного искусства императрицы Александры Фёдоровны в автобус... Наш путь лежит на Ржевский артиллерийский полигон. Он создан ещё в позапрошлом столетии, в 1879 г. В советские годы полигон принадлежал ВМФ СССР. Здесь велись испытания артиллерийских систем, снарядов, брони и железобетонных укреплений. Сейчас объект находится в ведении Минобороны РФ... Запрет на пребывание посторонних лиц на территории полигона был снят только в 2003 г.

Мы едем по шоссе, слева от которого — легендарная Дорога жизни. На возвышенности установлен памятный знак детям — жертвам ленинградской блокады. За Дорогой жизни потянулась «дорога смерти» — ничем не приметный на первый взгляд Ковалёвский лес. Выходим из автобуса. Снег под ногами рыхлый, в лесу промозгло. Минут через пять проводники из «Мемориала» подводят к полуразрушенному зданию порохового погреба из красного кирпича дореволюционной по-



Пороховой погреб Ржевского полигона. Декабрь 2007 г.

Фото автора статьи



*П. В. Флоренский у надгробного памятника жертвам красного террора. Декабрь 2007 г.*

Фото автора статьи

стройки. На нём установлен памятный знак жертвам «красного террора» 1918–21 гг. Здесь были расстреляны матросы — участники Кропштадского мятежа (1921 г.), где-то неподалёку — священномученик Вениамин, митрополит Петроградский и Гдовский, и поэт Николай Гумилёв. Перед зданием — деревянный поклонный крест. И у стены пологового погребка, и у креста — множество икон.

Поклонившись жертвам «красного террора», сворачиваем направо по лесной тропинке. Могила. На обломке бетонного столбика надпись чёрной краской: «Жертвы красного террора. Шесть душ. Имена же их Ты, Господи, веси». Рядом к ели прикреплён деревянный крест. И табличка со стихами Максимилиана Володина:

С каждым днём всё диче и всё глуше  
Мертвенная цепенсет ночь.  
Смрадный ветер, как жизни, свечи тушит.  
Ни позвать, ни крикнуть, ни помочь.

Тёмен жребий русского поэта:  
Неисповедимый рок ведёт  
Пушкина под дуло пистолета,  
Достоевского на эшафот.

Может быть, такой же жребий выпу,  
Горькая детоубийца-Русь!  
И на дне твоих подвалов сгину,  
Иль в кровавой луже поскользнусь,  
Но твоей Голгофы не отрину,  
От твоих могил не отрекусь.

Доконает голод, или злоба,  
Но судьбы не изберу иной:  
Умирать, так умирать с тобой,  
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба!

*Крест у могилы жертв красного  
террора, на табличке текст  
стихотворения М. Волошина.*

*Декабрь 2007 г.*

*Фото автора статьи*



Священник Фёдор Кузнецов из храма Воскресения Христова у Варшавского вокзала служит литию, сопровождаемую пением хора Школы народного искусства императрицы Александры Фёдоровны. Горят поминальные свечи. Ветер то и дело их гасит. Скорбно колышутся под его напором вершины елей, осин и берёз. После литии ветер сразу успокаивается... По лесной тропе возвращаемся к пороховому складу. Только сейчас замечаю, что почти на каждом дереве, как зарубки, иконки. Это настоящий храм под кровом лесной чащи. Вместо антиминса — прах тысяч и тысяч невинно убиенных. Идут и идут сюда люди помолиться о погибших в годы лихолетья...

В разных местах полигона расстрелы и захоронения проводились с 1927 г. до конца 1930-х. По предварительным оценкам, здесь расстреляны и тайно погребены не менее 30 тысяч человек, однако официальная статистика отсутствует. Места погребений жертв репрессий были объявлены в СССР «государственной тайной» и не обнародованы до сих пор. Общественные организации выступают за создание мемориального кладбища на территории Ржевского полигона.

Второй этап соловецких узников расстреляли в урочище Койранкагас. Место это, которое до сих пор никак не обозначено, находится в глубине Ржевского полигона, на расстоянии 12 километров от ближайшей просёлочной дороги. Посетить его в этот день мы не смогли».

---

<sup>1</sup> ЦА ФСБ РФ. Д.Р-32071. Л.58–58об. Протокол допроса гр-на Столярова К.Т. от 22/III 33 года. Записано собственноручно.

<sup>2</sup> Трудовой список. Столяров Корнилий Тимофеевич. Личный архив В.П. Столярова. Л.2.

<sup>3</sup> ЦА ФСБ РФ. Д.Р-32071. Л.58–58об. Протокол допроса гр-на Столярова К.Т. от 22/III 33 года. Записано собственноручно.

<sup>4</sup> Трудовой список. Столяров Корнилий Тимофеевич. Личный архив В.П. Столярова. Л.2.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> ЦА ФСБ РФ. Д.Р-32071. Протокол допроса гр-на Столярова К.Т. от 23/III 33 года. Л.1об.–2.

<sup>7</sup> ЦА ФСБ РФ. Д.Р-32071. Протокол допроса Столярова Павла Тимофеевича от 11 апреля 1933 года.

<sup>8</sup> ЦА ФСБ РФ. Д.Р-32071. Выписка из протокола заседания коллегии ОГПУ от 8 июня 1933 г.

<sup>9</sup> Справка ЦА ФСБ РФ № 10/а-С-336 от 01.04.2004. Личный архив В.П. Столярова.

<sup>10</sup> Письмо К.Т. Столярова дочери И.К. Столяровой из Соловецкого лагеря особого назначения. 12 апреля 1937 г. Личный архив В.П. Столярова.

<sup>11</sup> Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. Справочник. М., 1998. С. 396.

<sup>12</sup> Оперативный Приказ Народного Комиссара Внутренних Дел Союза СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. ЦА ФСБ РФ.

<sup>13</sup> Там же.

<sup>14</sup> Священник Павел Флоренский. Все думы — о вас. Письма семье из лагерей и тюрем. 1933—1937 гг. СПб., 2004. С. 520—521.

<sup>15</sup> Архив НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург). Сведения предоставила И. Флиге.

<sup>16</sup> Акт об исполнении приговора от 8 декабря 1937 г. Личный архив В.П. Столярова.

<sup>17</sup> ЦА ФСБ РФ. Д.Р-32071. Из определения о реабилитации Столярова К.Т. 15 июля 1935 г. Л.211.

<sup>18</sup> Справка Верховного Суда СССР № 02/ДСП-8081-56 от 31 июля 1957 г. Личный архив В.П. Столярова.

<sup>19</sup> Справка Верховного Суда РФ № 02дсп-8081-56 от 30.12.1993 г. Личный архив В.П. Столярова.

<sup>20</sup> Справка Генеральной Прокуратуры РФ №13/3-5999 от 06.12.1994 г. Личный архив В.П. Столярова.

\* \* \*

**Биографические сведения** о чекисте Заковском Леониде Михайловиче (Штубисе Генрихе Эрнестовиче), который в составе особой тройки УНКВД Ленинградской области (в то время начальник управления) вынес смертный приговор узнику Соловецкой тюрьмы К.Т. Столярову, приводится из книги-справочника: *Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934—1941. М., 1999. С. 198—200.*



### **ЗАКОВСКИЙ (ШТУБИС) ЛЕОНИД (ГЕНРИХ) МИХАЙЛОВИЧ (ЭРНЕСТОВИЧ)**

(1894, усадьба Рудбаржи, Курляндская губ.— 29.08.1938, Москва). Родился в семье лесника. Латыш. В КП с 1913<sup>1</sup>. Депутат Верховного Совета СССР 1 созыва.

**Образование:** 2 класса Либавского гор. училища, исключён 1909.

Жил с родителями; в доме Заковских была организована конспиративная квартира Либавской организации РСДРП; ученик ремесленника в частной медно-жестяной мастерской Ансона, г. Либава 1909—1911<sup>2</sup>; матрос на пароходе «Курск» Русско-Восточно-Азиатского пароходства на линии Либава — Нью-Йорк 1911—1912; подмастерье в медно-механической мастерской Ансона, Либава 1912—1913; арестован и обыскан полицией 27.02.13 вместе с братом Фрицем Штубисом; через 3 дня освобождён под гласный надзор полиции; вновь арестован 06.11.13, содержался в Либавской, а с 29.11.13 в Митавской тюрьме; в постановлении нач. Курляндского губ. жандармского упр. от 01.12.13 указано, что Г. Штубис (Заковский) политически неблагонадёжен и принадлежит к Либавской группе анархистов, виновным себя не признал; по решению Особого Сопсования МВД от 03.01.14 выслан на 3 года под гласный надзор полиции в Олонекскую губ.; находился в ссылке в Олонекской губ. 05.14—04.01.17; по окончании ссылки прибыл в Петроград; от мобилизации в армию уклонился; в 02.17 принял участие в уличных боях; примкнул к Центру объединённых латышских групп РСДРП(б) Северного р-на Петрограда; после 07.17 скрывался от властей; рабочий-металлист в кустарных мастерских, Петроград 02.17—07.17; рабочий на з-де «Скорород», Петроград 1917; член Красной гвардии



Василеостровского р-на, участвовал с отрядом матросов в захвате петроградской телефонной станции **10.17**; участвовал в боях под Гатчиной.

**В органах ВЧК—ОГПУ—НКВД**<sup>3</sup>: разведчик, нач. разведки и командир ВЧК **12.17—03.18**; особоуполн. президиума ВЧК на Западном, Южном и Восточном фронтах **03.18—1918**; нач. ОО Каспийско-Кавказского фронта **1918—01.19**; нач. осведомит. отд-я ОО МЧК **02.19—12.19**; нач. ОО Одесской губ. ЧК **01.20—1920**; член коллегии Одесской губ. ЧК **17.03.20—03.21**; нач. СОЧ Одесской губ. ЧК **1920—03.21**; пред. Подольской губ. ЧК **03.21—02.22**; нач. Подольского губ. отд. ГПУ **02.22—03.23**; нач. Одесского губ. отд. ГПУ **06.03.23—01.08.25**; уполн. ГПУ УССР по Молдавской АССР **27.11.24—04.25**; нач. Одесского окр. отд. ГПУ **01.08.25—27.10.25**; полпред ОГПУ по Сибирскому краю **06.02.26—16.08.30**; нач. ОО Сибирского ВО **06.02.26—08.30**; полпред ОГПУ по Западно-Сибирскому краю **01.08.30—10.04.32**; полпред ОГПУ по БССР — пред. ГПУ БССР **10.04.32—10.07.34**; нач. ОО ОГПУ—НКВД БВО **11.05.32—10.12.34**; нарком внутр. дел БССР **15.07.34—10.12.34**; нач. УНКВД Ленинградской обл. **10.12.34—20.01.38**; нач. ОО ГУГБ НКВД ЛВО **12.34—17.11.35**; нач. УНКВД Московской обл. **20.01.38—28.03.38**; зам. наркома внутр. дел СССР **29.01.38—16.04.38**; нач. Упр. ОО НКВД СССР **28.03.38—20.04.38**; нач. строительства Куйбышевского гидроузла НКВД СССР **20.04.38—30.04.38**.

Арестован **30.04.38**; приговорён ВКВС СССР **29.08.38** по ст. 58-6, 58-8, 58-11 УК РСФСР к ВМН. Расстрелян.

Не реабилитирован.

**Звание:** комиссар ГБ 1 ранга **26.11.35**.

**Награды:** орден Красного Знамени (Прик. РВСР № 148) **1922**; орден Красного Знамени **20.12.32**; знак «Почётный работник ВЧК—ГПУ (V)» № 14; знак «Почётный работник ВЧК—ГПУ (XV)» **26.05.33**; орден Красной Звезды **14.02.36**; орден Ленина **25.06.37**; медаль «XX лет РККА» **22.02.38**.

---

#### Примечания:

<sup>1</sup> Партийный стаж вызывает сомнения, поскольку на основании данных царской охраны принадлежность Заковского к РСДРП не установлена. Однако официально партийный стаж Заковского не изменялся даже после его ареста.

<sup>2</sup> В биографии, опубликованной газетой «Большевистская трибуна» (1937. 16 нояб.), дореволюционный период жизни Заковского освещался так: «За участие в революционной

работе Леонид и его старший брат арестованы, брат сослан в Сибирь. Леонид работал учеником в медно-жестяной мастерской, в 1909 г. арестован. С 1912 г. юнга и кочегар на пароходе "Курск"; работал на лесозаготовках, с 1913 г. подручный в мастерской; осенью 1913 г. арестован, сидел в Либавской тюрьме в одиночке, переведён в тюрьму г. Митавы, осуждён и в январе 1914 г. сослан на 3 года в Олонецкую губернию. С января 1917 г. в армии. От рабочих з-да "Скороход" лично сдал деньги В.И. Ленину на газету "Правда". Эта версия биографии Заковского противоречит данным охранного отделения (приведены нами в тексте биографии).

<sup>3</sup> Деятельность Заковского в первые годы работы на «незримом фронте» в той же газете описана следующим образом: «Уполномочен от ВЧК составлять протоколы на торговые заведения, где производилась незаконная продажа хлеба, арестовывал бывшего военного министра Верховского и Рябушинского, ликвидировал бандитизм в Петрограде, был направлен ВЧК в Казань для ликвидации «Союза спасения Родины» под видом белого офицера, арестовал руководителя Союза генерал-майора Попова, в 1918 г. ликвидировал кулацкое восстание в Саратовской губернии, ликвидировал восстания в Астрахани и Рязани».

В.И. ПЛУЖНИКОВ

## НА ДАЛЬНИХ ПОДСТУПАХ К ТОМАМ «СВОДА»

### Фрагменты воспоминаний

Выражение «Свод памятников русской архитектуры» я впервые услышал за десять лет до того, как было принято официальное решение о его издании. В 1957 г., в истфаковской аудитории на улице Герцена (дом 6) недавно скончавшийся директор Института искусствознания А.И. Комеч (в ту пору — румяный студент-оптимист в зелёной вязаной шапочке, увлекавшийся творчеством Ивана Старова и музыкой) интригуяюще процитировал своего однокурсника Герольда Вздорнова, нынешнего членкора Российской Академии наук. Вздорнов, тогда устремлённый в древнерусское зодчество, предложил начать составление то ли Свода, то ли Регистра архитектурных памятников. Эта идея показалась правильной и благородной, но тогда была утопичной. Интерес студентов к старинной церковной архитектуре приводил их к неприятным беседам в парткоме Истфака МГУ: за «нездоровый интерес к религии» могли исключить из комсомола и отчислить из университета; Хрущёв пообещал вкратце показывать публике последнего попа, и это вульгарное хвастовство поощрило вандалистскую порчу культовых зданий; ради возведения школы для дефективных детей больших начальников снесли Опричный двор в центре Москвы. Даже учредить добровольное общество охраны памятников власть долго не разрешала. После многолетних просьб научной и просто общественности это, наконец, произошло в 1964 г., который ЮНЕСКО, видя разрушительный разгульный нигилизм позднехрущёвского периода, объявила Международным годом охраны памятников. К тому времени я немного прослужил в архитектурной реставрации, участвовал в паспортизации сельских архитектурных памятников Московской области и стал младшим научным сотрудником Научно-методического совета по охране памят-

ников культуры при Президиуме Академии наук СССР. До мая 1960 г. (до своей кончины) во главе этого Методсовета — учреждения с обширными общественными связями и миниатюрным штатом — стоял академик И.Э. Грабарь. Он же руководил Институтом истории искусств (нынешний Государственный институт искусствознания). При жизни Грабаря оба учреждения размещались под одной крышей, имели общую бухгалтерию и единый отдел кадров. В начале 1960-х гг. (до июня 1963 г.) эта крыша перекрывала бывший банк «Лионский кредит» (на углу Кузнецкого моста и Рождественки). На третьем этаже репрезентативного здания, возведённого по проекту С.С. Эйбушица, сидели: институтская дирекция, наш Методсовет и тихий институтский сектор, в чьё название входило слово «экспедиция». Мы, штатные методсоветчики, много и с любопытством ездили по всему Советскому Союзу, почти не замечая тихих подвижниц из экспедиционного сектора, которые неторопливо приводили в товарный вид свои путевые накопления с этнографическим отливом: обмеры, снимки и описания бревенчатых изб, амбаров, деревянных мостов, колодцев со ступальными колёсами. Между тем именно к этому сектору нам стоило бы присмотреться. Его возглавлял Иван Васильевич Маковецкий — доктор архитектуры и сын священника-лишеница из села Великое в Гаврилов-Ямском районе Ярославской области. Человек инициативный и в то же время неконфликтный, он вскоре стал начальником министерской Инспекции по охране памятников истории и культуры. Инспекция была республиканского подчинения, а институт — общесоюзного. Вместе с заместителем директора того же института Олегом Александровичем Швидковским И.В. Маковецкий сделал важнейший шаг в реализации студенческих мечтаний будущего академика Вздорнова о Своде архитектурных памятников. Доктор исторических наук О.А. Швидковский, по образованию архитектор, был на хорошем счету у министра культуры СССР и члена Политбюро ЦК КПСС Е.А. Фурцевой. Входя в руководящую верхушку института с фрондёрским научным контингентом, который приводил в бешенство Первого замминистра культуры СССР, Швидковский никогда не опускался до безответственной раскованности рядовых научных сотрудников, но и не повторял грубых ошибок другого институтского замдиректора, который пришёл из аппарата ЦК КПСС и пытался цекистскими методами сцементировать рыхлую спобистскую среду интеллектуалов-субъективистов. Временами коммунистическая правовер-

ность Швидковского была через край: будучи комиссаром советской выставки в Англии, он отказался открывать её, пока из экспозиции не уберут татлинский кабинет, объёмно воссозданный по картинкам лондонскими студентами-дизайнерами. В начале 1990 г., незадолго до кончины О.А. Швидковского, я навесил его в академической больнице за универмагом «Москва». После ампутации ноги Олег Александрович лежал с переносным телевизором в двухкомнатном одноместном номере на элитном втором этаже, за стеклянными дверями с узорами плавиковой кислотой. Был необычно приветлив и грустен; посетовал, сколько его сил и времени невосполнимо погублено дипломатией и представительством. Его мысли и раньше не ограничивались Россией текущего момента. Например, существенную роль играли контакты с Чехословакией. В середине 1970-х гг. одно из заседаний сектора Свода прошло на квартире Швидковского, и заседавшие удивлённо глядели на папку с надписью «XXI век» — до него нас ещё отделяла четверть столетия. Внимание к ходу времени позволило Швидковскому и Маковецкому верно выбрать момент для закладки фундамента под уникальное долгосрочное сооружение — Свод памятников истории и культуры народов СССР, формируемый томами по регионам в размере области или края. Авторитетные заступники за архитектурное, археологическое, военно-историческое и мемориальное наследие и старинную монументальную живопись добились публикации такого Свода силами научных институтов и академического издательства, а также учреждений в системе Министерства культуры. Документ был принят 2 октября 1967 г. коллегией Министерства культуры СССР и Президиумом Академии наук СССР (разумеется, с согласия ЦК КПСС). Для старшего поколения это календарное число не было нейтральным: в 1941 г. Гитлер возвестил о начале последнего этапа войны против нашей страны и начал наступление на Москву, а через десять лет, в разгар Корейской войны (с тайным участием нашей страны), сталинское руководство и просоветские сателлиты отмечали «День сторонников мира» (центральная пресса публиковала картинку Бориса Ефимова, превратившую основание двойки в широкую ударную плоскость молота над головами капиталистов). Октябрь 1967 г. попал в полосу бесшумного отката от хрущёвской оттепели, которую с конца 1950-х гг. дискредитировал развязный волонтаризм лидера КПСС. Через полгода после снятия Хрущёва со всех должностей страна опять торжественно отметила, после долгого

перерыва, свой самый серьёзный и полноценный историко-политический праздник — День Победы, точнее — 20-летие со дня победы над фашистской Германией. Этот день снова стал нерабочим, были выпущены юбилейные рубли и медали, участникам войны вручили эффектные подарки. В тот же год удачно подвернулся иностранный фильм «Кто вы, доктор Зорге?», который помог реабилитировать советские спецслужбы в глазах населения, ошеломлённого приоткрывшейся правдой о кровавых беззакониях сталинского времени. Теперь неумное тотальное замалчивание имени Сталина сменялось его плавной реабилитацией. Оттеня перелицовку советских городов на безнационально-стандартный лад, власти в брежневско-косыгинский период отказались от грубого противодействия охране и реставрации памятников, а заодно ослабили притеснение церкви. Решение о Своде памятников входило в череду свидетельств об охранительно-стабилизирующей политике обновлённого руководства страной.

Очевидно, на правительственное решение о Своде памятников повлиял целый ряд факторов и событий. Среди них свою роль, возможно, сыграло и уголовное дело против писателей А.Д. Синаевского и Ю.М. Даниэля. Не прошло и года после низвержения Хрущёва, как их арестовали за публикацию собственных беллетристических произведений на Западе, а потом приговорили к лишению свободы на срок в 7 и 5 лет. Беспартийная гуманитарная интеллигенция, незадолго до того оскорблённая поздехрущёвским агрессивным хамством, теперь стала свидетелем беззаконий, которыми не погнушались противники Хрущёва (его недавние соратники). Немалая часть такой интеллигенции в последние годы путешествовала по бывшим уездным городам и старинным сёлам России, предпочитая их курортам Юга и Прибалтики. Подобные перемещения невольно давали повод к кулуарным разговорам о бессмысленном вандализме большевиков и повсеместном неуважении коммунистической власти к культуре прошлого, особенно к церковной и усадебной. В это же время, в середине 1960-х гг., издательство «Искусство» приступило к выпуску общедоступных жёлтых книжечек из серии «Дороги к прекрасному», где многочисленные фотоиллюстрации неоспоримо доказывали, что судьба многих старинных архитектурных произведений в русской провинции весьма печальна. Вместе с консервативными мерами официальный поворот к Своду позволял сократить раздражённость в языкастой социальной группе, которая не получала

внушительных подачек от власти, а потому обладала минимальным бесстрашием, к тому же начала пополнять штат сторожей, дворников, истонников и могла разлагающе влиять на другие слои населения.

Вспоминая о деле Синяевского — Даниэля, стоит отметить один эпизод. Их ровесник и бывший приятель, отличный знаток среднеазиатского зодчества, навёл чекистов на тайник с рукописями в квартире Синяевского, а через некоторое время обратился в наш институт, чтобы защитить здесь диссертацию, но встретил уверенный отпор. А другие приятели тех же литераторов, искусствоведы с издательским опытом, в это время странствовали по Волге и готовили книгу для упомянутой «жёлтой серии».

Полезно знать, что никаких правительственных документов союзного или общероссийского значения о Своде памятников не было. Это существенно замедляло его формирование даже в те годы, когда паспортизацию памятников регулярно финансировало государство и было не так уж мало физически сильных и активных специалистов, способных грамотно выполнять эту работу. Без такого документа сбор натурной и архивной информации в регионах зависел от капризов местной партийной власти и тех учреждений, которые не подчинялись ведомству культуры. Между тем в Белорусской ССР такой документ вышел в свет. Поэтому белорусские тома Свода, сформированные и изданные на высоком уровне, легли на прилавок значительно раньше, чем первые российские, хотя научная объективность статей о белорусском барокко в глаза не била. Несомненное влияние польской католической архитектуры на белорусское зодчество осталось как бы незамеченным.

Первая молва о создании сектора Свода памятников, включаемого в структуру Института истории искусств, естественно, вызвала у меня одобрение, но без особых эмоций. Тогда я не думал, что это событие как-то повлияет на мою судьбу, потому что по натуре не был летуном да и без этого сектора продолжал разъезжать по Советскому Союзу, порой проникая в экзотически-глухие и далёкие районы. Консервативную стабильность моей жизни энергично нарушила наставница по Методсовету Елена Прокофьевна Щукина — ландшафтный архитектор и родственница знаменитых коллекционеров живописи. Она почти силой направила меня в аспиранты нового сектора, но церковную тематику моих историко-архитектурных накоплений в сочетании с беспартийностью враждебно встретила тогдашняя заваспирантурой Института

истории искусств. Эта женщина (в прошлом актриса Камерного театра Таирова) не без оснований объяснила мою беспартийность несогласием с линией КПСС и внушила, что в аспирантуре таким делать нечего. Менять тематику и терять беспартийную свободу я счёл невозможным, и мне, вроде бы, ничто не светило. Вскоре эта дама почему-то уволилась и стала смотрительницей зала в Музее изобразительных искусств, освободив мне путь в заочную аспирантуру, которая не слишком повлияла на мою повседневную жизнь. К середине 1970 г. один из сотрудников Сектора, 63-х лет, собрался его покинуть. Здесь он начинал работу над Брянской областью, а до этого, на Украине, достиг высоких степеней, пропагандируя советскую архитектуру как лучшую в мире. Выйдя на пенсию в брежневскую эпоху, он, к удивлению бывших коллег, занялся богоискательством, коллекционировал похоронные марши и в 70 лет ушёл из жизни. На часть его ставки меня пригласили в штат Сектора, где затем пролетело больше половины моей жизни. До прихода сюда же И.К. Русакомского я был здесь самым младшим сотрудником.

К моменту моего зачисления в Сектор организационно-стратегический этап его биографии ещё не закончился. Институт к тому времени переехал в голицынский особняк в Козицком переулке. Резиденцией сектора тогда была двухэтажная комната номер 23, но нередко мы заседали в овальном «Музыкальном зале». Там члены Сектора продолжали уточнять структурные основы небывалого многотомного издания — например, объём статей об отдельных и комплексных памятниках, порядок информации в статьях, родительно-падежные и прилагательные определения в названиях, меру обобщённости заголовочных дат, отношение к аналогам. Этот благородный интерьер, сейчас занимаемый музыковедами либо учёными советами, окружал заседающих атмосферой интеллектуальной значительности. Возвышенное и самоуважительное настроение меняли многочасовые специализированные заседания иного рода. В начале 1970-х гг. они были еженедельными, но быстро сошли на нет, так как сильно утомляли всех участников, не радовали высокой продуктивностью, однако на долгие годы приподняли уровень натурного обследования архитектурных памятников в разных российских регионах. Такие заседания проводились для экспертной приёмки паспортов, фиксационных фотоснимков и чертежей — перед бюджетной оплатой. Если наши посиделки в полном штатном



составе вряд ли отличались от регулярных сходов иных секторов, то приёмка вытесняла академичность суетливой деловитостью, свойственной худсоветам и экзаменам для студентов творческих профессий. Кстати, автор формы этих паспортов, которая по сей день используется для государственной охранно-учётной документации во всех регионах нашей страны, — сотрудник нашего сектора Аэлита Вениаминовна Королёва, человек с чёткой организацией труда, соединивший свой опыт работы учёным секретарём Государственного Исторического музея и партийно-государственную деловитость по примеру своих старших родственников. Голос и взгляд Аэлиты Вениаминовны, всегда выдававшие высокий самоконтроль, порой наводили ужас на её подотчётных собеседников. Однако в нестандартных неприятных ситуациях она проявляла порывистую, но весьма трезвую изобретательность, помогавшую нуждающимся, даже если об этом её не просили. Характерен июньский эпизод 1986 г. По давно свёрстанному плану группа сотрудников Сектора должна была выехать на Смоленщину. Прошло полтора месяца после взрыва на Чернобыльской АЭС, последствия которого власть умышленно принижала. Даже не посоветовавшись с отъезжающими, Королёва пошла к директорисе института и попросила её отменить выезд из-за вероятной радиоактивной опасности в зоне экспедиции. Директриса, которую такая тревога не обуревала, повторила казённые слова о том, что волнения напрасны, поскольку советские газеты и наше радио о заражённости этих мест не сообщали, а затем, в ответ на упрямую настойчивость Аэлиты Вениаминовны, посоветовала ездить там, где радиоактивных следов нет. Эти директорские рекомендации напомнили анекдот о пьяном, который ищет ключ под фонарём, потому что там светлее. Как и предвидела Аэлита Вениаминовна, газетный оптимизм не соответствовал реальной ситуации на выбранном маршруте.

А.В. Королёва умело представляла иностранцам совсем не идеальную охрану памятников в нашей стране. С её подачи, например, получали информацию по этим вопросам делегаты Китайской Народной Республики. Когда-то в похожей роли, на институтском безрыбье из-за внезапности встречи, я тоже давал интервью представителю восточной культуры. Это был какой-то странный тайландский дипломат с двумя переводчиками: один — русско-французский, другой — французско-тайский. Все мы сидели, совсем не парадно, вокруг стола пожилой ди-

ректорской секретарни (тогда самый старший по возрасту сотрудник Института, работавший раньше с А.Н. Туполевым и называвший себя «рофэрэнт директора»). Гости не снимали плащей-дождевиков, с галош сиамского гостя на паркете набухали лужи. Дипломат подарил мне вялую брошюрку альбомного формата, посвящённую культуре Таиланда. Блёклые фотографии среди немногословного текста, внешне похожего на грузинский, были слегка оживлены подложками цвета киселя из студенческой столовой.

Если Аэлита Вениаминовна разработала формы текстовых документов (прежде всего — паспортов и учётных карточек на недвижимые памятники истории и культуры), то составление нормативных указаний по графическим материалам и фотоиллюстрациям для паспортов возложили на меня. Следы этой работы, дополнительно узаконенной Министерством культуры РСФСР в июле 1989 г., встречаются в историко-архитектурных книгах по российским регионам и в изданиях других стран СНГ.

Приёмочная работа с иллюстрациями к паспортам дала ряд занятных и поучительных наблюдений. Обследователи памятников и исполнители графики далеко не всегда понимали, почему машинальное уменьшение реставрационных чертежей (например, с масштаба 1 : 50 на 1 : 200) не даёт нужного результата, если не делать поправки по натуре. Затребованную схематичность планов многие путали с небрежно-халтурным примитивом и не сразу понимали нашу рекомендацию о воспроизведении характера форм, для которого порой надо частично совместить разномасштабные элементы (например, для больших объёмов употребить масштаб, указанный внизу чертежа, а для сложной фасадной пластики — чуть крупнее). Наше требование прилагать к чертёжным оригиналам кроки (глазомерный эскиз со всеми натурными измерениями, по которым строится чистовое изображение) долгое время старались обойти наивным образом: уже на основании чертежа паспортист делал бутафорские кроки, которые отличались от подлинных подозрительной чистотой бумаги и удивительным отсутствием отдельных необходимых цифр. Кое-кто хитрил и при сдаче фотоснимков — после того, как их стали оплачивать по одной из двух категорий: обычная либо художественная. Документацию сдавали четырьмя комплектами (один для федерального министерства, другой — для областного управления культуры, третий — для союзного Методсовета, четвёр-

тый — для нашего сектора). Естественно, что предполагалась полная идентичность всех четырёх экземпляров, и как раз здесь скрывался подвох. Один из нынешних предприимчивых реставраторов, не так уж нуждавшийся в деньгах, обычно претендовал на художественную категорию своих снимков. Небо на них, как правило, было приятно-темноватым, с плавающими облачками. Однажды их форма показалась странной. Для проверки открыли другие комплекты, и оказалось, что облака на односюжетных снимках неодинаковы. Изобретательный любитель хороших гонораров за рядовые снимки клал при их печати вату на искусственно затемняемое небо. Вполне понятно, что при каждом из многих сюжетов одинаково класть ватные облачка на фотобумагу в тёмной комнате очень трудно. Конечно, так хитрили очень немногие. До сих пор с уважением вспоминаю планы церквей в глухих уголках Смоленской области, безупречно сделанные будущим директором Центральных научно-реставрационных мастерских Т.Е. Каменевой, которая тогда лишь заканчивала Московский архитектурный институт и просто работала предельно добросовестно: предположить тогда, что кто-то потом придет в непроходимую глушь проверять чертежи, нормальный человек не мог. Другие паспортисты-чертежники проявляли полезную изобретательность. Так, В.И. Якубени стал делать обобщённые генпланы сёл, где в жилой застройке вокруг главного объекта (обычно им было здание церкви) жирная линия обозначала парадно-фасадную сторону. К сожалению, этот жанр, опробованный в Переславльском районе Ярославской области, не получил затем должного распространения. Прекрасные картосхемы памятников архитектуры в городах и районах изредка делал В.К. Катков. Отсутствие институтского диплома он с лихвой восполнял отличными руками и беззаветно-влюблённым добыванием труднодоступной картографической информации.

Кроме предначертаний о структурах Свода маститые члены Сектора придавали новые, обобщённо-обезличенные формы статьям о хрестоматийных памятниках, а также, на основании охранных списков, библиотечных каталогов и фототеки Музея имени Щусева, составляли предварительные словники по областям. Фактическая авторитетность работающих в Секторе не была пропорциональной их возрасту. Помоему, большинство старших (по годам и должности) сотрудников не видело в работе над Сводом нового полноценного направления своей творческой жизни. От них контрастно отличался Всеволод Петрович

Выголов. Кстати, в нём меньше всего сквозила инертная зависимость от прежних мест работы. Спортивно-изящный, аристократично-подвижный без суетливости, нестандартно и весьма аккуратно одетый, с лёгкой петушиной заносчивостью в голосе высоких тонов, в конструкции лица напоминавший мне Евгения Евтушенко, Выголов нередко обескураживал новичков-собеседников резкими безжалостными суждениями об их работе и взглядах. Он отнюдь не был равнодушен к своему имиджу (правда, это слово мы тогда ещё не употребляли) — и в большом и в малом. Ему нравилась собственная уверенная причастность к академической науке, очень хорошая осведомлённость о новейших научных изданиях и закулисных новостях научной среды; нравилось, что в течение многих лет его читательский билет в Ленинку имел очень малый номер (кажется, 25 — в отличие от шестизначных у многих его коллег). Выголову льстило, что с ним дружески здоровались разные сотрудники этой библиотеки и продавцы Лавки писателя (в первую нану поездку он взял только что купленные там «Цветы зла» Бодлера, недоступные рядовому интеллигенту). Нравилось, что вторая жена-геолог отлично освоила не только французский, но и японский язык, после чего успешно работала в фирме «Эр Франс»; нравилось, что дальним предком был генерал Клебер, популярный в Великую французскую революцию. Правда, о том, что отец Выголова был белым офицером, обычно не говорилось. Выголову явно импонировал неполный вариант его имени — «Воля» (а не «Сева»). Мне кажется органичным, что радиосообщение о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз застало Волю в момент фехтования с двоюродным братом. Выголов был пропитан сознанием своего права на независимость и считал недостойными себя какие-либо просьбы, а тем более заискивающую покорность. Характерно посещение нековских палат 17 в., в которых разместился народный районный суд. С гордо и даже надменно поднятой головой Выголов прошёл перед своими помощниками через цепочку судебных помещений, не здороваясь с их хозяевами, которых обескуражила такая уверенность. А в Торопце взял на себя чужую вину и потому провёл ночь под надзором милиционеров, которые не преминули тотчас накляузничать институтскому начальству.

Заносчивая чопорность Выголова была во многом напускной. При бутафорской сварливости он безвозмездно помогал младшим, хотя не умел легко радоваться их успехам и порой отбивал охоту работать. В то

же время он был в раннем Секторе, видимо, самым щедрым. Со мной, например, он не только легко делился мыслями и источниками информации, но также безо всякого внешнего повода дарил совершенно новые книги, нужные для работы: например, «Историю государственных учреждений дореволюционной России» Н.П. Ерошкина, «Цветущее состояние Всероссийского государства» И.К. Кирилова, «Металлическое кружево Москвы» А.А. Колмоковского. У себя дома, напротив клуба имени Зуева на Лесной, он время от времени устраивал хлебосольные встречи с институтскими друзьями — будто бы для совместного созерцания футбола по телевизору.

Чтобы войти в жизнь сектора со сложной тематикой почти безграничного охвата и овладеть кондиционным языком, я с самого начала принялся анализировать тексты опытных сотрудников. Описания монументальной живописи осваивал по текстам Ираиды Николаевны Воейковой, которая тогда участвовала в издании институтских трудов о советском искусстве. Высокая статная дворянка со скандинавским лицом, она в Великую Отечественную войну служила в армии, по медицинской части. В 1970-е гг. любила ездить по экзотическим, практически неизвестным странам, а потом знакомила коллег по сектору и институту с архитектурой Йемена и других закоулков мировой культуры.

Учиться у Выголова стоило не только по его текстам, но и по его замечаниям на полях чужих статей. Выголовский почерк был для многих очень трудным, хотя и весьма отчётливым: разрозненные аккуратные букочки походили на деформированный бисер. По аналогии с учебниками скорописи я составил опознавательную таблицу выголовского почерка, которая цела и сегодня. Кстати, критические замечания по поводу его собственных статей Выголов воспринимал очень внимательно и без обиды.

В неосбытной методичной работе над Сводом памятников архитектуры Выголов имел все основания считать себя лидером по сути. Не случайно, что в самом конце 1970-х гг. тогдашний завсектором В.Е. Быков восторженно воскликнул на заседании: «Будь моя воля — я бы все статьи поручил писать Всеволоду Петровичу!»

Осенью 1970 г. центральная газета «Известия» поспешила сообщить, будто том Свода по Ярославской области уже подготовлен к печати и скоро появится в продаже. Вспоминать об этом сообщении смешно и грустно. Наивно-неточные представления начальников-учре-

дителей Свода сделали эту обширную и очень насыщенную российскую область экспериментальной, но том по её наследию до сих пор не только не вышел в свет, но и не имеет надёжной завершённой основы, хотя его нынешний куратор Е.Г. Щёболева интенсивно обследует этот регион и обеспечила подробную аннотацию по многим сотням архитектурных памятников на региональной карте культурного и природного наследия, выпущенной Институтом имени Лихачёва.

С Выголовым, Е.С. Ломновской (в ранний период жизни Сектора — его учёный секретарь и автор аннотаций по памятникам скульптуры), а также с племянницей композитора Никиты Богословского 10 августа 1970 г. я отправился в Ярославль, в свою первую командировку по Своду. Она совпала с официальным объявлением холерной опасности на Волге. В Ярославле, по оси фарватера, караваном косо стояли теплоходы с изнемогавшими от скуки пассажирами на палубах. Погода была отличной, мы к вечеру купались в реке, поглядывая на этот странный скособоченный караван, а днём удивлялись низкому качеству документации, которую с анлобмом выдала местная реставрационная мастерская. Не слишком сложную схему размещения архитектурных памятников в Ярославле пришлось корректировать годом позже, на исходе холодного дождливого дня, когда в подворотнях мокли хорошо одетые сотрудники из Управления наружного наблюдения, в составе КГБ. Они оберегали покой председателя Госплана СССР и члена ЦК КПСС Н.К. Байбакова, который прибыл сюда наградить Ярославскую область орденом, а на ночь разместился на дворовой половине в мезонине партархива. Двумя днями позже, на бульжковой дороге в Большесельском районе, нашу простецкую повозку нагнал эскорт в несколько великоленных автомобилей. Сырую серую мглу пронзал луч прожектора с первой машины, через мегафон послышались властные крики: «На обочину! На обочину!», напоминая хрестоматийное «На колени! На колени!» Так Байбакова взяли развлечься в Углич.

Пожалуй, в Ярославле я впервые столкнулся с провинциальной тщеславной прижимистостью. Реставратор, слышавший в этом городе самоотверженным интеллигентом, подвижником в благородном неофициозном деле, был раздосадован тем, что в одном из ярославских дворов мы наткнулись на оригинальный неучтённый фрагмент палат 17 в., встроенный в позднейшее здание. Когда Выголов в радостном возбуждении сообщил данному реставратору о полезной находке, тот

признался, что знал об этом фрагменте, но собирался лично сделать первую публикацию о нём в каком-нибудь научном издании. Завистливая недоброжелательность местных полупрофессионалов к московским исследователям встречалась и позже. Резче, чем в Ярославле, она не раз выплёскивалась против Выголова в Брянской области и снова проявилась через несколько лет после его смерти и выхода Брянского тома в свет. Явно от зависти немолодой архитектор в Орле, занимавшийся в сталинское время «реконструкцией» старинной архитектуры, а затем прослышавший её главным знатоком и защитником, в выступлениях называл Комеча фотографом, хотя понимал, что именно ему принадлежит крупномасштабная расшифровка местных архитектурных особенностей, лишь подкреплённая личными первоклассными снимками.

Устойчивые дружеские отношения и научное единомыслие связывали Выголова с Комечем, не похожим на него ни по темпераменту, ни по методам фиксации памятников. Я не припомню, чтобы Комеч участвовал в коллективной приёмке паспортов. Она невольно развивала в членах сектора малоприятную хищность таможенника. Для Комеча это качество было бы слишком мелким. Его интересовали не столько соответствия документов натуре или правилам, сколько крупные процессы в духовной культуре. Он с высоким КПД извлек практические уроки из журналистской профессии отца и детских впечатлений в оккупированной Германии. В натуре Комеча сильно желание всё делать хорошо, причём не с великопостно-мертвенным чувством долга, а с удовольствием. По-моему, Комеч всегда находил вкус в работе и вносил в неё артистизм Моцарта (очевидно, даже тогда, когда попал на военные сборы мирного времени). Если бы он не имел высшего образования, то, думаю, стал бы заметным музыкантом или выдающимся фотографом-виртуозом.

В стороне от служебного искусствоведения Комеч профессионально любил классическую музыку. Пластинки с ней он покупал только для единственного звучания, во время которого копировал на магнитофон. Затем пластинка вставала на вечное беззвучное хранение, притом не всегда в родной фабричной упаковке. На углу Малой Дмитровки и Садового кольца Комеч покупал при мне речи Брежнева: они стоили дешевле обычных грампластинок, а упаковку партийных речей делали плотнее и прочнее, чем для аполитичной музыки. Идейные пластинки Комеч тут же выкидывал, но их пакеты продолжали жить, уже во имя вечного искусства.

Ещё более заботлив он был с фототехникой. Помню, как он упорно искал конкретный том из большого собрания сочинений Гоголя — в надежде обменять эту книгу на хороший японский аппарат для архитектурных съёмок (людей в наших совместных долгих поездках он, по моему, никогда не снимал). Лишнего в вещах Комеча не бывало, но то, что помогало работе, он ценил и берёг. Случайно забыв на усадебной лестнице клизмочку для обдувания дорогого объектива, он заставил экспедиционную группу сделать крюк в десятки километров, так как не мог смириться с пропажей этого неглавного предмета.

Прибыв к концу дня в Смоленск на тихходной экспедиционной машине, он сразу велел шофёру быть на таком-то месте в 5.50 утра, на другом — в 6.20 и так далее, по его расчётам оптимальной освещённости зданий. Увлечённость работой заставляла Комеча не обращать внимания на посторонние обстоятельства и пренебрегать собственной безопасностью. Там же, в Смоленске, он, взглядываясь на ходу в видоискатель, с размаха врезался грудью в фонарный столб на мосту и долго страдал от этой травмы, хотя никогда не говорил о своих неприятностях. А в усадьбе Потаново (под Гжатском-Гагарином) он рухнул с высокого забора, откуда старался эффектно снять миниатюрную церковь середины 18 в.

Попутчиков по экспедициям Комеч неумоимо окружал заботливой теплотой, сочетая альтруизм с эпикурейством. Несговорчивая убеждённость в своей правоте у него была сильнее, чем у Выголова, но без нужды Комеч её не проявлял. Примерно с четвёртого дня командировки-экспедиции давали себя знать бытовые неудобства. Максимально защищая дружелюбное сотрудничество, Комеч никогда не опускался в псевдопринципиальную мелочность и даже при более важных расхождениях мягко осаживал оппонентов совсем не обидными выражениями — например: «Это какая-то абберрация», «Ты говоришь что-то не то». Тщательно и тонко оберегая чужое самолюбие, он иногда использовал одну и ту же фразу: «Нас неправильно воспитывали!» Так, уклоняясь от неоправданного агрессивного противостояния, он как бы включал и себя в группу своих бестолковых скандальных собеседников, которая не получила верных представлений об окружающем мире и правилах спокойного, достойного сосуществования. Равнодушный к личному имиджу, он в экспедиции читал вечерами не элитного Бодлера, а хрестоматийного Герцена, «Былое и думы», — потому что извлекал из него интересные и нужные мысли.



Наверное, свежесть мышления и внутренняя сила Комеча вызывали тоскливую зависть у кого-то из старших коллег. Однажды их «праведный гнев» обрушился на его машинописный текст, к которому флажками были подклеены довольно длинные рукописные вставки. Значит, Комеча напоследок осенили новые мысли, которые он считал важными. Их отсутствие вряд ли было бы замечено, но, по представлениям Комеча, превращало аккуратный текст в равнодушную халтуру, недостойную специалиста. Мёртвую монотонность статей Свода — его родовой порок — Комеч нарушал желанием найти в каждом архитектурном памятнике главную художественную идею. Занятие Сводом как главным делом было слишком тесным для Комеча, и при первой возможности он перешёл в сектор древнерусского искусства. Там он больше чувствовал себя на своём месте как ученик В.Н. Лазарева и Н.И. Брунова (последнее подчеркнул на странице 594 петербургский учебник русской архитектуры, изданный в 1994 г.).

В так называемых экспедициях (по-моему, это всего лишь командировки с заездами в сельские населённые пункты) весьма колоритными были водители. Самый яркий и самый первый по времени — недавно скончавшийся Михаил Григорьевич Демидов, человек исключительно сложной, тяжёлой и невероятной судьбы. Трагическая случайность переместила парня с двумя классами образования в тюрьмы и лагеря на 16 с лишним лет. Преодолев этот страшный период, он экстерном сдавал экзамены по три класса за год, поступил в юридический институт, потом, оставаясь беспартийным, стал старшим юрисконсультom в союзном министерстве лесной и целлюлозной промышленности, а уже от него разъезжал по дальним леспромхозам и растолковывал тёмным беспаспортным работягам их законные права. Горжусь тем, что после кончины Демидова мне удалось опубликовать развёрнутый очерк его жизни (газета «Алфавит», № 40, 2002, с. 20–21).

В 1970-е гг. нам для экспедиций выделили старомодный «козлик» — ГАЗ-69. Через щели между брезентом и каркасом «салон» наполняла пыль сельских дорог; на тёмно-зелёных железных бортах красовалась крупная трафаретная надпись «Киносъёмочная». Со временем мы извлекли из неё небольшую пользу. Как-то в Мглине или Погаре небольшой ресторанчик закрыли на обед намного раньше перерыва, и нам эта надпись, как и министерские документы, ничем не помогла. Вскоре я получил от товарищей из Союзмультифильма яркую заставку

сатирического киножурнала «Фитиль», форматом А4. В те годы «Фитиль» хорошо знали в народе и, вроде «Крокодила», его считали одним из немногих инструментов, способных ощутимо подпортить жизнь бессовестным согражданам. Теперь, подъезжая к местам общественного питания, бензозаправкам и гостиницам, мы приклеивали скотчем эту эмблему на лобовое стекло и меньше терпели от хамства провинциальных работников. А в Мценске, когда наша машина стояла у соборной ограды, местные комсомольцы, прибывшие на крещение детей, панически пробегали мимо нас, на всякий случай закрыв головы парадными пиджаками.

Самой нестандартной фигурой среди сотрудников среднего поколения, по-моему, был тогда Леонард Владиславович Тьдман, существовавший в Секторе не слишком комфортно и покинувший его беспокойно. Тьдман, помимо весомого искусствоведческого багажа, имел навыки из других профессий (в войну работал, по-моему, на медеплавильном предприятии; до искусствоведения учился на музыканта и географа; при гуманитарном дипломе сам вёл практическую реставрацию запущенных старинных зданий в подмосковных усадьбах Перово, Киново, Никольское-Урюпино). Его отличали от многих романтическая порывистость, большая (до неразборчивости) симпатия к одиночкам, идущим против течения, резкая враждебность к тоталитаристским аномалиям, пылкая гражданственность, унаследованная от своего отца — крупномасштабного человека с биографией, достойной писательского внимания и притом совсем не подпорченной тщеславием. Влюблённый в 18 в., Л. Тьдман старался защищать для статей Свода колоритно-архаичные языковые формы (например, заглавная буква перемещала рядовую усадьбную постройку из имён нарицательных в собственные). Однако мощного влечения коллег к стандартизации Тьдман не преодолел: она удобна для скоростной выборки нужной информации и для составления статей, когда историко-архитектурная эрудиция их авторов ограничена. Включаясь в составление Свода, Тьдман с воодушевлением развивал традицию 19 в. в выявлении и учёте старинных зданий. Вместе с архитектором-реставратором В.И. Якубени он составил тщательно продуманный вопросник для тех, кто обследует памятники зодчества, прежде всего неброские и впервые вводимые в историю архитектуры. С таким же азартом он направлял и контролировал восстановительные работы в классицистическом здании нашего института.

Лет за двадцать до выхода его замечательной книги «Изба, дом, дворец» он охотно передавал неопубликованные наблюдения из многолетней практики своим помощникам, но они это, видимо, оценили недостаточно. Перед этим его окрылила дружба с более молодым химиком-фармакологом Е.В. Николаевым (1934–1967), который под несомненным влиянием Тьдмана проявил большую гуманитарную одарённость и через треть века с лишним после ранней кончины остаётся в памяти искусствоведов как исследователь классицизма. В увлекающемся Тьдмане возвышенно-радостные контакты с Николаевым укрепили веру в таланты без соответствующих дипломов. Однако за годы работы в нашем институте эти надежды оправдались мало. К сожалению, за время работы в Секторе Тьдман превратился из экстраверта в интроверта. Он не раз цитировал слова Екатерины II о том, что иметь врагов — непозволительная роскошь, но оказался слишком зависимым от быстро разгорающихся собственных негативных эмоций. В частности, он скоропалительно и категорично клеймил чужие оплошности словом «враньё». Между тем сегодня при просмотре давних наработок Свода всё чаще вспоминается китайская поговорка о том, как рискованно кидаться камнями, находясь в стеклянном доме. Материал бывшего куратора порой вызывает досаду и растерянность из-за просчётов, которые сегодня наш сектор не простил бы даже студенту.

Остальные сотрудники Сектора были от меня дальше, и знал я их меньше. В отсутствие И.В. Маковецкого заседания сектора проводил Анолинирий Иванович Власюк. Сужу по себе: вряд ли он был оценён по достоинству. Тяжеловесный буквалист и почитатель нормативов, прежде работавший в Строительном отделе ЦК КПСС, он в 1970-е гг. систематизировал строительные предписания 2-й половины 19 в. — эпохи, долго считавшейся скучной, эстетически слабой и мало достойной внимания искусствоведов. При работе над Ивановским томом он насаждал порайонное «субкураторство» различными сотрудниками Сектора, однако тогда это новшество не прижилось (приступал к этой области Власюк, продолжали заниматься ею В.И. Казаринова и Е.И. Кириченко, но серьёзный вид изданию значительно позже придала и вывела его в свет тремя книгами Е.Г. Щёболева). Мне помнится, что суждения Власюка, порой весьма дельные, встречали бессознательное противодействие. Поэтому он не раз повторял их. Например, характеристики памятников, обесцвеченные справочно-энциклопедической

природой предстоящего издания, Власюк сравнивал с неразличимыми кусками пиленого сахара, а также неоднократно подчёркивал смысловую неодинаковость выражений «лишённый декора» и «не имеющий декора». Власюк искренне удивлялся, когда сотрудники раздражённо указывали на совпадения целых кусков из его статей с текстом паспортов. Тогда Власюк сбивчиво напоминал, что эти паспорта писались под его же кураторским надзором. Инертно-устойчивый в своих убеждениях, но незлобивый и не метительный, он методично трудился сообразно собственным понятиям, заполняя бумажные листы монотонным жирновато-кудрявым почерком, похожим на распущенную шерсть, с грузными цветными точками-маркёрами, нанесёнными сточившимся мягким карандашом. Примерно за год до кончины Аполлинарий Иванович защитил докторскую диссертацию. Затем он пригласил к себе весь наш сектор, где радушно угощал домашними яствами, а вместо выспренных разговоров о науке или о М.Ф. Казакове (которому посвятил книгу) нахваливал своего кота как очень умное существо. Я не видел жизнь Сектора в самом начале его существования и думаю, что это застолье в квартире Власюка было нашим первым коллективной встречей за пределами института. Одной из причин нераспространённости внутрисекторных чаепитий была хорошая работа маленького уютного буфета под главной лестницей, позднее превращённого в склад и пропахшего хозяйственным мылом. Аполлинарий Иванович умер поздней осенью 1984 г., когда оставались месяцы до больших перемен в нашей стране и кулуарно обсуждались такие странные новости, как самоубийство министра внутренних дел Н.А. Щёлокова или отказ от поворота северных рек к бахчам Казахстана.

Как ни странно, основатели Свода, которые добились постановления о его издании, оказались в большей мере дипломатичными тактиками, нежели реалистичными стратегами. Они упорно отстаивали комплексно-слитные выпуски Свода: в каждом томе — ёмкая информация о всех недвижимых объектах историко-культурного наследия в данном регионе — о памятниках не только зодчества и монументального искусства, но также археологии, военной и гражданской истории. Помимо неудобств с компоновкой пёстрых сведений, трудно рассчитывать на раскупаемость толстенных разнохарактерных томов, особенно частными лицами.

На раннем этапе существования нашего сектора и подобных подразделений в других научных институтах существовал разноразмерный даже в

отношении одного и того же вида наследия. Например, архитектурными памятниками Калужской области вначале занимался НИИ культуры (теперь Институт культурологии), где информацию — в особенности иллюстративную — свели к такому минимуму, который у нас в секторе считается недопустимо скудным.

Бесконфликтно и довольно часто я общался со всеми младшими научными сотрудниками академического Института истории СССР, имеющими отношение к Своду, но приписанными к сектору исторической географии. Среди них, в частности, был нынешний заместитель директора Государственного исторического музея В.Л. Егоров, с которым раньше мы сотрудничали в Методсовете и от него не раз ездили вместе через Среднюю Азию до самой афганской границы, а уже по Своду встречались в Ярославле. Добрую память о себе оставил Б.И. Гаврилов, увлекавшийся предреволюционным военным кораблестроением и сыгравший большую роль в возвращении доброго имени солдатам-окруженцам, которые погибли весной и летом 1942 г. под Мясным Бором ради прорыва ленинградской блокады. В конце 2003 г. Борю Гаврилова нашли с проломленным черепом под насыпью железной дороги. Со старшими историками отношения были сложнее. Особенно тяготили разговоры с тогдашним куратором по историческим памятникам Ярославской области. Он кичился знакомством с Первым секретарём обкома Ф.И. Лоценковым и настаивал, чтобы в томе Свода, наряду со снимками древних построек, были напечатаны портреты всех животноводов, награждённых за выведение брейтовской породы свиней.

Практические дела с союзным министерством культуры не припоминаются, хотя тамонние сотрудники, связанные с охраной памятников, были мне неплохо знакомы ещё по работе в Методсовете. В Министерстве культуры РСФСР наш сектор, по-моему, не контактировал с теми чиновниками, которые с каким-то злорадством и притом почти машинально сокращали в 1961—62 гг. охранные списки. Эти люди довольно быстро удалились на пенсию, но в перестроечный период регулярно приезжали в министерство за продовольственными заказами. Зато самые добрые воспоминания остались о следующем поколении министерских работников, занимавшихся учётом объектов наследия, — об Анатолии Андреевиче Кривоносе, Галине Мидхатовне Ефимовой, Константине Георгиевиче Головкине.

И.В. Маковецкий ушёл из жизни в ноябре 1972 г., вскоре после тяжёлой операции. Хоронили его к вечеру в серый пасмурный день, на Новодевичьем кладбище. Процессию возглавлял О.А. Швидковский. Он же в течение недолгого времени проводил заседания нашего сектора. Если Иван Васильевич вечно куда-то спешил и отерочивал неприятности репликой «Потом-потом!», под застенчиво-лукавый взгляд своих голубых глаз, то Олег Александрович нагнетал в нашу служебную жизнь прохладную административную отчётливость. Он считал, что работа над Сводом памятников должна быть главным образом компилятивной, фиксирующей накопления историко-архитектурной науки к текущему моменту. В наши утверждения о том, что большинство объектов неведомо историкам зодчества, он поверил не сразу. Швидковский не терпел отклонений от установленной дисциплины. Однажды он устроил гневный разнос Комечу, опоздавшему на 5 минут к номинальному началу заурядного секторного заседания. В тот же период неоправданно ужесточился режим работы для самых робких, неостепенённых сотрудников Сектора. В их число попала Майя Лазаревна Каганович — безропотная тихая дочь очень влиятельного функционера из ближайшего окружения Сталина. Она была дипломированным архитектором, но в Секторе ей поручили подсобную архивно-картотечную работу с регистрацией газетных вырезок и их фотокопий. Из наших разговоров наедине я узнал много грустного о её повседневной жизни в 1940—1957 гг., а также колоритные подробности о воссоздании кадетских училищ (под вывеской суворовских) и оснащении генеральских особняков трофейными богатствами, каких не бывало в кремлёвских квартирах. Майя Лазаревна давно ушла на пенсию, но затем ежегодно приходила в наш институт, чтобы вручать нарядные календарики знакомым и незнакомым работникам оставленного сектора.

Человечная теплота, воодушевлявшая младших подчинённых, согрела Сектор с назначением Вениамина Евгеньевича Быкова его руководителем. До этого он в Институте землеустройства читал лекции по истории зарубежного зодчества, писал труды по архитектуре театральных зданий и выпустил книгу о советском зодчем Г.П. Гольце. Быков любил архитектурную классику и подготовку статей о провинциальном строительстве, видимо, считал несложным делом. Однако перевод Быковым охранно-учётных паспортов в описание несложного старинного завода подчинённые оценили довольно критично. Поэтому в дальней-

шем статьи для Свода Быков не писал, но никакой обиды словами и поступками не проявил. Он не скупился на обстоятельные замечания, которыми оснащал поле обсуждаемого текста. Написанные изящным артистичным почерком, они излучали заботливую доброту и желание помочь ненавязчивым советом. Скопчался Вениамин Евгеньевич 13 декабря 1981 г. — в тот день, когда в Польше генерал Ярузельский ввёл военное положение, а московская интеллигенция облегчённо вздохнула: советского военного вторжения, какое видели Венгрия и Чехословакия, на этот раз, видимо, не будет.

Через полгода начался новый этап в жизни сектора. Его руководителем назначили А.Б. Стерлигова, опытного редактора из академического издательства «Наука». Стерлиговский период отмечен общей активизацией работы, нацеленной на публикации, долгожданным изданием томов Свода с преодолением навязчивого соавторства историков и археологов, выходом в свет каталогов и иных книг историко-архитектурного профиля (при продолжении серии сборников, основанной Выголовым), компьютеризацией, вниманием к промышленным комплексам 20 в. и зарубежным системам охраны памятников, обилием аспирантов с периферии, грантами, интенсификацией экспедиционно-командировочных разъездов, индивидуальными экспертизами, серьёзным внедрением в областные архивы, довольно частыми общесекторными праздниками и, наконец, кардинальным омоложением штатного состава, которое подняло профессиональный уровень и резко изменило психологический климат в Секторе.

Б.Е. УСПЕНСКИЙ

## О МАЯКАХ КУБЫ

Куба, открытая Колумбом 28 октября 1492 г., по его словам, «является красивейшим островом, которым когда-либо пришлось любоваться человеческому глазу. Столь чудесный край должен таить в себе немало того, что может приносить доход».

В 1970–72 гг. мне пришлось работать в составе Специальной океанографической экспедиции на «Острове Свободы» — в Республике Куба. Тогда шёл только 12-й год кубинской революции под лозунгом «Azúcar para crecer!» — «Сахар для развития!» На острове была карточная система на продукты питания и промышленные изделия. Советский Союз поставлял на Кубу нефтепродукты, автомобили, сельскохозяйственные орудия, продовольствие и многое другое. С острова мы танкерами вывозили сахарную патоку, которая по трубопроводам подавалась в порты и загружалась в танки (цистерны на судах). Не только СССР торговал с Кубой и оказывал ей помощь. Я видел суда из Китая, Албании, Чехословакии, Болгарии, Польши и многих других стран. Там работали всевозможные иностранные специалисты, так как своих обученных кадров кубинцам не хватало (многие из них бежали в США, Мексику, Канаду и другие страны). Молодая республика особенно нуждалась в гидрографических работах, так как основные грузы поступали через многочисленные морские порты, например, Гавану, Сьенфуэгос, Сантьяго де Куба, Матанзас, Карденас, Нуэвитас, Баракоа, Мариэль, Кабаньяс, Санта-Люсию, Онду. Все они находились в плачевном состоянии: причальные стенки разбиты, покорёжены, глубины неизвестны, морские карты не обновлялись более 50 лет, навигационное оборудование устарело, а в ночных условиях зайти в порт было практически невозможно. Мне как инженеру-гидрографу было очень интересно узнать хоть что-нибудь о кубинских маяках, несмотря ни на



что продолжавших выполнять свою главную миссию: указывать путь кораблям и предупреждать о подводных опасностях, которых в водах Кубы великое множество.

Гидрографов на Кубе не было вообще, и потому примерно через десять лет после революции создали Институт кубинской гидрографии (ICN — читается «и-це-аче»), который в самом начале возглавлял старший лейтенант Густаво Пласер Севейра. На конференции гидрографов в Монако он договорился с начальником Главного управления навигации и океанографии Министерства обороны СССР адмиралом А.И. Рассохо о проведении океанографической экспедиции на острове. В её задачи входило производство геодезических работ и привязка острова к географическим координатам на современном уровне, мореографические исследования уровня океана и вывод его среднего многолетнего показателя, топографические работы и перевод геодезической системы острова из системы Ламберта в прямоугольную систему Гаусса и Меркатора. Гидрографические работы предусматривали отработку системы учёта глубин на морских картах различного масштаба, переписку лоции острова на основе современных изменений и рекомендаций, а также ревизию всего навигационного оборудования морского театра. Этот титанический труд предстояло выполнить за два с половиной года. В начале 20 в. американские гидрографы делали такую же работу ровно 20 лет. Финансировал экспедицию СССР.

После прибытия экспедиции Институт возглавил майор Куэрва, близкий сподвижник Фиделя Кастро и друг его брата Рауля. Бывший руководитель Пласер Севейра перешёл в мою группу, которая занималась картами и планами портов, гаваней и бухт в северной части острова. Мы работали на катерах, доставленных на остров нашими судами и после окончания работ подаренных правительством СССР Республике Куба.

В результате работ выяснилось, что на карты остров нанесён с ошибкой в несколько метров.

В институте ICN, где мне пришлось работать, я впервые увидел американскую карту, представлявшую собой изображение Атлантического океана, но как бы без воды (наши морские карты не показывали рельефа дна, фиксировали только глубины). Это было непривычно, и я почти со страхом увидел, что Куба находится на столбе с почти вертикальными стенками. Глубина у берегов резко менялась — с нуля до

2–2,5 км. Появление острова стало результатом резкого сжатия земной коры в этом регионе и вспучивания её либо вследствие очень обширного сейсмовулканического катаклизма в прошлом. Горная система Сьерра-Маэстра, расположенная в восточной части острова, подтверждает сейсмовулканическую теорию его возникновения. И ещё одно обстоятельство: Кубу окружают более 1600 мелких островов. Это представляет особую опасность для мореплавания.

Система маяков на острове была создана довольно давно, но это были отдельные сооружения или места для костров, а также приметные ориентиры, по которым мореплаватели могли заходить в бухты. Сейчас это уже специальные сооружения — маяки, не похожие друг на друга по архитектуре, что позволяет морякам правильно определять своё местонахождение. Я побывал на маяке Моро при входе в порт Гавана. Это старинное здание — не только навигационный ориентир, но и архитектурный, и исторический памятник, который входил в систему крепостей, защищающих вход в бухту. Маяк построен из местного камня необыкновенной прочности. Верх маяка изнутри отделан красным деревом, так как никакой другой материал не выдерживает тропической влажности и температуры. Она меняется за сутки от 20° до 45°, а в зимнее время от 12–16° тепла ночью до 30° днём. Красное дерево растёт в горных тропических лесах, хорошо полируется, имеет очень твёрдую и плотную структуру, большой вес и долго не поддаётся гниению. Вот почему внутри каменных башен маяков стены обшивали красным деревом. Им же обшивали и фонарные сооружения, где находилась светооптическая аппаратура, на нём она и крепилась, хотя порой весила несколько сот килограммов. Вообще при сооружении маяков старались как можно меньше использовать железо, предпочитая бронзу или медь, хотя они требовали тщательного ухода и чистки, так как быстро окислялись. Среда работы маяка — это испарения морской воды, солёные брызги, постоянные тропические дожди с сильными ветрами и испепеляющее солнце, когда поверхность дерева нагревается до 60–70°, а металл до 80–85°. По такому же принципу построены и другие маяки старше ста лет. Некоторые представляют собой части фортов с крепостной артиллерией. Такие маяки находятся в Сантьяго де Куба, Сьенфуэгосе и других бухтах; многие построены в двадцатом столетии.

Старые технологии маячного строительства почти утеряны. Сейчас применяют другие архитектурно-инженерные решения, но они себя не

оправдывают, так как сооружения разрушаются от старения строительных материалов. Стали больше использовать металлоконструкции, которые требуют очень тщательного ухода и регулярного покрытия специальной краской. Особенным должен быть и фундамент маяка, способный выдерживать очень большую весовую и ветровую нагрузки. Это требует тщательных расчётов с учётом розы ветров и пробного бурения на довольно большую глубину, чтобы уяснить характер грунтов под будущим маяком. Раньше маяки строились на естественных известняковых или базальтовых основаниях. Принимались во внимание многолетние наблюдения и видимость данного места с моря. От этого зависит высота маяка.

Мне пришлось много лет руководить гидрографической службой в Эстонии, где находится один из старейших маяков мира — маяк Кыпу, который сложен из базальтовых и гранитных валунов. Этот маяк простоял почти пятьсот лет и ещё простоят.

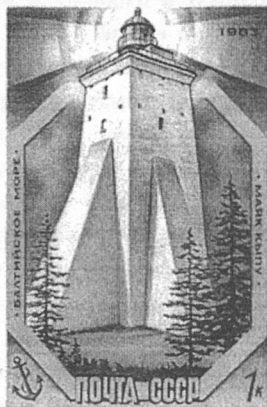
А. В. ХАРЬКОВ

## НА КРАЙНЕМ ЗАПАДЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (дополнение к статье Б.Е. Успенского «О маяках Кубы»)

Б.Е. Успенский, завершая свою статью «О маяках Кубы», упоминает эстонский маяк Кыпу, до Второй мировой войны более известный как Верхний Дагерортский — первый маяк, служивший коммерческому судоходству в русских водах Балтийского моря<sup>1</sup>. Он остаётся единственным уцелевшим на Балтике маяком с прямоугольным планом<sup>2</sup>.

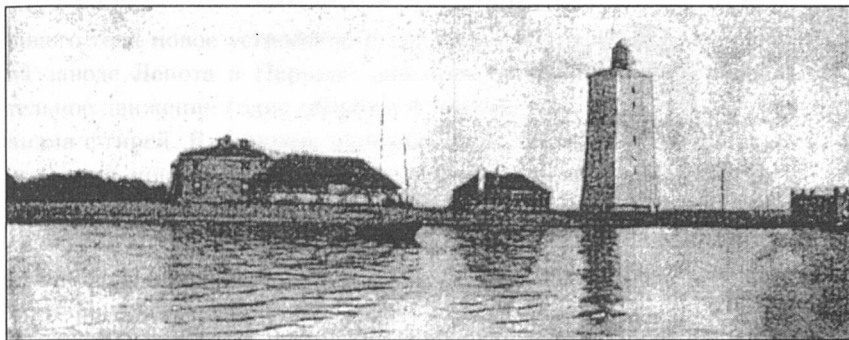
Аналогичный ему маяк Церель (Свалферорт) в 1944 г. был разрушен германскими войсками<sup>3</sup>.

Официальная дата постройки основного объёма маяка — 1505—31 гг. Первоначально башня представляла собой прямоугольный вертикальный параллелепипед высотой 25 м с массивными контрфорсами, расположенными по сторонам света. Она сложена из плитняка и булыжного камня<sup>4</sup> на крепком связующем. На высоте 24 м в ней находилось помещение для служителей, с двумя окнами — на восток и запад. Выше располагалось ещё одно помещение, где был установлен деревянный брашпиль со шкивом на железной оси и тросом для подъёма дров. Позднее по восточному контрфорсу уст-



*Маяк Кыпу в 1983 г.  
Почтовая марка  
из серии «Маяки Балтийского  
морья».*

*Художник Ю. Бронфенбрер.  
Из архива автора статьи*



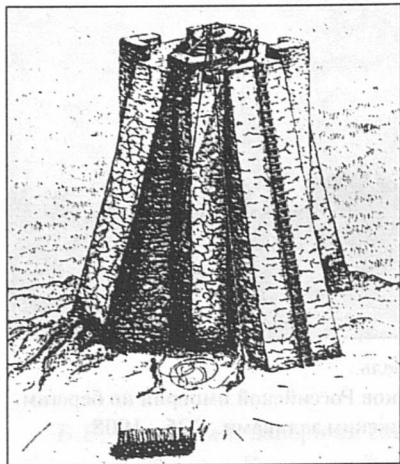
*Маяк Церель.*

Из книги: Описание маяков, башен и знаков Российской империи по берегам Балтийского моря с Финским и Рижским заливами. СПб., 1908

роили деревянную лестницу. На венчающей башню площадке, которая сохранилась и поныне, на «канфоре» (большая чаша из толстых железных прутьев с решетчатым дном) раскладывали костёр из сухих смолистых дров. В тихую и ясную погоду огонь был виден на 15 миль (27 780 м).

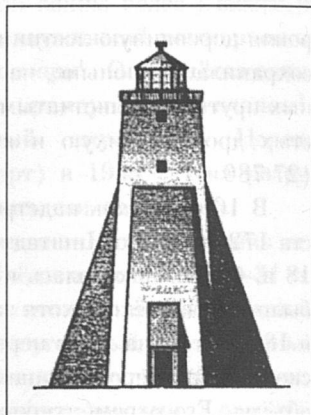
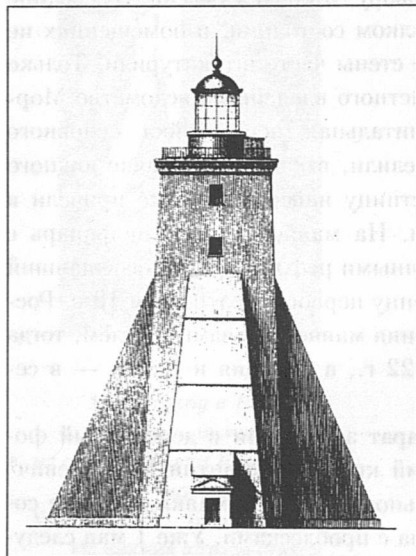
В 1659 г. маяк надстроили, и его высота достигла 36,5 м. 30 августа 1721 г. он по Ништадтскому договору<sup>5</sup> отошёл к России. В середине 18 в. башня находилась в самом жалком состоянии, в помещениях не было рам и стёкол, хотя за столетие стены часто штукатурили. Только в 1805 г., когда маяк перешёл из частного владения в ведомство Морского министерства, началась капитальная перестройка основного объёма. Его отремонтировали и побелили, в каменной кладке южного контрфорса устроили каменную лестницу наверх, а также привели в порядок оба служебных помещения. На маяке установили фонарь с 23 масляными лампами и посеребрёнными рефлекторами, освещавший все стороны кроме восточной<sup>6</sup>. К концу первого десятилетия 19 в. Россия полностью отказалась от освещения маяков дровами и углём, тогда как Англия сделала это только в 1822 г., а Швеция и Дания — в середине 19 в.<sup>7</sup>.

В 1845 г. светооптический аппарат заключили в деревянный фонарь со стёклами. В 1859 г. великий князь Константин Николаевич<sup>8</sup> принял решение о замене осветительного аппарата маяка на более совершенный — «френелевского»<sup>9</sup> типа с проблесками. Уже 1 мая следу-



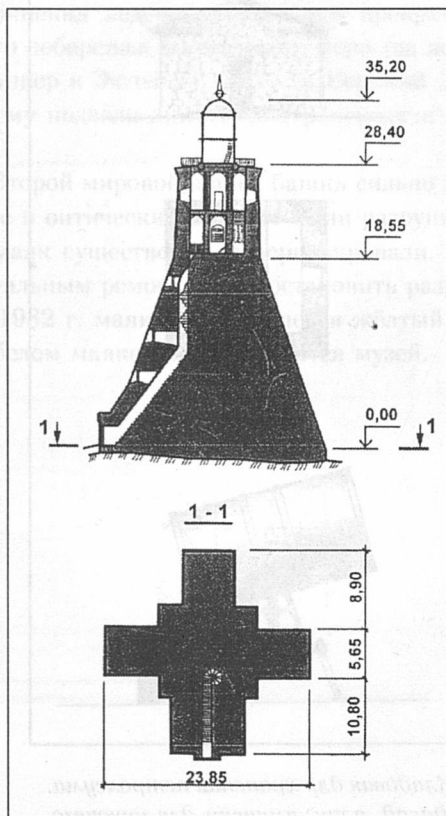
*Маяк Кыпу во времена Петра I.*  
Из книги: Алексеев И. О. Маяки Балтики. СПб., 2000

*Маяк Кыпу в 1845–60 гг.*  
Из книги: Алексеев И. О. Маяки Балтики.  
СПб., 2000



*Маяк Кыпу в 1869 г.*  
Из книги: Баженов Р. И. Маяки, их осветительные аппараты и звуковые приборы. СПб., 1884

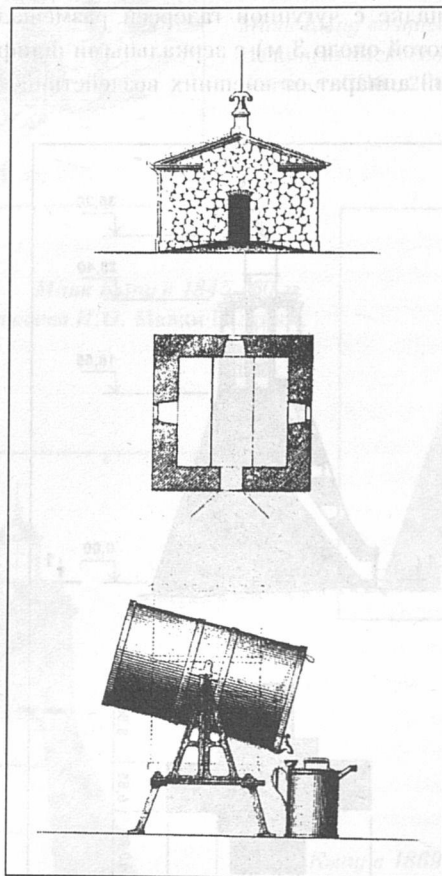
ющего года новое устройство было введено в действие. Изготовленное на заводе Лепота в Париже, оно приводилось в равномерное вращательное движение (один оборот в 4 минуты) с помощью часового механизма с гирей. В аппарате находилась одна лампа системы Карселя<sup>10</sup> с четырьмя концентрическими светильными. Тот же часовой механизм насосом подавал в лампу очищенное сурешное масло (расход около 0,5 кг/ч). Если оно в лампе заканчивалось, то начинал звонить колокольчик. На площадке с чугунной галереей размещался цилиндрический фонарь (высотой около 3 м) с зеркальными шлифованными стёклами, защищавший аппарат от внешних воздействий.



Разрез и план маяка Кыпу.

Из книги: Алексеев И.О. *Маяки Балтики*. СПб., 2000

В 1869 г. южный контрфорс покрыли досками. В 1883 г. установили телеграфную станцию и построили деревянный дом для телеграфного оборудования и маячных служителей. Возле маяка разместилась спасательная станция с двумя ботами-крейсерами: «Великий князь Константин Николаевич» и «Великий князь Алексей Петрович». В 1877 г. освещение перевели с сурепного (растительного) масла на петролеум<sup>11</sup>.



*Кладовая для хранения петролеума.  
Фасад, план; ёмкость для горючего.*

Из книги: *Баженов Р.И. Маяки, их осветительные аппараты и звуковые приборы.* СПб., 1884



Нефтепродукты доставляли на остров и хранили в металлических бидонах. Для этого построили каменные кладовые<sup>12</sup> с вентиляцией и громотводом. В 1898 г. телеграфную станцию заменили телефоном, соединённым с почтово-телеграфным отделением в Кертеле<sup>13</sup>. В 1901 г. на маяке установили новую французскую светооптическую систему, годом ранее купленную на Всемирной выставке в Париже. Систему приводил во вращение груз весом 400 кг. В составе светооптического аппарата находилась керосинокалильная светооптическая установка, которая без трения вращалась в ртутной ванне. В том же году был выполнен капитальный ремонт башни, кладовых и других зданий и сооружений.

В 1914 г. в Эстонии, по обстоятельствам военного времени, а также из-за осложнения ледовой обстановки прекратилась работа всех маяков русского побережья Балтийского моря (за исключением маяков Пакерорт, Стеннер и Экгольм). Погас и Верхний Дагерортский маяк. В 1940 г. к нему подвели линию электропередачи от государственной сети<sup>14</sup>.

Во время Второй мировой войны башня сильно пострадала, фонарное сооружение и оптический аппарат были разрушены. Во второй половине 20 в. маяк существенно модернизировали. Он много раз подвергался капитальным ремонтам, но остановить разрушение стен так и не удалось. В 1982 г. маяк был окрашен в жёлтый цвет. В настоящее время в ярко-белом маяке Кышу находится музей.

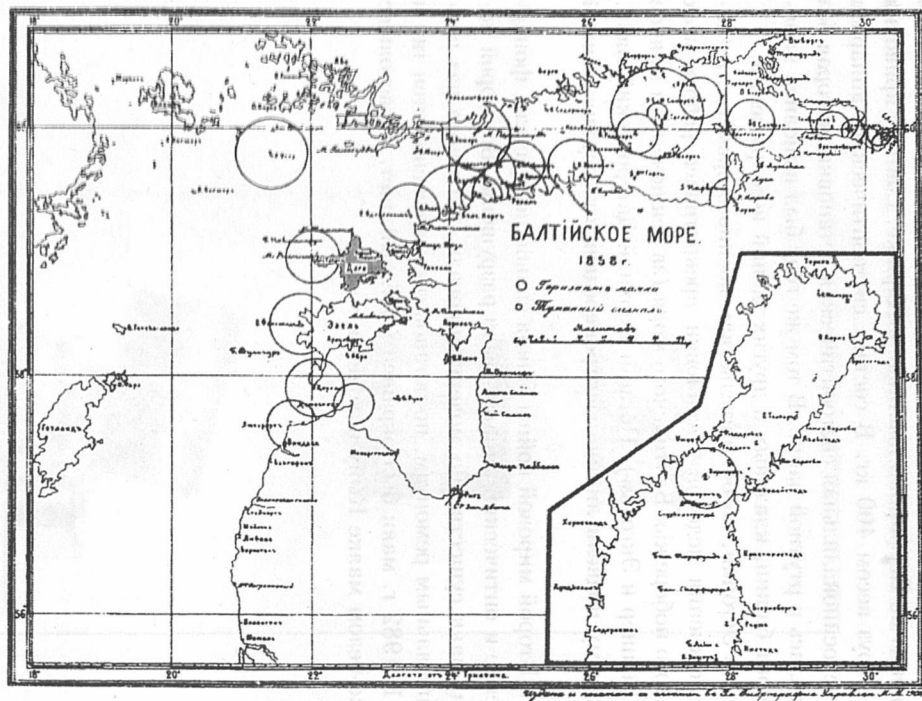


Схема расположения маяков Балтийского моря в 1858 г. с обозначениями их горизонтов и туманных сигналов.

Круги на карте означают зоны освещенности от маяков. В верхней части у правого края рамки отмечен г. Петербург. Остров Даго, на западном мысу которого находится маяк Кыпу, выделен толщевой линией. Из книги: Фридовский Н.М. Исторический очерк развития маячного дела в России. СПб., 1908

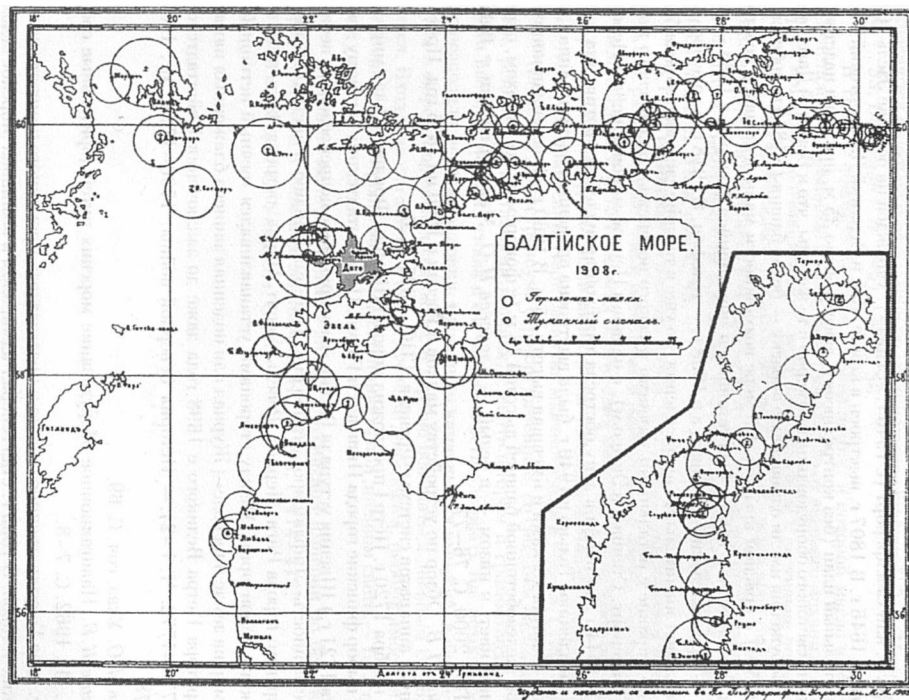


Схема расположения маяков Балтийского моря в 1908 г. с обозначениями их горизонтов и туманных сигналов.

Кружи на карте означают зоны освещенности от маяков. В верхней части у правого края рамки отмечен г. Петербург. Остров Даго, на западном мысу которого находится маяк Кыпу, выделен толщировкой. Из книги: Фридовский Н. М. Исторический очерк развития маячного дела в России. СПб., 1908

<sup>1</sup> Баумаков П.А. Маячное дело и его историческое развитие. Устройства маяков, предохранительных огней, автоматических буйв и их осветительных аппаратов и механизмов. Л., 1925. С.187.

<sup>2</sup> Баженов Р.И. Маяки, их осветительные аппараты и звуковые приборы. СПб., 1884. С.1.

<sup>3</sup> Маяк Церель, или Свалфсерт (с 1940 г. «Сырве»), учреждён на острове Эзель (Сааремаа) в сентябре 1646 г. В 1807 г. выстроен в камне. Как и Верхний Дагерортский, Церель имел прямоугольный план (без контрфорсов), высоту около 35 м, проходил надстройкой, ремонты, смену светового оборудования примерно в те же годы, что и Верхний Дагерортский маяк. Оба сооружения имели одинаковую окраску — белая башня (в 1850 г. побелен и надстроен до 36,5 м) с красной крышей. По мере возможности маяк оснащался новыми изобретёнными аппаратами: в 1860 г. был установлен «вертящийся фонарь», в 1883 — телеграф, в 1890 — «френслевский» аппарат, а в 1898 г. — телефон. В 1918 г. в ходе боевых действий маяк получил значительные повреждения, но уже в течение следующего года был отремонтирован. Наравне с остальными маяками русского побережья Балтийского моря (кроме маяков Накерорт, Стеншер и Эггольм), с началом Первой мировой войны Церель не освещался. В 1944 г. он попал в зону обстрела тяжёлой артиллерии противника и не подлежал восстановлению. Только в 1949 г. была выстроена временная восьмигранная деревянная башня, обшитая досками и имевшая высоту 35 м. В 1960 г. её заменили конической монолитной железобетонной башней высотой 48 м (с фонарём 52 м) с верхом, окрашенным в чёрный цвет, и низом — в белый. — Алексеев И.О. Маяки Балтики = Baltic Light houses. СПб., 2000. С. 76–77.

<sup>4</sup> Козакевич П.В. Обзор по устройству маяков в России с 1800 по 1875 год. Приг. к описанию маячных аппаратов системы Френеля. СПб., 1875. С. 6.

<sup>5</sup> В конце ноября 1720 г. Пётр I предложил королю Швеции Фридриху I для мирных переговоров на выбор финские города Ништадт и Раумо. По Ништадтскому мирному договору (30 августа 1721 г.) Швеция уступала России «в совершенное непрекословное вечное владение и собственности» Инфляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с Выборгским округом, города Рига, Пернов, Ревель, Дерпт, Нарва, острова Эзель и Даго и другие прибрежные территории. Между сторонами устанавливался «вечный истинный и непорушимый мир на земле и на воде» (Журнал или поденная записка блаженныя памяти государя Императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштадтского мира. СПб., 1770–1772. Ч. 1–2). — История Северной войны, 1700–1721. М., 1987. С. 173, 177–178.

<sup>6</sup> Алексеев И.О. Указ. соч. С. 69.

<sup>7</sup> Мартынов К.Б. Навигационное оборудование морских путей (зрительные средства и методы). М., 1962. С. 7–8.

<sup>8</sup> С 1850 г. член Государственного совета и председатель Временного комитета по рассмотрению Морских уставов. В 1853 г. стал генерал-адмиралом и возглавил Морское ведомство, начав реорганизацию и административного управления, и собственно флота. — Александр II (ими.), Константин Николаевич (Великий князь). Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем, 1857–1861; Дневник великого князя Константина Николаевича. [1858–1861 / Сост., авт. вступ. ст., указ. и коммент. Л.Г. Захарова, Л.И. Тюлюшник]. М., 1993. С. 6.

<sup>9</sup> Профиль линзы Френеля характерен тем, что внутренняя поверхность линзы приведена на одну плоскость, а внешняя имеет ступенчатые выступы, центры и радиусы кривизны которых рассчитаны так, чтобы уничтожая по возможности сферическую абберацию

цию (уклонение лучей), уменьшать в то же время насколько можно толщину стекла. Следовательно, профиль Френеля состоит из центрального плосковыпуклого элемента и некоторого количества более мелких элементов, число которых одинаково по отношению к оптической оси системы. Каждый такой элемент представляет собой сечение тора с различными радиусами кривизны. Как центральная часть, так и каждый уступ отливаются и отделяются отдельно и потом прочно соединяются между собой.— *Мартынов К. Б.* Указ. соч. С. 53; *Баженов Р. И.* Указ. соч. С. 36.

<sup>10</sup> В 1800 г. француз Карсель устроил лампу, в которой масло в горелку подавалось (нагнеталось) с помощью насоса, действовавшего от часового механизма, изменяя ход которого можно было изменять силу света, причём масла к светильне подавалось значительно больше, чем требовалось. Избыток его, переливаясь через края горелки, стекал обратно в резервуар, помещавшийся под горелкой, и своей теплотой предохранял в холодное время запас масла в резервуаре от сгущения, что было особенно важно в холодном климате.— *Башмаков П. А.* Указ. соч. С. 48.

<sup>11</sup> В 1872 г. Фаркюгар изобрёл лампу, в которой с одинаковым успехом можно было жечь как растительные, так и животные и минеральные масла. Последняя система горелки была введена в 1873 г. на всех балтийских маяках с френелевскими аппаратами, причём работы по переделке были выполнены Ревельской маячной мастерской.— *Фридовский Н. М.* Исторический очерк развития маячного дела в России. СПб., 1908. № 20. С. 9.

<sup>12</sup> Кладовые для петролеума строили каменные, со сводом и железными крышей, дверями, решётками и ставнями в окнах, с вентилятором и громоотводом. Входные двери имели высокие пороги, чтобы в случае опасности удержать ток петролеума из кладовой. Где позволяли местные условия, проводили канавки для выпуска, в случае нужды, петролеума в море. Кладовые должны были хорошо освещаться дневным светом и вентилироваться. Вход туда с огнём ни в коем случае не допускался; необходимое для освещения маяка количество петролеума следовало отливать при дневном свете.— *Баженов Р. И.* Указ. соч. С. 4.

<sup>13</sup> Описание маяков, башен и знаков Российской империи по берегам Балтийского моря с Финским и Рижским заливами. СПб., 1908. С. 414—415.

<sup>14</sup> *Алексеев И. О.* Указ. соч. С. 71.

## ШАГ НАЗАД

М.В. ИВАНОВ

### УЦЕЛЕВШИЕ «МАГНОЛИИ»

В сборнике «Архив наследия — 2004» опубликована статья «Кубист из Дорогобужа»<sup>1</sup>, в которой рассказывалось о трудной судьбе художника А.П. Булычёва. В первой половине и середине 1930-х гг. он возглавлял музей местного края в г. Дорогобуже (Смоленская область), а осенью 1937 г. по надуманным обвинениям был снят с этой должности как «вредитель». Перед ним маячила печальная перспектива пополнить число репрессированных. Каким-то чудом избежав ареста, он прожил весьма недолгую жизнь и скончался вскоре после войны.

В конце статьи было высказано сожаление о невозможности оценить творчество А.П. Булычёва в связи с гибелью его художественного наследия в Дорогобужском и Смоленском музеях во время Второй мировой войны. Уже после выхода статьи в свет выяснилось, что кое-что из работ этого художника всё-таки сохранилось.

Во время очередного посещения Смоленской художественной галереи летом 2007 г. в зале советского искусства привлекло внимание небольшое квадратное полотно, называвшееся «Магнолии». На приглушённом фоне, с преобладанием серого и белого тонов, виднеются обрамлённые зелёными листьями два белых с прожелтью цветка и полураспустившийся бутон, вошедшие в пространство картины откуда-то слева. В правом нижнем углу картины, исполненной довольно крупными мазками и заметно изборождённой сетью кракелюр, отчётливо прощупается подпись «А Булычев».

Картина с почти таким же названием (в единственном числе — «Магнолия») наряду с некоторыми другими произведениями этого художника, до войны хранившимися в Смоленском музее, в статье названы пропавшими. Сведения об этих работах А.П. Булычёва позаимство-



«Магнолии».

Художник А. П. Булычёв.

1930 г.

ваны из Сводного каталога культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны<sup>2</sup>, а информация о «Магнолии», написанной в 1930 г., почерпнута из «Списка экспонатов Смоленского областного музея, погибших во время фашистской оккупации г. Смоленска 1941–1943 г.»<sup>3</sup>. Этот перечень хранится в Государственном архиве Смоленской области, в фонде Смоленского областного краеведческого музея. Правда, эта картина, имевшая инвентарный № 1380, была внесена в указанный список от руки уже после его со-

ставления в процессе дальнейшего уточнения потерь. Как оказалось, ошибочно. Очевидно, тогда же вкралась и неточность в названии.

Восстановить истину любезно помогла старший научный сотрудник художественной галереи Елена Петровна Попова, предоставившая информацию об этой картине. Действительно, работа, когда-то внесённая в архивный список утрат, и полотно, ныне выставленное в галерее, представляют одно и то же произведение А.П. Булычёва. Доказательством тому служит не только общий год создания (1930), но и совпадающий инвентарный номер (СОМ № 1380). Картина Булычёва «Магнолии», написанная маслом на холсте, квадратная (53 × 53 см). Её шифр по книге поступлений — СОМ КП-14895, а среди произведений живописи — Ж-947. О том же, как и когда эта картина попала в музей, никаких сведений нет, кроме записи в учётной документации: «Из старых поступлений».

Как свидетельствует Е.П. Попова, эта работа А.П. Булычёва в Смоленском музее не единственная. В учётной документации значатся ещё два его рисунка. Один из них — безымянный, выполненный карандашом на бумаге в 1925 г. (размер 15,8 × 23,8 см; шифры: СОМ-6268, Г-35) — был передан, по-видимому, на временное хранение в посёлок Шумячи, где в 1969 г. открылась картинная галерея<sup>4</sup>. Другой рисунок, созданный художником в 1940 г., называется «Пруд» (СОМ КП-13415) и ныне хранится в фондах Смоленского музея.

С помощью Е.П. Поповой удалось узнать и некоторые подробности о состоявшейся в 1935 г. в Смоленске персональной выставке А.П. Булычёва, упоминавшейся в статье. Оказывается, Всероссийское кооперативное товарищество «Художник», или «Всекохудожник» (как тогда говорили) совместно с правлением смоленского Дома искусств планировали организовать в тот год цикл «систематических вечеров» местных мастеров изобразительного искусства. Каждый такой вечер должен был включать «творческий отчёт художника», к которому приурочивалась также его персональная выставка. Например, 3 апреля 1935 г. подобного мероприятия с оживлёнными прениями местной творческой элиты удостоился художник Ю.А. Малевский<sup>5</sup>.

Весной же или в начале лета 1935 г. дошла очередь и до А.П. Булычёва. На его выставке, проходившей в смоленском Доме искусств, экспонировались картины, написанные маслом и акварелью (1921–35 гг.), а также рисунки 1930–35 гг. (карандаш, тушь и уголь). Среди рисун-



ков преобладали пейзажи<sup>6</sup>, и, по крайней мере, два из них («Амбар», 1924 г. и «Пейзаж», 1925 г.), тогда же приобретённые Смоленским музеем, в ходе войны оказались утрачены<sup>7</sup>. Не исключено, что упомянутые сохранившиеся работы также были представлены на той выставке, посетителями которой стали более четырёхсот человек<sup>8</sup>. К сожалению, в отличие от трёх уцелевших произведений мастера, ни фотографического, ни живописного, ни графического изображения самого художника в Смоленском музее нет. И по-прежнему неизвестны обстоятельства его смерти.

За помощь, оказанную при подготовке данного материала, выражаю признательность Е.П. Поповой.

---

<sup>1</sup> См.: *Иванов М.В.* Кубист из Дорогобужа // Архив наследия-2004. М., 2006. С. 296–305.

<sup>2</sup> Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 7: Смоленский государственный музей-заповедник. Кн. 1. М., 2005. С. 53, 57, 77, 80.

<sup>3</sup> ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 4. Д. 9. Л. 5.

<sup>4</sup> В основу открывшейся в 1969 г. картинной галереи в посёлке Шумячи была положена подаренная художником Ф.С. Шуринным коллекция его картин. В настоящее время галерея входит в состав открывшегося в 1991 г. Шумячского художественно-краеведческого музея.

<sup>5</sup> Творческие отчёты художников // Наступление [ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал Союза советских писателей Западной области]. 1935. № 4–5. С. 187. Упомянутый художник, по-видимому, Юлиан Каганович Малевский, о котором известно, что ряд его живописных работ, хранившихся накануне Второй мировой войны в Смоленском музее, также утрачены.

<sup>6</sup> Выставка картин А.П. Бульчёва // Наступление. 1935. № 6. С. 131.

<sup>7</sup> Сводный каталог... С. 80.

<sup>8</sup> Выставка картин... С. 131.

## ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА ЛИЗЫ КАРАВАЕВОЙ В ГОДЫ ВОЙНЫ

В шестом выпуске сборника «Архив наследия», в рубрике «Портрет современника», опубликованы воспоминания об архитекторе-реставраторе Елизавете Михайловне Каравасвой. О её студенческих годах, о научно-исследовательской и реставрационной работе рассказали Я.В. Татаржинская, Е.Н. Морозкина, В.П. Бельская, А.А. Шенников, В.И. Плужников.

О более раннем периоде её жизни — от последнего класса средней школы до поступления в Московский архитектурный институт (тогда МАИ, сейчас МАРХИ), не затронут мемуаристами, повествуют семейные письма Каравасовых, датированные 1942–45 гг. и переданные в Центр документации наследия. Эти письма немногочисленны. Четыре из них написаны рукой Елизаветы Михайловны, в то время для всех просто Лизой. Два письма она отправила матери и по одному — брату и отцу на фронт. Письма непредвзято свидетельствуют о событиях военного времени, на фоне которых происходило взросление и становление личности Елизаветы Михайловны Каравасвой.

13 января 1942 г. восемнадцатилетняя Лиза пишет брату на фронт первое письмо. *«Наконец я могу тебе писать!»*, — восклицает она. Накануне, 9 января, они с матерью радовались, получив от Михаила письмо. С воодушевлением Лиза рассказывает о жизни их посёлка Железнодорожный (до 1939 г. Обираловка), о своих делах. *«Получить письмо с фронта — это событие общеобираловского масштаба. Теперь, когда встречаются люди, первым делом спрашивают друг друга: “Сын пишет?” Сейчас это самое главное, от этого зависит всё, этим мы живём. Но ты тоже ничего не знаешь обо мне. Во-первых, я поступила в обираловскую школу. (В Москве занятия ещё не начались). В сентябре (1941 г. — С.И.) мы работали*



Лиза  
(Елизавета Михайловна Караванова)  
в 1940-е гг.

в колхозе, в Дятловке и в Чёрном, обслуживали молотилку. Это дало больше жизненных навыков, чем целый класс школы. Между прочим, мне удалось побывать в том лесу, за Дятловкой, куда мы с тобой мечтали сходить. <...> Потом наступили тяжёлые дни для Москвы. Стояли в очередях. Иногда по десять раз в сутки давался сигнал воздушной тревоги. (В первых числах января 1942 г., то есть через месяц после начала контрнаступления советских войск, немцы ещё стояли совсем близко к Москве. Фронт проходил по линии: Дмитров, Яхрома, Красная Поляна, Истра, Кубинка, Наро-Фоминск, Серпухов.— С.И.). <...> Потом ходили за капустой на поля скошения и за дровами в лес. <...> А в лесу наряду с шишками и берестой попадались осколки артиллерийских снарядов и глупые немецкие листовки с надписью: “Это есть правда”. Теперь мы занимаемся в жилом доме на Афанасьевке,— ведёт свой рассказ Лиза. <...> За первое полугодие у меня “хор.” по астрономии, остальные — “отлично”. Андриюша Бродчиков ранен в бедро. Ранение не сильное,

13<sup>го</sup> / 1 / 42

Мими!

Наконец я могу тебе писать!

9<sup>го</sup> вечером идем мы с Катей из школы после контрольной по геометрии, физике. Обиит новострелку флюорогра. Подбежали и всплакнули: „От Мими миллионное письмо!“ Мы сначала стеснились и поверили только тогда, когда ворвались в куртку и увидели его собственными глазами — веро-улыбка никак не думал о тебе! Прочитав письмо с фронта — это событие общесоветского масштаба. Теперь, когда встретимся люди, первым делом спросят друг друга: „С кем пишешь?“ Сейчас это самое главное, от этого зависит все, этим мы живем. Но ты тоже ничего не знаешь обо мне.

Вчера я поступила в свердловскую школу (в Москве занятия еще не начались)

В санатории мы работаем в челябде, в Дзержинске.

Первая страница письма, написанного Лизой 13 января 1942 г.  
брату на фронт.

В правом верхнем углу штамп:

«ПРОСМОТРЕНО Военной Цензурой 642»

но много потеряно крови. <...> Слава Власов призван. <...> Надеюсь, что связь с тобой теперь наладится. Папа эти дни с нами. Завтра он уезжает за назначением».

Лиза ещё не знает, что связь не наладится. Её любимый брат Михаил не ответит — он уже семь дней как убит. Это первое и, вероятно, не последнее, оставшееся без ответа, письмо к брату, о гибели которого «6 января 1942 года на Белгородском направлении» (из письма А.Г. Караваевой от 12 июня 1942 г. мужу на фронт) они с матерью узнают только 31 мая. Убитые горем, они будут пытаться разузнать подробности. Лиза писала в часть с просьбой сообщить о «последней неделе жизни Миши и обстоятельствах его смерти».

В том же 1942 г. девушка закончила «10-летку отличницей» и подала документы в Архитектурный институт. В письме к отцу на фронт, датированном 25 августа, Лиза сообщает, что она «в данный момент дома, т.к. приехала из колхоза (в котором она пробыла с 27 июля до 16 августа.— С.И.), чтобы наладить дела в институте. Сегодня вечером (21 августа.— С.И.),— продолжает она,— я снова уезжаю туда, до тех пор, пока меня не затребуют из института на испытания (я сдаю только по рисованию и черчению)». Как свидетельствует обратный адрес на почтовой карточке, Лиза работала в колхозе «Пробуждение» в деревне Котово Истринского района, где ещё совсем недавно шли бои.

Я.В. Татаржинская в своих воспоминаниях о Елизавете Михайловне предположительно называет годом её поступления в Архитектурный институт 1943-й. Именно так и было — Лиза начала свою учёбу в институте в 1943 г., однако документы, как видно из её письма к отцу, были поданы на год раньше. Возможно, это имело какую-то связь с нахождением института с конца 1941 г. по весну 1943 г. в эвакуации в Ташкенте.

12 июня 1942 г., ещё до отъезда Лизы в колхоз, её мать сообщала мужу на фронт, что они обе работают. Лиза устроилась «ученицей в фотостудию<sup>1</sup> при Метрополе. Там хороший маленький коллектив и хороший обед», — писала она.

Выходит, что 1942/43 учебный год Лиза провела не в студенческой аудитории, а в студии в качестве фотолаборантки, где с 6 июня 1942 г. по 3 февраля 1943 г. постигала искусство фотографии, пригодившееся ей впоследствии в реставрационном деле. А.Г. Караваева в это время работала в ресторане «Савой» на Рождественке.

**ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА**

Куда *Почта Почта* (наименование места, где падают и почта, и области или края, а для станций телеграфной железной дороги)

*№ 127* (район, село или деревня)

д/м *О.Р.М.Ч. - 62* (улица, № дома и квартиры)

Кому *Каравасву* (подробное наименование адресата)

*Манастир*

Адрес отправителя: *Каравасва Елизавета Михайловна  
Москов. обл., Истринского р-она ст. Новонерусская  
по Контрному Захаровскому шоссе, д/м Каравасва З. М.*

*Папа! Лиза уехала 21<sup>го</sup> февраля,  
а доминиканка 24<sup>го</sup>*

*В данный момент дома, т.к. приехали  
на колхоза, чтобы наладить дела в инсти-  
туте. Сегодня вечером я снова уезжаю туда,  
до тех пор, пока меня не затребуют  
на институте на инж. работу (я  
сделаю только по необходимости и терпению).*

*В колхозе я провела с 27 июля до 16 августа  
уже 5 дней в долине. Работать не успеваю.  
Лиза на чужие деньги. Я ее благополучно  
проводила. Дала ей твой адрес. Мне она  
никогда не забудет. О Лизе пока больше ничего  
не пишу. Лиза болела цингой, но поправилась.  
Кажу, мобилизована на военный завод фабрики  
она пошла в армию, т.к. работы не было  
последнее время мне отключили адресацию. Лиза, Папа!*

Письмо, отправленное М. И. Каравасву на фронт 25 августа 1942 г.  
(карандашом писала Лиза, чернилами заканчивала Анна Генриховна)

Летом 1943 г. Лиза снова в колхозе.

В письме домой от 3 августа она сообщает в подробностях о работе и отдыхе, о питании, что особенно беспокоило мать.

*«У нас установилась настоящая осенняя погода: ясная, про-  
ладная, с ветерком. Тени прозрачные и глубокие. Далеко слышно и  
видно. Хочется идти в лес. Удаётся в обеденный перерыв набрать  
стакана 3—4 малины. 4 зелёных кружечки я оставила хозяйке су-  
шить, остальные съедаю. Паши сушат морковь, но у меня не по-  
дымается рука выдирать такую маленькую. Полею морковь.  
Я предложила делать это тяпками. Теперь тяпают все — гораздо  
скорее и легче. Из-за холодной росы выходим на работу к 7. Ухо-  
дить тоже последнее время удаётся в семь. Только успеем попить  
чая, как уже темнеет. <...> Когда буду дежурить, мечтаю, во-  
первых, сходить за грибами и порисовать, во-вторых. Уж очень  
хорошее освещение по утрам и вечерам! Поля быстро и неровно  
желтеют, как крашенные волосы. <...> С едой пока всё благополу-  
чно. Усиленно истребляю выданную воблу и твою селёдку. Крупу,  
жиры и сахар на август ещё не выдавали, но мы варим к вечеру суп  
из шольской фасоли и лапши. Сало у меня ещё есть. Шоколад  
тоже. Вообще не беспокойся, не приезжай. Вчера из Москвы при-  
ехала Муза. Она смотрела новый фильм “Миссия в Москву”<sup>2</sup>. обя-  
зательно посмотри для меня. Вдруг я не застаю. Это американ-  
ский фильм о Советском Союзе!»*

Вот ещё одно письмо, отправленное матери из колхоза спустя неде-  
лю — 9 августа 1943 г. Оно тоже о работе и отдыхе, о взаимоотноше-  
ниях в коллективе и, конечно, о питании, что в голодные военные годы  
было неотъемлемой частью любого разговора.

*«Мама! <...> Не писала тебе. Слишком было неподходящее на-  
строение. Представь себе только — Марину стали подозревать в  
воровстве наш бригадир Ира, Муза и Вера. Мы трое: Марина, Таня  
и я, находимся на счету идиотов за то, что не всегда ворует мор-  
ковь (слово «всегда» Лизой зачёркнуто.— С.И.), за то, что нас об-  
меривают с молоком и т.д. Все они не впервой на трудфронтах и  
вообще ловче.*

(Такие «уроки жизни» получала в колхозе вчерашняя школьница.  
*«Бедная наша Лиза,— писал в одном из писем, переживая за дочь,  
Михаил Иванович Караваев,— в колхозе ей не отдают заработан-  
ных продуктов».— С.И.)*

<...> Мы добились созыва открытого комсомольского собрания, — продолжает Лиза, — и вопрос был решён в нашу пользу. Во всяком случае, остальная часть бригады, живущая в другом доме, на нашей стороне и комсорг тоже. Ира по-прежнему дуется. Тяжелее всего, конечно, Марине. Она обвиняется в том, что отрезала кусок от общего хлеба в наше отсутствие, съела какие-то финики, выловила гущу из общего супа, и всё это без каких-либо доказательств. Просто она была дежурная и находилась дома. Только что кончилось собрание. Было принято моё решение: прямо высказывать свои подозрения и не шипеть потом, не намекать через месяц, когда ничего уже нельзя установить. <...> Вчера приехала машина, привезли хлеб, печенье, сахар пилёный (7 кусков на чел.). Печенье моё любимое, но несладкое. 5-го нам выдали колбасу, консервы и хлеб заплесневший. Но всё уже съедено. За малиной больше не ходим, она кончилась. В обеденный перерыв читаю Карамазовых, а потом сплю. Сейчас кончился обеденный перерыв, мы пришли в поле, но за работу ещё не принялись. Девочки читают вслух “Дневник Кости Рябцева”<sup>3</sup> (это Танина книга о школе 24 г.).

После собрания атмосфера разрядилась. <...> Надеюсь, что заживём дружно.

Светит солнце, и дует свежий ветер. На горизонте толпятся мелкие, подрезанные снизу, облачка, сгущаясь над серебряным ольховым леском. Ветер отворачивает листья ольхи серебряной подкладкой наружу.

Вечером. Выпили полведра кипятку с хлебом, печеньем и сахаром. Настроение приподнятое у всех из-за собрания. Как-то повеселели после 2 дней зловещего молчания и одного вечера настоящего скандала “во вкусе Достоевского”. <...> Сегодня вечером в поле даже придумали себе новые имена, чтобы играть людей как можно шекспиристей и изысканней.

Ира — Ирнета

Таня — Антуанета

Вера — Виолета

Марина — Мариэта

Муза — Манон

Я — Лаура.

Правда ведь потрясающе звучит? <...> Вечером, ещё до разногласий, горит свеча в кружке на полу. Кругом на матрацах в самых таинственных одеяниях (преимущественно вышедшие из моды платья мам и тёт, употребляемые для спанья). Гадают по



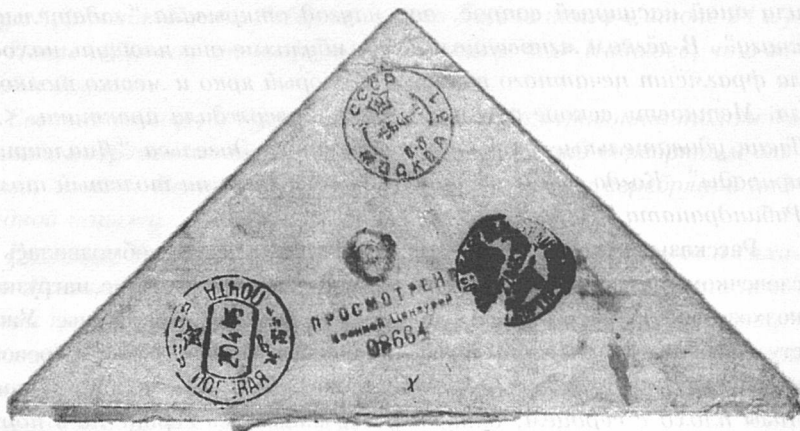
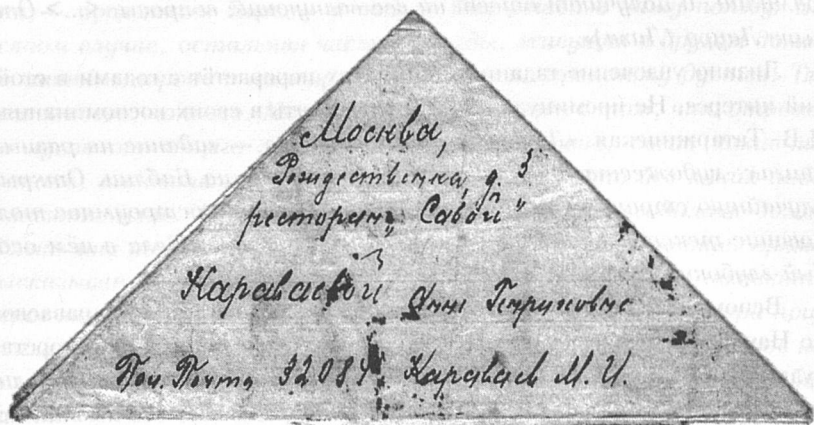
специальной книге. Складывается число букв имени, отчества и фамилии, и получают ответ на все волнующие вопросы. <...> *Отныне Лаура (Лиза)*».

Лизино увлечение гаданием на книгах перерастёт с годами в стойкий интерес. Не преминула об этом рассказать в своих воспоминаниях Я.В. Татаржинская. *«Любимое её развлечение — гадание на разных книгах: художественных, философских, даже на Библии. Открыв случайную страницу, абзац, она всегда находила остроумное толкование текста и от души смеялась, но иногда видела в нём особый глубокий смысл»*<sup>4</sup>.

Вспоминает об этом и В.И. Плужников, коллега Е.М. Каравасовой по Научно-методическому совету по охране памятников Министерства культуры СССР. *«Люди как с марксистским, так и с типовым религиозным мировоззрением <...> вряд ли одобряли гадание на книгах, которым Елизавета Михайловна прилюдно и с весёлым любопытством занималась на досуге (например, в обеденный перерыв, на глазах формальных соратников по партии). Произнеся вслух тот или иной насущный вопрос, она наугад открывала “гадательную книгу”. В лёгком мгновенном сомнамбулизме она наощупь находила фрагмент печатного текста, который ярко и метко толковала. Меткость вскоре или тут же подтверждала практика. <...> Такие удивительные ответы давала книга Энгельса “Диалектика природы”. Когда она затерялась, мы перешли на толстый томик Рабиндраната Тагора»*<sup>5</sup>.

Рассказывая о себе в письмах к матери, Лиза не обмолвилась ни словечком о своём самочувствии. Ежедневные физические нагрузки в колхозе (по 12 часов в день) позднее скажутся на её здоровье. Уже в студенческие годы Лиза страдала от болей в сердце, о чём с тревогой писали друг другу в письмах её родители. *«Как это странно, что у Лизы плохо с сердцем, откуда у неё оказалось сердце не в порядке»*, — писал встревоженный известием отец. И в другом письме: *«Раз нездорова, пусть с учёбой не надсаживается»*. Он же предлагал Лизе *«отложить на один год свою учёбу для спасения здоровья»* и даже советовал *«бросить учиться, ничего с <...> больным сердцем не сделаешь»*.

Однако с учёбой Лиза справлялась хорошо и в 1949 г. успешно защитила диплом, а в 1957 г. и кандидатскую диссертацию.



Письмо М. И. Каравасова от 20 апреля 1945 г., в котором он, как и во многих других письмах, тревожился о здоровье дочери.

«Лизу большую выручай», — заклинал он жену

Всего четыре письма более чем полувековой давности, написанные карандашом и чернилами, почти детским почерком, поведали историю вступления во взрослую жизнь в тяжёлое военное время юной Лизы Караваевой, в будущем незаурядного учёного и архитектора-реставратора.

<sup>1</sup> Фотостудия «Интурист» при Министерстве Внешней торговли была открыта в гостинице Метрополь в 1919 г. при поддержке Я.М. Свердлова (он сам проживал в одном из номеров гостиницы, там же заседал ВЦИК) знаменитым фотографом М.С. Паннельбаумом, который прославился тем, что в 1918 г. сделал первый художественный фотопортрет В.И. Ленина.

<sup>2</sup> Фильм «Миссия в Москву» был снят в 1942 г. режиссёром М. Кертцем по одноимённой книге американского посла в СССР Джозефа Дэвиса. Его деятельность на этом посту пришлась на период большого террора в стране: январь 1937 г.— февраль 1938 г. Вышедшая из печати в конце 1941 г. книга называла процесс по делу «Правотроцкистского блока» справедливым — фактически оправдывала проводившиеся в СССР репрессии. В Америке книга имела большой успех. В мае 1943 г. Д. Дэвис привёз копию картины Кертца Сталину, который высоко её оценил. В июле, как следует из письма Лизы, фильм показывали в московских кинотеатрах. «Американский фильм о Советском Союзе» вызвал в столице небывалый ажиотаж.

<sup>3</sup> Книга «Дневник Кости Рябцева» Н. Огнева (настоящее имя М.Г. Розанов) увидела свет в Москве в 1927 г. В ней рассказывается о советской школе 1-й половины 1920-х гг., раскрывается психология подростка в период раскрытия эротических чувств. В 2006 г. книга переиздана рядом московских издательств, в частности, издательством «Астрель».

<sup>4</sup> *Татаржистская Я. В.* Мои воспоминания об архитекторе Е.М. Караваевой // Архив наследия — 2004. М., 2006. С. 341.

<sup>5</sup> *Плужников В. И.* Е.М. Караваева в контексте времени // Архив наследия — 2004. М., 2006. С. 368.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
- АЭС — атомная электростанция
- БВО — Белорусский военный округ
- БССР — Белорусская Советская Социалистическая Республика
- БСЭ — Большая советская энциклопедия
- ВКВС — Военная коллегия Верховного суда
- ВМН — высшая мера наказания
- ВМФ — Военно-Морской Флот
- ВО — военный округ
- ВСЕРАБИС — Всесоюзный (до 1925 г. — Всероссийский) профессиональный союз работников искусств
- ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
- ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия
- ГАЗ — Горьковский автозавод
- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

- ГАСО — Государственный архив Смоленской области
- ГБ — государственная безопасность
- Главнаука — Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями Наркомпроса РСФСР
- ГПУ — Государственное политическое управление
- губ. — губернский
- губмузей — губернский музей
- ГУГБ — Главное управление государственной безопасности
- Дмитлаг — Дмитровский исправительно-трудовой лагерь
- ИЛК — Фонд содействия возрождению национальной культуры и общности караимов
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности
- исполком — исполнительный комитет
- Истфак — Исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
- ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
- КГБ — Комитет Государственной Безопасности
- КОГПУ — Карельское отделение государственного политического управления

- Коминтерн — Коммунистический Интернационал
- Комуч — Комитет членов Учредительного собрания
- КП — здесь: коммунистическая партия
- КПД — коэффициент полезного действия
- КПСС — Коммунистическая Партия Советского Союза
- КрымОКО — Крымское объединение караимских общин
- ЛО — Ленинградская область
- ЛВО — Ленинградский военный округ
- МАИ, МАРХИ — Московский архитектурный институт
- МАКЭ — Морская арктическая комплексная экспедиция
- МВД — Министерство внутренних дел
- МГУ — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
- Методсовет — Научно-методический совет по охране памятников культуры
- Минобороны — Министерство обороны
- МЧК — Московская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
- нарком — народный комиссар
- Наркомпрос, НКП — Народный комиссариат просвещения

- НИИ — научно-исследовательский институт
- НИЦ — научно-исследовательский центр
- НКВД — Народный Комиссариат Внутренних Дел
- нэп — новая экономическая политика
- облсполком — областной исполнительный комитет
- ОГПУ — Объединённое государственное политическое управление
- ОО — особый отдел
- РАЕН — Российская академия естественных наук
- РВСР — Революционный военный совет республики
- РКИ — Рабоче-крестьянская инспекция
- РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия
- РНИИ — здесь: Российский научно-исследовательский институт
- РСДРП(б) — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
- РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
- РФ — Российская Федерация
- СНГ — Содружество Независимых Государств
- СОЧ — секретно-оперативная часть

- Союзмультфильм — киностудия мультипликационных фильмов в Москве
- ССР — Советская Социалистическая Республика
- СССР — Союз Советских Социалистических Республик
- США — Соединённые Штаты Америки
- исполком — уездный исполнительный комитет
- УК — Уголовный кодекс
- УНКВД — Управление Народного Комиссариата Внутренних Дел
- УОНО — уездный отдел народного образования
- УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика
- ФСБ — Федеральная Служба Безопасности
- ЦА — центральный архив
- ЦК — Центральный Комитет
- ЧК — Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
- ЮНЕСКО — Международная организация по вопросам просвещения, науки и культуры при Организации Объединённых Наций
- CEI (см. СНГ) — Communauté d'Etats indépendants
- NKVD (см. НКВД) — Commissariat du peuple aux Affaires intérieures



## ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Написание имён и фамилий (то с обоими инициалами, то с одним, то без инициалов вообще) — такое, как в публикуемом тексте. Вызванные этим недоговорки и повторы снижают впечатление об уровне этого указателя, зато сокращают вероятность ошибок.

- Аарон бен Ашер — 136  
 Аарон бен Илья Никомедийский — 136  
 Аарон бен Иосеф Гарофе — 141, 151  
 Абкович К. — 118  
 Абкович Р. — 122, 124  
 Абрагамович З. — 124, 158  
 Абу аль-Фарадж Фуркан ибн Асад — 136  
 Абу Джаффар аль-Мансур — 109, 134  
 Абу Сулейман Давуд аль Фаси — 136  
 Авах В. — 102  
 Аввакум — 19, 29, 66  
 Авраам — 151  
 Ага — 73  
 Акбальян Е.Р. — 65  
 Алан-бий — 159  
 Алани — 159  
 Александр I — 94  
 Александр II — 242  
 Александр — 108  
 Александра Фёдоровна — 201, 204  
 Алексеев В. — 144, 160  
 Алексеев И.О. — 236–237, 242–243  
 Алексей — 75  
 Ампулова Б.Б. (см. Казас Б.Б.)  
 Анан Бен Давид ха-Наси — 70, 109, 111, 134–136  
 Ансон — 206  
 Антипов-Алимов Н.Ф. — 196  
 Апстер И.А. — 196  
 Арбейгер И.А. — 196

- Арслан — 159  
Артамонов М.И. — 160  
Архангельский А.С. — 31, 68  
Астахова С.И. — 13–14, 34, 65, 67–68  
Афанасий (Любимов) — 28  
Афанасьев-Соловьёв — 176–177  
Ашкинадзе Г.Б. — 5  
Баба Джан Бабай — 97  
Бабаджан И. — 77  
Бабаджан-Ельяшевич Т.С. (Бабаджан Т.С.) — 77, 79–86, 88–92, 94, 97–105  
Бабаджан-Ельяшевич — 100  
Бабович С. — 148, 155  
Баженов Р.И. — 236, 238, 242–243  
Байбаков Н.К. — 220  
Баран Я.И. — 104  
Барна (Бергман) А./И.А. — 196  
Бартельс-Чайкин-Небо Л.А. — 196  
Баскаков Н.А. — 126, 139, 159  
Бахрушин А.А. — 4, 169  
Башиячи И. — 115  
Башмаков П.А. — 242–243  
Бейм М.С. — 96  
Бельская В.П. — 248  
Берселявичюс Г. — 111  
Бетховен — 177  
Богословский Н. — 220  
Бодлер — 218, 222  
Бору — 159  
Бота — 159  
Боченкова И.Д. — 68  
Боярский П.В. — 185  
Брежнев — 221  
Бродчиков А. — 249  
Бромлей Ю.В. — 19, 66  
Бронфенберенр Ю. — 234

- Брунов Н.И. — 223  
 Бубнов А. — 191  
 Булан — 112, 137–138  
 Булычёв А.П. — 5, 244–247  
 Быков В.Е. — 219, 228–229  
 Васильев М.И. — 14, 27, 65, 67–68  
 Вениамин — 202  
 Венцукте Р. — 106, 131  
 Вера — 253–254  
 Верховский — 208  
 Веселицкий П.К. — 196  
 Вздорнов Г. — 209–210  
 Витовт (Витаутас) — 73, 107, 109, 119, 122, 133  
 Власов В. — 251  
 Власова И.В. — 65  
 Власюк А.И. — 225–226  
 Водолазко В.Н. — 66  
 Восойкова И.Н. — 219  
 Вокуев А.Ф. — 22  
 Волошин М. — 202–203  
 Вольтер — 158  
 Выголов В.П. — 217–222, 229  
 Габай С. — 77  
 Гаврилов Б.И. — 227  
 Гаврилов Ю.А. — 3  
 Гарин В. — 195  
 Гаркави — 159  
 Гаусс — 231  
 Гегелович И. — 102  
 Гегелович Ю. — 101–102  
 Гедалия — 71, 153  
 Гедиминас — 109  
 Герман — 32  
 Герцен — 222  
 Гильфердинг А.Ф. — 13, 22–23, 25, 65, 67

- Гирси — 116
- Гитлер — 211
- Глазунов А.К. — 177
- Глинка М.И. — 4, 161–184
- Глинка-Измайлов А.Н. — 4, 161–169, 172, 174, 178
- Гоголь — 222
- Головкин К.Г. — 3, 65, 227
- Головкин Н.А. — 200
- Гольц Г.П. — 228
- Гордлевский В.А. — 143, 160
- Городецкий В. — 76, 82
- Гофман Ю.В. — 196
- Грабарь И.Э. — 210
- Гретц Г. — 159–160
- Григорьев Д.Д. — 163
- Гриц А.Е. — 81
- Грузинский А.Е. — 66
- Губкин И.М. — 200
- Гудзий Н.К. — 68
- Гумилёв Н. — 202
- Густав XI — 115
- Давид — 130, 146, 150
- Даниил Галицкий — 133
- Данилко Е.С. — 68
- Даниэль Ю.М. — 212–213
- Дашкевич Я. — 159
- Девора — 143
- Демидов М.Г. — 223
- Джанике-ханым — 86
- Дмитриева С.И. — 12–13, 23–24, 27, 29, 36–37, 65, 67–68
- Докучав-Басков К.А. — 67
- Достоевский — 203, 254
- Дубинский А. — 109–110, 112, 124, 143, 160
- Дуван С. — 75
- Дуван Я. — 160
- Дэвис Д. — 257

- Евтушенко Е. — 218  
 Егоров В.Л. — 227  
 Ежов — 195  
 Екатерина II — 74, 116, 167, 225  
 Елагин И. — 19  
 Ельяшевич Б.С. — 93–95, 155  
 Ельяшевич С.С. — 77, 93  
 Ерошкин Н.П. — 219  
 Ершов П.А. — 196  
 Ефет бен Али — 136  
 Ефимов Б. — 211  
 Ефимова Г.М. — 227  
**Жордания Г.К.** — 196  
 Жуков А.Ю. — 66, 68  
 Жуховицкий М.В. — 196  
 Забелло С.Я. — 67  
 Завитневич И.Т. — 193  
 Зайончковский А. — 110, 122, 124, 126, 129, 140  
 Зайончковский В. — 124  
 Зайончковский И. — 125  
 Заковские — 206  
 Заковский Л.М. — 4, 195, 206–208  
 Захарова Л.Г. — 242  
 Захарова О.А. — 66, 68  
 Зорге — 212  
 Зуев — 219  
**Иаков** — 151  
 Иванов М.В. — 4–5, 247  
 Иевлев Н.И. — 165  
 Иеремия — 153  
 Измайлов А.Н. (см. Глинка-Измайлов А.Н.)  
 Иисус Христос — 70, 111, 135–136, 187  
 Илевич С.В. — 5  
 Ильин В.Н. — 68

- Ильинтейн В.А. — 196  
 Иоани Акиндинович — 19  
 Иосиф — 159  
 Ира — 253–254  
 Исаяя — 153  
 Ислам-Гирей — 73
- Каганович М.Л.** — 228  
**Казаков М.Ф.** — 226  
**Казаринова В.И.** — 225  
**Казас А.А.** — 91  
**Казас А.И.** — 91  
**Казас Б.Б.** — 91–92  
**Казас Б.И.** — 91  
**Казас И.А.** — 91  
**Казас И.И.** — 91–92  
**Казас И.М.** — 91  
**Казас Михаил И.** — 91  
**Казас Моисей И.** — 92  
**Казас Р.С.** — 91  
**Казимир** — 107  
**Каиров В.М.** — 66  
**Калачёв Н.М.** — 196  
**Калмук** — 159  
**Каменева Т.Е.** — 217  
**Камкин А.В.** — 67  
**Канева Т.С.** — 68  
**Капон Г.Я.** — 77, 104  
**Карабаджнак** — 159  
**Караваев М.И.** — 252–253, 256  
**Караваев М.М.** — 248, 251  
**Караваева А.Г.** — 251–252  
**Караваева Е.М.** — 5, 248–257  
**Караваевы** — 248  
**Карина** — 130  
**Карсель** — 237, 243  
**Кастро Р.** — 231

- Кастро Ф. — 5, 231
- Катков В.К. — 217
- Катыка А.И. — 77, 97
- Керкзальский К.И. — 197
- Керов В.В. — 66
- Кертиц М. — 257
- Кёстлер А. — 137, 159
- Кирилов И.К. — 219
- Кириченко Е.И. — 225
- Клебер — 218
- КобецакYTE Г.С. — 3, 78
- Кобецкий И. — 122
- Кобецкий С. — 117, 128, 132
- Ковальский Т. — 107, 122
- Козакевич П.В. — 242
- Козин Ф.Ю. — 28
- Козлов С.Я. — 93–97
- Козлов — 165, 178
- Козловский М.К. — 197
- Кокизов Ю. — 130, 153
- Коковцов П.К. — 159
- Колмовский А.А. — 219
- Колумб — 230
- Колчак — 188
- Комеч А.И. — 209, 221–223, 228
- Комэн — 159
- Кон Ф.Я. — 170
- Константин Николаевич — 235, 242
- Королёва А.В. — 215–216
- Котова-Измайлова О.А. — 167
- Красовский М.В. — 65
- Кривонос А.А. — 227
- Кривуля И.А. — 197
- Круглов В.А. — 197
- Крупская Н.К. — 172
- Крывелёв И.А. — 17, 66
- Крюкова А.М. — 22

- Кудабя Ч. — 125  
 Кузнецов Ф. — 204  
 Купферштейн Г.М. — 197  
 Кушурь С. — 77  
 Куэрва — 231  
 Лавринович М. — 129  
 Лавринович Р. — 128  
 Лазарев В.Н. — 223  
 Лазарь — 203  
 Ламберт — 231  
 Ларионов С.Н. — 197  
 Лебедева Э.И. — 160  
 Леванова Е. — 178  
 Леин В.И. — 78, 207–208, 257  
 Лепот — 237  
 Лиза (см. Каравасва Е.М.)  
 Литвинов Р.Н. — 200  
 Лихачёв Д.С. — 5, 87, 200, 220  
 Ломновекая Е.С. — 220  
 Ломоносов М.В. — 259–260  
 Лопатто Ш. — 120  
 Лоценков Ф.И. — 227  
 Лудольф И. — 115  
 Лука — 19–20  
 Луначарский А.В. — 4, 169, 175, 177  
 Луша — 185  
 Маковецкий И.В. — 210–211, 225, 228  
 Малевский Ю.А. (Ю.К.?) — 246–247  
 Мангуби К.М. — 104  
 Марина — 253–254  
 Мартынов К.Б. — 242–243  
 Матевы — 68  
 Машкевич В. — 130  
 Меньшакова Е.Г. — 68  
 Меркатор — 231



- Миллер О.Ф. — 13, 23, 65  
 Михаил, Миша (см. Каравасев М.М.)  
 Моисей бен Ашер — 136  
 Моисей Р. — 136  
 Моисей — 110, 134, 137, 140, 145–146, 152  
 Морозкина Е.Н. — 248  
 Моха Р. — 136  
 Моцарт — 221  
 Мошина Т.А. — 66  
 Муза — 253–254  
 Мукус С.Д. — 188  
 Мусасв К.М. — 140–141, 159  
 Мухаммад (Мухаммед, Мохамед) — 70, 111, 135–136  
  
 Нагавенди В. — 135  
 Напсельбаум М.С. — 257  
 Несмия — 153  
 Нейман С.М. — 155  
 Нигай А.Г. — 197  
 Никитина С.Е. — 17, 66  
 Николаев Е.В. — 225  
 Николай II — 75  
 Никольский К. — 32, 65, 68  
 Никон — 15, 28, 32–33  
 Нэйман — 159  
  
 Обадья — 138  
 Огнев Н. — 257  
 Окладников Н.А. — 66  
 Опучина И.В. — 67  
 Опучков Н.Е. — 13, 16, 19, 21, 65–66  
 Ополовников А.В. — 65  
 Осипов А.Г. — 197  
 Отмарштейн Н.П. — 197  
  
 Палевы — 68  
 Пампулов С.М. — 91, 96, 155

- Панарин А.С. — 69, 105  
 Паникьян Р. — 86  
 Перингер Г. — 115  
 Петахья Регенсбургский — 138–139  
 Петров Н.В. — 206  
 Пётр I, Великий — 167, 236, 242  
 Пигит — 90  
 Пименов В.В. — 67  
 Плужников В.И. — 4–5, 248, 255, 257  
 Поздняков Н.Н. — 170  
 Позери Б. — 195  
 Поликарпов А. — 197  
 Полканов А.И. — 105, 160  
 Польшгалов В.П. — 197  
 Попов Н.И. — 197  
 Попов — 208  
 Попова Е.П. — 246–247  
 Порфирьев (см. Завитневич И.Т.)  
 Прик С. — 160  
 Прозоров М. — 80  
 Проин В.Я. — 13, 23, 65  
 Пулькин М.В. — 66, 68  
 Пушкин — 203  
 Расцкая А. — 98  
 Ракочевские — 165  
 Рассохо А.И. — 231  
 Рахмановы — 68  
 Ребяхин — 191  
 Ревекка — 143  
 Решетников Н.И. — 66  
 Ривкин-Измайлов Д.И. — 163  
 Робачевская С. — 129  
 Розанов М.Г. (см. Огнев Н.)  
 Русакомский И.К. — 214  
 Рыбников П.Н. — 13–14, 25, 27, 65–67

- Рыжова Е.А. — 68  
 Рябинин И.Т. — 22  
 Рябинин Т.Г. — 22  
 Рябинины — 22  
 Рябинин-Андреев И.Г. — 22  
 Рябушинский — 208  
 Рыбцев К. — 254, 257  
 Савицкий В.М. — 197  
 Савускан — 159  
 Самойлович А.Н. — 142, 159  
 Свердлов Я.М. — 257  
 Святослав — 112  
 Севейра Г.П. — 231  
 Сельвинский И. — 91  
 Сергеев И.Н. — 197  
 Сипан Ходжа — 157  
 Сипани И.О. — 159  
 Синяевский А.Д. — 212–213  
 Склепова В.И. — 161–163, 165–166, 171–173, 178–179  
 Скоркин К.В. — 206  
 Собинов Л.В. — 4, 161, 163–164, 166, 168–169, 174, 177  
 Соколов Б.М. — 14, 65–67  
 Соколова Е.Н. — 33, 68  
 Соколовский Б.С. — 170  
 Соколовский С.М. — 163, 165–168, 170, 175–176  
 Соломон — 130  
 Сосин — 171  
 Сперанский М. — 14, 65  
 Сталин — 212, 228, 257  
 Старов И. — 209  
 Стерлигов А.Б. — 229  
 Столыпин П.А. — 79  
 Столяров В.П. — 4, 200, 204–205  
 Столяров В.Т. — 189  
 Столяров К.Т. — 4, 185–186, 188–194, 196–197, 200, 204–205

- Столяров М. — 187
- Столяров П.Т. — 191, 193, 204
- Столяров Т.М. — 187–188
- Столярова А.Т. — 191–192
- Столярова Г.Т. — 191, 193
- Столярова И.К. — 185, 188–189, 195, 197, 200, 204
- Столярова М.Н. — 188
- Столяровы — 188, 191
- Судимович А. — 124
- Султанский И. — 159
- Тагор Р. — 255
- Таиров — 214
- Таня — 253–254
- Татаржинская Я.В. — 248, 251, 255, 257
- Тверетинов В.Ф. — 197
- Тенишева М.К. — 172
- Терехов Ф.М. — 193
- Тетерин А.В. — 197
- Тимош — 73
- Тимфович М. — 123, 125
- Тирияки В.З. — 3, 78, 159–160
- Троки И. — 158
- Троки С. — 108, 114
- Троцкая Н.И. — 169
- Трудкин Е. — 174
- Туполев А.Н. — 216
- Тыдман Л.В. — 224–225
- Тютюнник Л.И. — 242
- Узун — 75
- Улатов А.И. — 197
- Успенский Б.Е. — 5, 234
- Фаркюгар — 243
- Федоринова И.Л. — 67

- Фёдор — 19–20  
 Фиркавичуте К. — 129  
 Фиркович А. — 73  
 Фиркович З. — 122  
 Фиркович С.А. — 77, 87, 99–100, 116, 120–123, 126–130  
 Фирковичене Т. — 129  
 Фирковичюс М. — 115–116, 128, 130  
 Флиге И. — 186, 205  
 Флоренский П.А. — 4, 185–186, 196–197, 200, 205  
 Флоренский П.В. — 185–186, 200, 202  
 Френель — 242–243  
 Фридовский Н.М. — 240–241, 243  
 Фридрих I — 242  
 Фролов А.И. — 67  
 Фуки А.И. — 78, 104  
 Фурцева Е.А. — 210  
 Хаджи Ага Бабакай Бабович (см. Бабович С.)  
 Хаджи Ага Сима Бабович — 155  
 Хаджи Серая Хан Шаннал (см. Шаннал С.М.)  
 Харьков А.В. — 5  
 Хмельницкий, Богдан — 73  
 Христос (см. Иисус Христос)  
 Хрущёв — 209, 211–212  
 Чалбору — 159  
 Челеби — 73  
 Черкес — 159  
 Чижова Л.В. — 93–97  
 Чистяков А.Ф. — 197  
 Шаман С.Я. — 77–78, 104  
 Шаннал С.М. — 75, 77, 94, 100, 120–121, 123–126, 129, 139–141, 155, 159–160  
 Швидковский О.А. — 210–211, 228  
 Шевченко А.Г. — 3

- Шеллер А.Ф. — 197
- Шенников А.А. — 248
- Шнеерсон И. — 78
- Шнаковская А. — 129
- Штубис Г.Э. (см. Заковский Л.М.)
- Штубис Ф. — 206
- Шургин И.Н. — 21, 65, 67
- Шурнин Ф.С. — 247
- Щедровицкий Д.В. — 160
- Щёболева Е.Г. — 220, 225
- Щёлюков Н.А. — 226
- Щукина Е.П. — 213
- Щусев — 217
- Эйбушиц С.С. — 210
- Энгельс — 255
- Эрденко М.Г. — 176
- Эрджиласун А. — 107
- Ювеналий Митрофанович — 168**
- Югуда Гадаси — 136, 145–146
- Юсуф аль-Басир — 136
- Юткевич Е. — 98
- Юткевич М. — 98
- Юткевич С. — 98
- Юткевичи — 98
- Юхименко Е.Ю. — 67
- Якубени В.И. — 217, 224**
- Ярошев Г.П. — 197
- Ярузельский — 229

- Achkinadzé G. — 8
- Bakhrouchine A. — 7
- Beresnevičius G. — 131
- Boulytchev A. — 8
- Castro F. — 7
- Chevtchenko A. — 6
- Chtoubis G. (см. Zakovski L.)
- Dubinski A. — 131–132, 159–160
- Firkavičiūtė K. — 131
- Firkovičius M. — 131–132
- Florenski P. — 7
- Gavrilov Y. — 6
- Glinka M. — 7
- Glinka-Izmaïlov A. — 7
- Golovkine K. — 6
- Hévitch S. — 8
- Ivanov M. — 7–8
- Karavaéva E. — 8
- Kharkov A. — 8
- Kobetskaïté G. — 6
- Kowalski T. — 131
- Likhatchev D. — 8
- Lounatcharski A. — 7
- Nowosielski A. — 160
- Ouspenski B. — 7

Ploujnikov V. — 7–8

Sobinov L. — 7

Staline — 7

Stolarov K. — 7

Stolarov V. — 7

Szyszman S. — 131

Tiriaki V. — 6

Zajączkowski A. — 131, 159

Zakovski L. — 7

Achitnabé G. — 8

Bakhtonchik A. — 7

Bereznevich G. — 131

Boulytchev A. — 8

Castro F. — 7

Chavtchenko A. — 8

Chibrik G. (en: Zakovski L.)

Dubinski A. — 131–132, 159–160

Firkavichich R. — 131

Firkovitch M. — 131–132

Fronski P. — 7

Gavrilov Y. — 8

Glinka M. — 7

Glinka-Ivanov A. — 7

Golovkine K. — 8

Ivlevich S. — 8

Ivanov M. — 7–8

Kanavtcheva E. — 8

Kharlov A. — 8

Kobalshchik G. — 8

Kozlovski T. — 131

Likhtchev D. — 8

Lomakinchanski A. — 7

Mozovinski A. — 160

Ouzonovski B. — 7



## УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Албания — 230  
 Алексеевка — 188, 191, 194  
 Алтай — 3, 34, 68  
 Алтайский край — 34  
 Америка — 257  
 Англия — 211, 235  
 Анкара — 107  
 Арабский халифат — 137  
 Аральское море — 143  
 Арбузиха — 46  
 Архангельская губерния — 3, 9–13, 16, 18, 24, 26, 30–33, 38–41  
 Архангельская область — 23, 38, 52, 57, 61, 67  
 Архангельский уезд — 24  
 Астрахань — 208  
 Атлантический океан — 231  
 Афанасьевка — 249  
 Африка — 111  
 Ахнойла — 11, 47  
 Ашход — 72  
 Багдад — 137  
 Баку — 160  
 Балаклава — 139  
 Балтийское море — 234–235, 239–243  
 Балтика — 5, 234, 236–237, 242  
 Баракоа — 230  
 Барановичи — 98  
 Батова — 26, 47  
 Бахчисарай — 73, 103, 139, 144  
 Башкирская АССР — 194  
 Бейт-Эль — 143  
 Белебей — 188  
 Белое море — 22, 27, 29  
 Белозерский край — 31

- Белозерский уезд — 31  
 Белозерье — 33  
 Беломорско-Балтийский канал — 193  
 Беломорье — 200  
 Белоруссия — 98, 188  
 Белорусская ССР (см. БССР)  
 Бердянск — 155  
 Бережнослободская волость — 30  
 Березник — 27, 38, 40  
 Биржай — 107  
 Биюк-Озенбаши — 139  
 Ближний Восток — 72  
 Болгария — 230  
 Большая Кондратовская — 61  
 Большесельский район — 220  
 Большое Лижмозеро — 50  
 Борк — 159  
 Бостилово — 26, 51  
 Брянская область — 214, 220  
 БССР — 207, 213, 258  
 Бухалово — 53  
  
**Вавилония** — 70, 133–134  
 Вага — 23  
 Вальтево — 27, 38  
 Варшава — 124, 129, 159  
 Великогубская волость — 24  
 Великое — 210  
 Великое княжество Литовское — 107, 117  
 Вельский район — 23–24  
 Вельский уезд — 24, 32  
 Венгрия — 229  
 Венеция — 115  
 Верхнее Поонежье — 61–64  
 Верхняя Зимняя Золотица — 24  
 Верхоянский округ — 34  
 Вершинино — 54

- Вигово — 48  
Видагино — 52  
Византийская империя, Византия — 72–73, 111, 137  
Вильно (Вильно, Вильна) — 80, 108–109, 116–122, 124–125, 128–130, 159  
Владими́ро-Сузда́льские земли — 14  
Водлозеро — 25  
Воздвиженская — 45  
Волга — 213, 220  
Вологда — 33, 67  
Вологодская губерния — 3, 10, 12–13, 24, 30–33, 42–46  
Вологодская земля, Вологодчина — 30–33  
Вологодская область — 33, 68  
Волок — 64  
Вольнь — 74  
Воркута — 185  
Вороний Остров — 49  
Восток — 70, 153  
Восточная Европа — 112, 138  
Вроцлав — 124  
Всероссийское государство — 219  
Выборгский округ — 242  
Выг — 18, 20  
Выгозеро — 18, 25  
Выгореция — 21  
Вытегорский район — 31  
Вятская земля — 27  
Гавана — 230, 232  
Гаврилов-Ямский район — 210  
Гагарин — 222  
Галиция — 133  
Галицкое княжество — 107  
Галич — 74, 85, 118–119, 124, 131, 141, 156–160  
Гатчина — 207  
Гданьск — 124  
Германия — 129, 177, 212, 218, 221

- Гжатск (см. Гагарин) — 48  
 Глазово — 54  
 Голгофа — 203  
 Горбачиха — 55  
 Горка — 44  
 Городское — 56  
  
 Даго — 240–242  
 Дания — 235  
 Двина (см. Северная Двина)  
 Двинская земля — 27  
 Двинский уезд — 27, 29–30  
 Дерпт — 242  
 Джуфт-Кале (см. Чуфут-Кале)  
 Дмитров — 249  
 Дмитровский район — 193  
 Дорогобуж — 244, 247  
 Доры — 25, 28  
 Древняя Русь — 9  
 Дубровинская — 42  
 Дуравичи — 187  
 Дэли-сити — 72  
 Дятловка — 249  
  
 Евпатория — 73, 75–76, 83–84, 91, 94, 101–102, 105, 115, 118, 120, 141, 144–145, 148, 151, 154–158, 160  
 Европа — 123, 126  
 Европейский Север России — 15  
 Египет — 71, 131, 137  
 Екатеринослав — 133  
  
 Ёркино — 41  
  
**Железнодорожный** — 248  
  
 Заонежье — 11, 21, 26, 32–33, 47–51  
 Запад — 69, 212

- Западная Азия — 138  
 Западная Европа — 158, 184  
 Западная область — 247  
 Западная Россия — 119  
 Западная Украина — 133  
 Западно-Сибирский край — 207  
 Заречье — 165  
 Зихново — 53  
 Золотая Орда — 107, 140  
 Золотицкая волость — 24  
 Иван-озеро — 25  
 Иерусалим — 101, 111, 149, 153, 187  
 Израиль — 71–72, 131, 137, 146  
 Ингерманландия — 242  
 Ирак — 109  
 Иркутск — 188  
 Испания — 131, 137  
 Истра — 249  
 Истринский район — 251  
 Йемен — 219  
 Кабаньяе — 230  
 Кавгора — 51  
 Кавказ — 138  
 Казань — 208  
 Казахстан — 226  
 Каир — 72  
 Кале — 141  
 Калитинка — 62, 64  
 Калифорния — 72  
 Калужская область — 227  
 Канада — 230  
 Каргополь — 65–68  
 Каргополье — 21, 25  
 Каргопольский район — 57

- Каргопольский уезд — 28  
 Карденас — 230  
 Карелия — 17–18, 26, 66, 196, 242  
 Карельская — 56  
 Карельская АССР — 67  
 Карибское море — 5  
 Каунас — 108  
 Кафа (Кефа) — 139  
 Кеврола — 28, 30  
 Кеврольский уезд — 12, 26–27, 38–41, 68  
 Кемь — 196  
 Кенозеро — 23, 25  
 Кенозерье — 11–12, 25–26, 32, 52–56, 65, 67  
 Кертель — 239  
 Ксфтенцы — 47  
 Киев — 76, 82, 118, 126, 132–133, 155, 163–164  
 Кижбутьяковский район — 188  
 Киово — 224  
 Кириллово — 63  
 Кирилловский уезд — 31  
 Китайская Народная Республика, Китай — 215, 230  
 Климовская — 62  
 Козлиха — 44  
 Койранкангас — 204  
 Коксю — 139  
 Кокшеньга — 30  
 Колбинская — 45  
 Кольцово — 61  
 Кондопожская область — 24  
 Кондопожский район — 47  
 Консво — 54  
 Конёвка — 43  
 Константинополь — 108, 115, 137, 145 (см. Стамбул)  
 Коржа — 61  
 Королёво — 43  
 Косицыно — 56  
 Котово — 251

- Кочмогора — 41  
 Кошелевская волость — 187  
 Краков — 122  
 Красная Поляна — 249  
 Красный Остров — 74  
 Кривые — 43  
 Крым — 71–77, 93–97, 102–103, 106–107, 109, 111–112, 116, 118, 120, 122, 126, 129, 131, 133, 137–140, 143–144, 154–160  
 Крымское ханство — 73, 75  
 Куба — 5, 230–232, 234  
 Кубинка — 249  
 Кудряшѣвская — 63  
 Кузнецовская — 44  
 Кулой — 27, 29  
 Курк — 159  
 Курляндская губерния — 206  
 Куршаково — 64  
 Кырк — 159  
 Кырк Йэр — 139, 157  
  
 Ладвинская волость — 24  
 Ларионовская — 64  
 Лекса — 18  
 Лема — 48  
 Ленинград — 126, 170, 195–197 (см. Петербург, Петроград)  
 Ленинградская область — 194–197, 206–207, 260  
 Либава — 206  
 Литва — 71–78, 99, 106–109, 112, 115–119, 121, 123–125, 128–131, 133, 140–141, 151, 155, 159  
 Литовская Республика — 119, 128  
 Лифляндия — 242  
 Лодейнопоольский уезд — 16  
 Лукино — 63  
 Луцк — 73, 119–120, 124, 131  
 Львов — 74, 159–160  
  
 Мамоново — 52  
 Мангуб (Мангуб-Кале, Ман-куп) — 139, 159

- Мариэль — 230  
 Матанзас — 230  
 Матвеевка — 57  
 Мглин — 223  
 Медвежьегорск — 196  
 Медвежьегорский район — 11, 47  
 Мезенский уезд — 12, 26  
 Мезень — 12, 26–29, 33  
 Мексика — 230  
 Месопотамия — 109, 111  
 Миино — 55  
 Митава — 208  
 Митрофаниха — 46  
 Михеево — 40  
 Могилёвская губерния — 187  
 Молдавская АССР — 207  
 Монако — 231  
 Москва — 5, 19, 28, 30, 65–68, 77–78, 93, 98, 100, 104–105, 118, 126, 131, 133, 162, 165, 167–169, 174–177, 186, 189, 191, 206, 209, 211, 219, 248–249, 253, 257, 262  
 Московская область — 207, 209  
 Московская Русь, Московское государство — 27–28  
 Мценск — 224  
 Мясной Бор — 227  
 Нарва — 242  
 Наро-Фоминск — 249  
 Немята — 53  
 Нёрмужи — 58  
 Нижегородский край — 34  
 Нижегородское Поволжье — 34  
 Нижнее Поонежье — 57–60  
 Нижний Новгород — 30, 167  
 Нижний Падун — 60  
 Нижняя Зимняя Золотица — 24  
 Никольское-Урюпино — 224  
 Ништадт — 242



- Новая Хазария (см.: Крым) — 32  
Новгород — 30  
Новороссийск — 133  
Новоспаское — 4, 161, 175, 178–179  
Нуэвитас — 230  
Нью-Йорк — 206
- Обираловка (см. Железнодорожный) — 39  
Обонежье — 17  
Одесса — 115, 126, 133, 141, 154, 160  
Олонецкая губерния — 3, 9, 11, 13, 16, 18, 25–26, 28, 30–32, 47–64, 66, 206, 208  
Олонецкая епархия — 16, 18, 66  
Онда — 230  
Онега — 23, 27  
Онежский район — 27, 61, 67  
Онежский уезд — 28  
Онежское озеро — 25–26  
Ополе — 124  
Ораниенбаум — 188  
Оренбургская губерния — 34  
Орёл — 221  
Османская империя — 72  
Острожная — 57  
Отуз — 139
- Павловский Бор — 58  
Палестина — 152  
Паневежис — 81, 98–99, 107, 119–120, 123–125, 128–129  
Париж — 105, 131, 237, 239  
Пасвалис — 107  
Паяницы — 48  
Переславльский район — 217  
Пермская земля — 27  
Пернов — 242  
Перово — 224  
Персия — 137, 157

- Першимский Починок — 32
- Петербург — 118, 130, 133, 200, 205, 240–241 (см. Ленинград, Петроград)
- Петроград — 175–176, 206, 208 (см. Ленинград, Петербург)
- Петрозаводск — 66–67
- Петрозаводская и Карельская епархия — 18
- Петрозаводский уезд — 24
- Печгора — 39
- Печора — 12, 18–19, 22, 27, 29–30, 33
- Пёлкула — 11
- Пижма — 19, 30
- Пинега — 12, 26–27, 29–30, 68
- Пинежский район — 12, 38, 68
- Плещецкий район — 26, 52
- Повенецкий уезд — 18
- Поволжье — 34, 188
- Погар — 223
- Подолия — 74
- Покровское — 42
- Польская Республика — 118
- Польша — 71, 74, 76, 106–107, 112, 117–121, 124, 128–129, 131, 133, 159, 168, 229–230
- Поморье — 21, 27
- Поневеж (см. Паневежис)
- Порма — 25
- Потапово — 222
- Почезерье — 39
- Прибалтика — 212
- Прионежье — 25, 33
- Пряжинский район — 11, 47
- Псков — 118
- Пудож — 67
- Пудожский район — 47
- Пудожский уезд — 26, 28
- Пудожье — 26, 32
- Пуронга — 46
- Пустозерск — 19, 28–29

- Пустозерская волость — 30  
 Пустошь — 42  
 Пяльма — 49  
 Раменская — 30  
 Раумо — 242  
 Ревель — 242  
 Ревлюле — 27, 40  
 Регенбург — 138  
 Республика Карелия — 47  
 Республика Коми — 12  
 Республика Куба — 230–231  
 Речь Посполитая — 73, 116, 155  
 Рига — 242  
 Рижский залив — 235, 243  
 Рогачёвский уезд — 187  
 Рославль — 161–162, 165–170, 176, 178  
 Российская империя — 5, 74–75, 116, 118, 235, 243  
 Российская Федерация (РФ) — 76, 161, 163, 192–193, 199, 201, 204–205, 258, 261  
 Российское государство — 34  
 Россия — 9–11, 13, 19, 23, 25, 30, 33–34, 68, 74, 77, 106, 117–118, 129, 133, 149, 154–155, 189, 211–212, 219, 235, 240–243  
 Ростов — 118  
 Ростово-Суздальские земли — 27–28  
 РСФСР — 65, 67, 170, 193, 207, 216, 227, 259, 261  
 Рудбаржи — 206  
 Русский Север — 3, 9–10, 12–15, 17, 23, 30, 33, 36, 65–68  
 Русское Устье — 34  
 Русь — 14, 25, 159, 203  
 Рязань — 208  
 Сааремаа (см. Эзель)  
 Саввинская-Акулово — 63  
 Сандормох — 196  
 Санкт-Петербург (см. Петербург)  
 Санта-Люсия — 230

- Сантьяго де Куба — 230, 232  
Саратовская губерния — 208  
Саратовский край — 34  
Свирь — 12  
Свободы остров (см. Куба)  
Севастополь — 141  
Север — 9–14, 17, 19–20, 22–23, 26–28, 32, 34, 66  
Северная Двина — 27–29  
Северное Причерноморье — 73, 138–139  
Серпухов — 249  
Сибирский край — 207  
Сибирь — 34, 208  
Симбирский край — 34  
Симферополь — 85, 118, 131, 155, 159–160  
Синай — 152  
Сирия — 111, 137  
Смоленск — 4, 161–162, 164, 170–176, 178–179, 222, 245–246  
Смоленская губерния — 4, 170, 172, 178  
Смоленская область — 163, 217, 244–245, 259  
Смоленщина — 170, 215  
Советский Союз (см. СССР)  
Соловецкий архипелаг, Соловки — 185–186, 195–196, 200  
Солхат (Старый Крым) — 73, 139, 141  
Сольвычегодский уезд — 30–31  
Средняя Азия — 227  
СССР — 69, 76–77, 125–126, 133, 160, 194–195, 197–198, 201, 205–207, 210–211, 213, 218, 220, 227, 230–231, 253, 255, 257, 260, 262  
Стамбул — 72, 121, 140, 155 (см. Константинополь)  
Старый Крым (см. Солхат)  
Строкавино — 45  
Сугдей (Судак) — 139  
США — 72, 124, 131, 231, 262  
Сьенфуэго — 230, 232  
Сьерра-Маэстра — 232  
Сырь — 59

- Таврическая губерния — 154  
 Таиланд — 216  
 Таманский полуостров — 159  
 Тамбица — 49  
 Тарасово — 55  
 Ташкент — 251  
 Таш-Ярган — 139  
 Толвуйская область — 24  
 Торонец — 218  
 Тотемский уезд — 30  
 Тракай (Троки) — 73, 76, 81, 107–109, 117–122, 124–126, 128–131  
 Турция — 71, 107, 128  
  
 Углич — 220  
 Украина (Украина) — 74, 77, 85, 106, 124, 129, 145, 159, 214  
 Улалега — 50  
 Упит — 107  
 Урал — 188  
 Усолье — 57  
 СССР — 207, 262  
 Усть-Цилемская волость — 30  
 Усть-Цилемский уезд — 29  
 Усть-Цильма — 30–31, 68  
 Устьянская волость — 28  
 Уфимская губерния — 188  
 Ушково — 26  
  
 Феодосия — 73, 97, 141, 151  
 Фёдоровская — 52  
 Финляндия — 129  
 Финский залив — 235, 243  
  
 Хазария — 137–138, 159  
 Хазарский каганат (Хазарское царство) — 72, 107, 112, 137, 143  
 Харбин — 118  
 Харьков — 118, 155  
 Хачела — 59

- Хаяла — 60  
Холмогорская епархия — 28  
Холмогоры — 28
- Чабак** — 139  
**Чаженга** — 25  
**Чехословакия** — 211, 229–230  
**Чешегора** — 27, 38  
**Чешога** — 59  
**Чёково** — 58  
**Чёрное** — 249  
**Чёрное море** — 143  
**Чуфут-Кале (Джуфт-Кале)** — 73, 75, 86–90, 139, 142, 159
- Шаста** — 41  
**Швеция** — 115, 235, 242  
**Шенкурский район** — 23–24  
**Шенкурский уезд** — 24  
**Шегогорка** — 39  
**Широкие Поля** — 50  
**Шумячи** — 246–247
- Эзель** — 242  
**Эстляндия** — 242  
**Эстония** — 233, 239
- Юг** — 212  
**Южный Урал** — 3, 34
- Ягмурчук** — 139  
**Якутия** — 3  
**Якутская область** — 34  
**Ярославль** — 220–221, 227  
**Ярославская область** — 210, 217, 219–220, 227  
**Яхрома** — 249

- Altaï — 6  
 Ankara — 132  
 Arkhangelsk — 6  
 Baltic — 242  
 Baltique — 8  
 Breslau — 159  
 Caraïbes — 8  
 Crimée — 6  
 Cuba — 7  
 Iakoulie — 6  
 Krakow — 131  
 Lasagne — 131  
 Liberté (île de la) (см. Cuba)  
 Lituanie — 6  
 Mont Oural — 6  
 Moscou — 7—8  
 Nord de la Russie — 6  
 Novospasskoïé — 7  
 Olonets — 6  
 Poland — 131  
 Russie — 6—8  
 Russie occidentale — 8  
 Smolensk — 7  
 Solovetski — 7

Troki — 122, 131

Vilnius — 131–132

Vologda — 6

Warszawa — 131, 159

Wilno — 160

Albat — 6

Ankara — 132

Arkhangelsk — 6

Baltic — 242

Baltique — 8

Breslau — 159

Catholics — 8

Crimée — 6

Cuba — 7

Jakoite 056, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000

Kielce — 131

Lazavie — 131

Liberte (Ile de la) (en Cuba)

Lituanie — 6

Mont Oural — 6

Moscou — 7–8

Mont de la Russie — 6

Novorossiisk — 7

Olonets — 6

Pologne — 131

Russie — 6–8

Russie occidentale — 8

Smolensk — 7

Sokolniki — 7



В ПРЕДЫДУЩИХ ВЫПУСКАХ СБОРНИКА  
ОПУБЛИКОВАНЫ СТАТЬИ:

**1999:** Стенограмма Пленума Научно-методического совета по охране памятников культуры при Президиуме Академии наук СССР (май 1949 года).— *Н.Д. ТРОСКИНА*. Строительная история Большого Кремлёвского дворца в Москве.— *М.М. ЕРМОЛАЕВ*. Незнакомый Остров.— *В.И. ПЛУЖНИКОВ*. Ушедшее искусство Смоленщины.— *Г.К. СМИРНОВ*. Городекие питейные дома второй половины XVIII в.— *Ю.В. РАТОМСКАЯ*. Скульптуры Александра Триппеля в Яропольце.— *М.Д. ЮМЖАПОВА*. Влияние русской церковной архитектуры на бурятское буддийское зодчество.— *М.Ю. КОРОБКЮ*. Металл железного канцлера: памятники Вильгельму I и Бисмарку в Москве.— *А.В. РАБОТКЕВИЧ*. Память о посещении Валуевов Петром Первым.— *А.В. РАБОТКЕВИЧ*. О защите древностей и природы Валдая от железнодорожного строительства.— *О.Ю. ТИНИНА*. Деятельность Российской академии истории материальной культуры по охране памятников истории и культуры в 1920–1930-е годы.

**2000:** *Р.А. СИМОНОВ*. Итальянский врач 16 века Арнольф в Москве.— *В.М. ПЕДЕЛИН*. Монархические памятники Орловской земли.— *И.В. КАЛИНИНА*. Илимск – часовни и церкви 17 века.— *С.В. ФИССЕР-КНЯЗЕВА*. Домик Петра I в Заандаме.— *В.И. ПЛУЖНИКОВ*. Барочные наличники Владимирской области.— *М.Д. ЮМЖАПОВА*. М.И. Сердюков – создатель Вышневолоцкой водной системы.— *Г.К. СМИРНОВ*. Тверской губернский архитектор Фёдор Фёдорович Штенгель.— *С.В. КАЗАКОВА*. Деятельность архитектора Фёдора Фёдоровича Штенгеля в Санкт-Петербурге.— *А.Е. ГРИЦ*. Учителя московских зодчих.— *М.А. БАРАШЕВ*. Время и пространство в усадебной архитектуре пореформенной России: усадьба графа К.К. Толя в селе Фёдоровском Владимирской губернии.— *Н.Д. ТРОСКИНА*. Московский Кремль в конце 19 – начале 20 в.— *М.М. ЕРМОЛАЕВ*. Выборгская крепость в 1860–70-е годы.— *А.В. РАБОТКЕВИЧ*. К защите древностей от церковников.— *Г.Д. КАНТОРОВИЧ*. Хранитель каменной летописи.— *М.Ю. КОРОБКЮ*. Памятники Теплостанского

лесопарка.— *М.В. ИВАНОВ*. Но разведка доложила точно: материалы к биографии Смоленского музея.— *М.М. ЕРМОЛАЕВ*. Дополнение о В.И. Мухометове.— Судьба песни (Е.М. Левашев).

**2001:** *М.В. ВДОВИЧЕНКО*. О первоначальной композиции Спасо-Преображенского собора в Тамбове.— *С.С. ПОПАДЮК*. Памятники архитектуры Енисейска.— *Г.К. СМИРНОВ*. Тюрмы второй половины 18 в. в городах России.— *В.М. НЕДЕЛИН*. Неизвестные храмы А. Мельникова в Орле и Мценске.— *М.А. БАРАШЕВ*. Организация усадебного строительства в русской провинции второй половины 18 — начала 19 века.— *А.Е. ГРИЦ*. Изучение древнерусского зодчества в Московском Дворцовом архитектурном училище.— *К.Г. ГОЛОВКИН*. Учёт памятников старины в России и первое пособие по их изучению.— *М.В. ИВАНОВ*. «Дорогой Михаил Иванович!» — *Н.В. ВЕХОВ*. Ярмарки Архангельской губернии.— *С.А. ПЕРОВА*. Е.В. Гольдингер и её воспоминания (*Е.В. ГОЛЬДИНГЕР* об И.С. Остроухове, П.П. Семёнове-Тян-Шанском, Д.И. Щукине, А.М. Эфросе, Б.М. Кустодиеве, П.Д. Корине, Б.Л. Пастернаке, О.Э. Озаровской, усадьбе Братцево, музеях 1930-х годов).— *Р.И. ПЛАТОНОВА*. Записки моего отца (*И.С. КУЗНЕЦОВ*. Антиповка — вольное село в низовьях Волги).— *М.И. РАБИНОВИЧ*. Чекисты ищут Ленина.— *М.И. КОРОБКОВ*. Дополнение к статье «Чекисты ищут Ленина».— *В.И. ПЛУЖНИКОВ*. Объект № 2671.— **ШАГ НАЗАД:** Портрет А.А. Бодя.— *М.В. ИВАНОВ*. И снова о Мухометове.

**2002:** *Н.А. СОБОЛЕВ*. Опыт разоблачения «Влесовой книги».— *Р.А. СИМОНОВ*. Хрономантия как зона объективизации естествоведения.— *С.В. ИЛЕВИЧ*. Католический храм в православном монастыре.— *С.С. ПОПАДЮК*. Памятники архитектуры Енисейска.— *В.И. ПЛУЖНИКОВ*. Архитектурный выбор автора «Конька-Горбунка».— *М.А. БАРАШЕВ*. Владимирский казённый винный склад: строительство и производственный быт в начале 20 века.— *И.В. БУРАЯ*. Торговый дом «А.Н. Пермяковой С-я» в Сызрани.— *С.С. ЛЕВОШКО*. Архитектура Русского Харбина в зеркале зарубежной историографии.— *Н.В. ВЕХОВ*. Мурманская железная дорога.— *М.В. ИВАНОВ*. Смоленск в жизни генерала М.В. Алексея.— *Г.Д. ЗЛОЧЕВСКИЙ*. Разгром краеведения в 1927–1936 годах.— *С.В. ТРОШИНА*. Рейхсканцелярия: трофейные фотографии из коллекции ГНИМА имени А.В. Щусева.— *Т.А. СИДОРОВА*. Трагедия генерала Качалова.—

*С.А. ТОПОРНИН*. Война после войны.— *А.Г. СЕННИКОВА*. Памяти профессора Прокопия Александровича Тельтевского.— **ШАГ НАЗАД:** Билет на выставку В.И. Мушкетова.— *В.И. ПЛУЖНИКОВ*. Соликамский концентрат советской культуры.— *В.И. ПЛУЖНИКОВ*. Дополнение к сноске по «Об'екту № 2671».

**2003:** *Р.А. СИМОНОВ*. База данных по точным наукам Древней Руси: десятый век.— *И.В. БУРАЯ*. Планировочное развитие Сызрани с конца 17 до начала 20 века.— *Л.К. МАСИЕЛЬ САНЧЕС*. Три храма 18 — первой четверти 19 века в Читинской области.— *Г.К. СМИРНОВ*. Губернские архитекторы в России во второй половине 18 века.— *М.В. ИВАНОВ*. Рославльский энциклопедист 19 столетия В.П. Андросов.— *И.В. ВЕХОВ, Е.И. ТРОПИЧЕВА*. Первая публичная библиотека на Русском Севере.— *С.А. ГАВРИЛОВ*. Жизненный и творческий путь зодчего В.А. Покровского.— *А.Р. ЕФИМЕНКО*. К биографии барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга.— *С.А. ТОПОРНИН*. Будни и праздники солдата-чекиста.— *В.И. ПЛУЖНИКОВ*. Безвестные строители МГУ на Ленинских горах.— **ШАГ НАЗАД:** *Б.Н. МОРОЗОВ, Р.А. СИМОНОВ*. Новые данные о врачевании при Иване Грозном.— *В.И. ПЛУЖНИКОВ*. Советские бомбардировщики барона Бартини над Берлином осенью 1941 года.— *В.И. ПЛУЖНИКОВ*. Исправительно-трудовой профилакторий.

**2004:** *Р.А. СИМОНОВ*. База данных по точным наукам Древней Руси. 11 век. Цифровые материалы обучающего назначения.— *С.В. ИЛЕВИЧ*. Безинтерьерные часовни Белоруссии.— *Н.Б. ЧЕЛЬЦОВА*. Из истории епархиального женского училища (1850–1918).— *А.Б. ГУЛАЯН*. Орловский водопровод.— *И.В. ВЕХОВ*. К истокам русской школы промышленного декоративного цветоводства и парковой дендрологии.— *А.Г. ШЕВЧЕНКО, Ю.А. ГАВРИЛОВ*. Московская Соборная мечеть за сто лет (исламская составляющая культурного наследия Москвы).— *Ю.А. ГАВРИЛОВ, А.Г. ШЕВЧЕНКО*. «Дикая дивизия» в сражениях Первой мировой войны (наследие боевого содружества православных и мусульманских народов России).— *Г.Д. ЗЛОЧЕВСКИЙ*. Дорога в беспамятство (1918–1991).— *М.И. ИВАНОВ*. Кубист из Дорогобужа.— *С.А. ТОПОРНИН*. Куба в дни интервенции.— *В.И. ПЛУЖНИКОВ*. Нетрадиционный архив традиционного наследия.— **ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО:** Елизавета Михайловна Каравасева.— *Я.В. ТАТАРЖИНСКАЯ*. Мои воспоминания об архитекторе Е.М. Каравасовой. Основные работы Е.М. Каравасовой. Реставра-

ционные работы Е.М. Каравасвой.— *Я.В. ТАТАРЖИНСКАЯ*. Из рассказов Е.Н. Морозкиной о Е.М. Каравасвой.— *В.П. БЕЛЬСКАЯ*. Лизочка Каравасва.— *А.А. ШЕННИКОВ*. О научном наследии Е.М. Каравасвой.— *С.А. ПЕРОВА*. Елизавета Михайловна Каравасва.— *В.И. ПЛУЖНИКОВ*. Е.М. Каравасва в контексте времени. Одно из частных писем Е.М. Каравасвой. Осень 1961 года.— **ШАГ НАЗАД:** *Р.А. СИМОНОВ*. Десятый век: данные по точным наукам Древней Руси.

**2005:** *Р.А. СИМОНОВ*. Медико-астрологическая таблица «опасных дней».— *Е.И. СТУПКИН*. Лекарь из потешных.— *Н.С. КОРЕПАНОВ*. Медь для «Медного всадника».— *Л.А. ПЕРФИЛЬЕВА*. Из истории строительства соборной колокольни в Вологде.— *И.Г. ПОЛОПСКАЯ*. История Кутузовской избы (дореволюционный период).— *И.В. БУРАЯ*. Особняк С.А. Стерлядкина в Сызрани.— *М.М. ЕРМОЛАЕВ*. Выборгская крепость в 1912–1918 гг.— *А.Р. ЕФИМЕНКО*. Сибирская Украина. Неизвестная страница Гражданской войны.— *Е.М. ИВАНОВА*. Евгений Петров на Финской войне.— *М.В. ИВАНОВ*. Глазами человека уходящего поколения.— *А.М. ШАВЕЛЬ*. Премьера балета в Москве на осадном положении.— *С.В. ИЛЕВИЧ*. «Бедная Белоруссия потеряла тяжёлый убыток».— *Т.А. СИДОРОВА*. В «Книге Памяти» не значится... — *В.И. ПЛУЖНИКОВ*. Каталог вражеских генералов.— *А.Е. ГРИЦ*. С.П. Григоров и спасение Дрезденской галереи в 1945 году.— *С.В. ИЛЕВИЧ*. Дополнение о Дрезденской галерее.— *С.А. ТОПОРНИН*. Скрытая помощь Анголе.— **НА АРХИВНЫХ ПОЛКАХ ЦЕНТРА ДОКУМЕНТАЦИИ НАСЛЕДИЯ:** *С.В. ИЛЕВИЧ*. Разрушено во время войны 1941–45 гг.

**2006:** *М.В. ИВАНОВ*. Деятельность В.И. Грачёва по сохранению и изучению историко-культурного наследия.— *Л.Л. СТЕПЧЕНКОВ*. Труды В.И. Грачёва, опубликованные при жизни (хронология).— *И.В. ВЕХОВ*. Малоизвестные события на арктическом театре военных действий в первой половине 20 века.— *И.И. ШАРМИН*. Забытый памятник фортификации времён Первой мировой войны.— *В.Р. КУЛЬБАЧУК*. Институтский скандал вокруг произведения Р.И. Клейна.— *Н.Б. ЧЕЛЬЦОВА*. Святые рода Чельцовых.— *Е.В. УСПЕНСКИЙ*. Неприметная война.— **С АРХИВНЫХ ПОЛОК ЦЕНТРА ДОКУМЕНТАЦИИ НАСЛЕДИЯ:** *С.В. ИЛЕВИЧ*. Братские могилы воинов Красной Армии, погибших в войне 1939–40 гг. на территории современной Карелии.

## СОДЕРЖАНИЕ

К читателю .....	3
Avis au lecteur .....	6
<i>К.Г. ГОЛОВКИН</i>	
Старообрядчество и традиционная народная культура Русского Севера .....	9
<i>Ю.А. ГАВРИЛОВ, А.Г. ШЕВЧЕНКО</i>	
Из истории духовного наследия крымских караимов .....	69
<i>Г.С. КОБЕЦКАЙТЕ</i>	
Религия как составная часть национальной культуры и её значение в жизни литовских и польских караимов .....	133
<i>В.З. ТИРИЯКИ</i>	
Крымские караимы: прошлое, настоящее, будущее .....	161
<i>М.В. ИВАНОВ</i>	
К истории мемориальных вещей в музее-усадьбе М.И. Глинки в селе Новоспасское .....	161
<i>В.П. СТОЛЯРОВ</i>	
Соловецкий узник Корнилий Тимофеевич Столяров .....	185
<i>В.И. ПЛУЖНИКОВ</i>	
На дальних подступах к томам «Свода». Фрагменты воспоминаний .....	209
<i>Б.Е. УСПЕНСКИЙ</i>	
О маяках Кубы .....	230
<i>А.В. ХАРЬКОВ</i>	
На крайнем западе Российской империи (дополнение к статье Б.Е. Успенского «О маяках Кубы») .....	234

**Шаг назад***М. В. ИВАНОВ*

Уцелевшие «Магнолии» ..... 244

*С. В. ИЛЕВИЧ*

Четыре письма Лизы Караваевой в годы войны ..... 248

Список сокращений ..... 258

Именной указатель ..... 263

Указатель географических названий ..... 279

Содержание предыдущих выпусков ..... 295

Содержание ..... 299

Sommaire ..... 301

## SOMMAIRE

Avis au lecteur .....	6
<i>K. GOLOVKINE</i>	
Une église schismatique et des traditions folkloriques des peuples du Nord de la Russie .....	9
<i>Y. GAVRILOV, A. CHEVTCHENKO</i>	
Histoire de la religion et de la culture des caraïtes de la Crimée .....	69
<i>C. KOBETSKAÏTĚ</i>	
Religion dans la vie des caraïtes de la Lituanie et de la Pologne .....	133
<i>V. TIRIAKI</i>	
Caraïtes de la Crimée: le passé, le présent, le future .....	161
<i>M. IVANOV</i>	
Collection des objets commémoratifs dans le musée de Novospasskoïe, ancienne propriété de M. Glinka .....	161
<i>V. STOLAROV</i>	
Détenu du camp de travail forcé dans une île Solovetski .....	185
<i>V. PLOUJNIKOV</i>	
Extraits des mémoires sur la conception de l'Inventaire des monuments historiques et culturels .....	209
<i>B. OUSPENSKI</i>	
Phares de Cuba .....	230
<i>A. KHARKOV</i>	
Aux frontières occidentales de l'Empire russe (supplément de l'article "Phares de Cuba" de B. Ouspenski) .....	234

## S U J E T S R E P R I S

M. IVANOV	244
“Magnolia” conservé .....	244
S. ILÉVITCH	248
Quatre lettres écrites par Lisa Karavaéva pendant la guerre.....	248
Abréviations .....	258
Index des noms de personnes .....	263
Index géographique.....	279
Sommaires des volumes précédents .....	295
Sommaire .....	301



# ДЛЯ ЗАМЕТОК

АЛЖИБ НАСРЕДНИ — 2007

Сборник статей

Составитель: Владимир Иванович Шабалин  
Редакторы: Т. В. Макарова, А. Е. Пуп, Ю. С. Шадрин  
Корректор: А. Е. Пуп  
Проект и дизайн: Е. В. Макарова  
Верстка: Т. В. Макарова

Удостоверено в печать в соответствии с сертификатом  
Исследования научно-исследовательского  
института качества и природного наследия  
имени А. С. Пушкина

Издатель: ИП 020730 от 3 марта 1998 г.

Книжечный набор — Т. В. Макарова  
Иллюстрации — Е. В. Макарова  
Печатное издание — М. В. Макарова, В. В. Макарова

Издательство в печать: 15.12.2008 г.  
Допечат: 0208478. Издательство  
Издательство: Иллюстрация  
Издательство: 18.12.2008 г.  
Издательство: 0208

Исследования научно-исследовательский  
институт качества и природного наследия  
имени А. С. Пушкина  
120386, Москва, ул. Космодемьянская, 2  
e-mail: [edit@ip020730.net](mailto:edit@ip020730.net)

Организовано в соответствии с  
План 300057, ул. Ордынский д. 81  
ИП № 020730 от 18.10.97  
Тел: (0872) 40-70-38

**АРХИВ НАСЛЕДИЯ — 2007**

Сборник статей

Составитель *Владимир Иванович Плужников*

Редакторы *Т.В. Васильченко, А.Е. Гриц, Ю.С. Макаревич*

Корректор *А.Е. Гриц*

Переводы на французский — *С.В. Илевич*

Указатели — *Т.В. Васильченко*

Утверждено к печати Редакционно-издательским советом

Российского научно-исследовательского  
института культурного и природного наследия  
имени Д.С. Лихачёва

Лицензия ЛР 020730 от 3 марта 1998 г.

Компьютерный набор — *Т.В. Васильченко*

Подготовка иллюстраций — *С.В. Илевич*

Дизайн обложки — *М.М. Михайлов, В.И. Плужников*

Подписано в печать 15.12.2008 г.

Формат 60×84/16. Гарнитура Bodoni.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 19. Тираж 500 экз.

Заказ № 625

Российский научно-исследовательский  
институт культурного и природного наследия  
имени Д.С. Лихачёва

129366, Москва, ул. Космонавтов, 2

e-mail: [heritage@mtu-net.ru](mailto:heritage@mtu-net.ru)

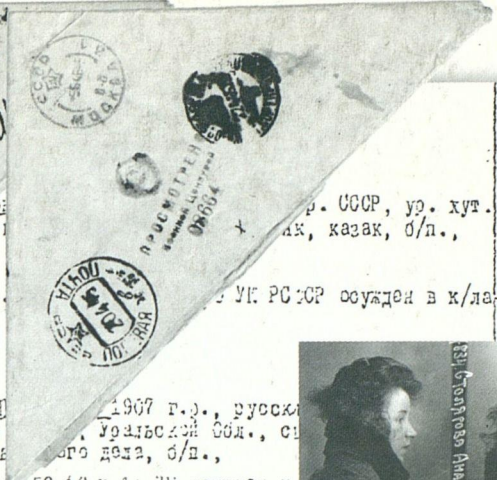
Отпечатано в типографии ЗАО «Гриф и К»:

Тула, 300057, ул. Октябрьская, д. 81-а.

ЛР № 065454 от 13.10.97.

Тел.: (0872)49-76-96

Москва,  
Прогрессивная,  
Петроградская, Савинки  
Харьковский  
Нов. Парт. 34084  
Дом Тимощенко  
Харьковский



✓ Офис № 121  
ПЕЖОВА  
Евхиму Ивановичу  
РАСТРЕЛЯ  
8/11/37

ПОЛТАВСКИЙ Василий Иосифович, 1907 г.р., русский, уроженец Сарепинского завода, Уральской Обл., сын рабочего, Райинструктор мелкого хозяйства, б/п.

Колпу 3.4-23г. по ст. 58-10 и 11 УК осужден к ИТЛ на 10 лет.

В 1936 г. совершил кражу при БК НКВД 24.X-36г. приговорен к ИТЛ на 10 лет.



✓ Офис № 37162  
ПОЛТАВОВА  
Евхиму Петровна  
РАСТРЕЛЯ  
8/11/37



присвоившие

САВИЦКА Владимир Иванович, 1898 г.р., русский, уроженец Уралинской обл., сын рабочего, в Москве, б. член ВЛКСМ

г.р. СССР, сын рабочего, в Москве, б. член ВЛКСМ

✓ Офис № 20007  
САВИЦКО  
Владимира Михайловича  
РАСТРЕЛЯ  
8/11/37

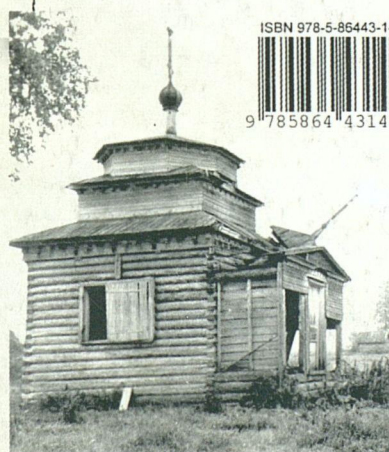


7.36г. за участие в к/р. группе осужден

САВИЦКА Владимир Иванович, 1898 г.р., русский, уроженец Уралинской обл., сын рабочего, в Москве, б. член ВЛКСМ

8/10 и 11 УК осужден в ИТЛ на 5 лет.

✓ Офис № 391  
СТОЛЯРОВА  
Корнилия Тимофеевна  
РАСТРЕЛЯ  
8/11/37



ISBN 978-5-86443-144-3  
9 785864 431443

